

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

Russian State University for the Humanities
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Journal of Language Relationship

International Scientific Periodical

Nº 20/4

Moscow 2022

Российский государственный гуманитарный университет
Институт языкознания Российской Академии наук

Вопросы языкового родства

Международный научный журнал

№ 20/4

Москва 2022

Advisory Board:

H. EICHNER (Vienna) / Chairman
W. BAXTER (Ann Arbor, Michigan)
V. BLAŽEK (Brno)
L. HYMAN (Berkeley)
F. KORTLANDT (Leiden)
A. LUBOTSKY (Leiden)
J. P. MALLORY (Belfast)
A. YU. MILITAREV (Moscow)
V. F. VYDRIN (Paris)

Editorial Staff:

V. A. DYBO (Editor-in-Chief)
G. S. STAROSTIN (Managing Editor)
T. A. MIKHAILOVA (Editorial Secretary)
A. V. DYBO
M. A. MOLINA
M. N. SAENKO
I. S. YAKUBOVICH

Founded by Kirill BABAEV

Редакционный совет:

Х. АЙХНЕР (Вена) / председатель

В. БЛАЖЕК (Брно)

У. БЭКСТЕР (Анн Арбор)

В. Ф. ВЫДРИН (Париж)

Ф. КОРГЛАНДТ (Лейден)

А. ЛУБОЦКИЙ (Лейден)

Дж. МЭЛЛОРИ (Белфаст)

А. Ю. МИЛИТАРЕВ (Москва)

Л. ХАЙМАН (Беркли)

Редакционная коллегия:

В. А. ДЫБО (главный редактор)

Г. С. СТАРОСТИН (заместитель главного редактора)

Т. А. МИХАЙЛОВА (ответственный секретарь)

А. В. ДЫБО

М. А. МОЛИНА

М. Н. САЕНКО

И. С. ЯКУБОВИЧ

Журнал основан К. В. БАБАЕВЫМ

Вопросы языкового родства: Международный научный журнал / Рос. гос. гуманитар. ун-т; Рос. акад. наук. Ин-т языкознания; под ред. В. А. Дыбо. — М., 2022. — № 20/4. — x + 83 с.

Journal of Language Relationship: International Scientific Periodical / Russian State University for the Humanities; Russian Academy of Sciences. Institute of Linguistics; Ed. by V. A. Dybo. — Moscow, 2022. — No. 20/4. — x + 83 p.

ISSN 2219-3820

<http://www.jolr.ru/>
gstarst1@gmail.com

Дополнительные знаки: С. Г. Болотов
Add-on symbols by S. G. Bolotov

Подписано в печать 30.12.2022. Формат 60×90/8.
Усл. печ. л. 11,8. Уч.-изд. л. 8,2. Заказ № 1696.
Тираж 1050 экз.

Издательский центр
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru

Table of Contents / Содержание

Table of Contents / Содержание	vii
Contributors / Сведения об авторах	viii
Note for Contributors / Будущим авторам	ix

Articles / Статьи

<i>Т. А. Михайлова. Вор и воровство в гойдельском: реконструкция и стратегия номинации</i>	253
<i>[Tatyana Mikhailova. 'Thief' and 'Theft' in Goidelic: a semantic reconstruction]</i>	
<i>М. А. Молина. К вопросу о реконструкции терминов эмоций для праанатолийского и праиндоевропейского уровней</i>	268
<i>[Maria Molina. On the reconstruction of the lexical terms for emotions on the Proto-Anatolian and Proto-Indo-European levels]</i>	
<i>Л. С. Холкина, Л. О. Наний, Цян Сы. Семантическое поле ОСТРЫЙ в китайском языке: диахроническое развитие и его отражение в современных диалектах</i>	280
<i>[Liliya Kholkina, Lyudmila Naniy, Qiang Si. The semantic field SHARP in Chinese, its diachronic development and reflexes in modern dialects]</i>	
<i>Aleksandra Jarosz, Georg Orlandi. Common Kyushu-Ryukyuan substratum in maritime vocabulary: a preliminary analysis</i>	299
<i>[А. Ярош, Дж. Орланди. Предварительный анализ общеключю-рюкюских субстратных терминов, имеющих отношение к морю и мореплаванию]</i>	

Contributors

Aleksandra Jarosz — faculty member, Japanese Studies Department, Nicolaus Copernicus University (Toruń, Poland), aljarosz@umk.pl

Liliya Kholkina — candidate of sciences (Philology), Ph.D., associate professor, Institute of Linguistics of the Russian State University for the Humanities, kholkina.liliya@yandex.ru

Tatyana Mikhailova — doctor of sciences (Philology), professor, Department of Germanic and Celtic Studies, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, tamih.msu@mail.ru

Maria Molina — postdoctoral fellow, Department of Archaeology and Ancient Near East, Tel Aviv University / researcher, In-

stitute for Oriental and Classical Studies, Higher School of Economics (Moscow), maria.lakhuti@gmail.com

Lyudmila Naniij — candidate of sciences (Philology), associate professor, Institute of Linguistics of the Russian State University for the Humanities, naniilu@yandex.ru

Georg Orlandi — postdoctoral researcher, Osaka University, Toyonaka (Japan) / Italian School of East Asian Studies (Kyoto, Japan), georg.orlandi@gmail.com

Si Qiang — professor, Huizhou University (PRC), chanceqq@126.com

Сведения об авторах

Михайлова, Татьяна Андреевна — доктор филол. наук, проф. кафедры германской и кельтской филологии филологического факультета МГУ (Москва), tamih.msu@mail.ru

Молина, Мария Александровна — постдок факультета археологии и древнего Ближнего Востока Тель-Авивского университета, научный сотрудник Института классического Востока и античности ВШЭ (Москва), maria.lakhuti@gmail.com

Наний, Людмила Олеговна — кандидат филол. наук, доцент Института лингвистики РГГУ, naniilu@yandex.ru

Орланди, Джорджио — постдокторант Осацкого университета (Тоёнака, Япония), сотрудник Итальянской школы

восточноазиатских исследований (Киото, Япония), georg.orlandi@gmail.com

Холкина, Лилия Сергеевна — кандидат филол. наук, Ph. D., доцент Института лингвистики РГГУ, kholkina.liliya@yandex.ru

Цян, Сы — Ph. D., преподаватель университета Хуэйчжоу (КНР), chanceqq@126.com

Ярош, Александра — научный сотрудник отделения японистики университета Николая Коперника (Торунь, Польша), aljarosz@umk.pl

Note for Contributors

Journal of Language Relationship welcomes submissions from everyone specializing in comparative-historical linguistics and related disciplines, in the form of original articles as well as reviews of recent publications. Articles are published preferably in English or Russian, although publication of texts in other major European languages (such as French or German) may be considered by the Editorial Board.

All submissions should be uploaded electronically in MS Word and PDF format, using the online *Manuscript Submission Form* at the official website of the Journal (<http://jolr.ru>). Each article should be accompanied with information about the author(s) (names, affiliations, contact information), an abstract (not exceeding 300 words) and relevant keywords.

For more detailed guidelines on article submission and editorial policies, please see our website (<http://jolr.ru>) or address the Editorial Board directly at gstarst1@gmail.com. Inquiries may also be sent by regular mail to the official address of the Journal:

Journal of Language Relationship
Institute for Oriental and Classical Studies
Russian State University for the Humanities
125047 Moscow, Russia
Miusskaya Square, 6

Будущим авторам

Журнал *Вопросы языкового родства* принимает заявки на публикацию оригинальных научных статей, а также рецензий от всех, кто специализируется в области сравнительно-исторического языкознания и смежных дисциплин. Предпочтительные языки публикации — английский или русский, хотя по согласованию с редакционной коллегией возможна также публикация статей на других крупных европейских языках (французский, немецкий и т. п.).

Подача материалов для публикации (в форматах MS Word и PDF) осуществляется через *Электронную форму подачи рукописей* на официальном сайте журнала (<http://jolr.ru>). К каждой статье обязательно прилагаются сведения об авторах (имена, аффилиации, контактная информация), краткое резюме (не более 300 слов) и список подходящих ключевых слов.

Подробнее о требованиях к оформлению рукописи, редакционной политике журнала и т. п. вы можете узнать на нашем сайте по адресу: <http://www.jolr.ru> или непосредственно от редакционной коллегии по электронной почте (gstarst1@gmail.com). По различным вопросам с редакцией журнала можно также связаться по обычной почте:

125047 Москва
Миусская площадь, д. 6
Российский государственный гуманитарный университет
Институт восточных культур и античности
В редакцию журнала «Вопросы языкового родства»

Вор и воровство в гойдельском: реконструкция и стратегия номинации¹

Работа посвящена изучению реализаций в гойдельских языках (ирландском и шотландском) в диахронической перспективе понятий «вор» и «воровство», которые автор полагает относительно поздними и вторичными. Автор конструирует исходную четырех-компонентную модель современного понятия «воровства» и прослеживает на базе сопоставительного материала развитие лежащих в ее основе исходных понятий (тайное действие, депривация через стадию дистанцирования, нанесение вреда, заинтересованность агенса), которые в ходе языковой и социальной эволюции оказываются базовыми для возникновения и оформления соответствующих терминов. В то же время в работе дается сопоставительный анализ слав. *tatъ* и др.-ирл. *taid*, восходящих к одному и.-е. корню с исходным значением «тайное действие» (фиксируется также у ряда других и.-е. основ с аналогичной деривацией) и предлагается наличие разнонаправленного семантического перехода: не только «тайна» → «вор», но и обратное «вор» → «тайна». Семантическое развитие в данном случае соотносится с развитием представлений о собственности в обществе и может быть расценено как дистантная семантическая конвергенция. Ирландское и славянское понятия рассматриваются не как кельто-славянская изоглосса и не как доказательство близости лингвистического единства, но как параллельное и независимое семантическое развитие. В работе также предлагается новая этимология базового глагола воровства в современном ирландском, *goid*, базирующаяся на ранних употреблениях глагола со значением дистанцирования, а затем — депривации, проводятся аналогии с другими языками, в которых реализуется аналогичный семантический сдвиг: *чужой* → *депривация* → *отчуждение* → *воровство*. В то же время анализ репрезентативных фрагментов, иллюстрирующих развитие семантики лексемы, демонстрирует градуальное развитие значения «красть».

Ключевые слова: семантические переходы; языковое развитие; понятие собственности; сравнительное языкознание; кельтские языки; народная латынь; девербиальная деривация.

Несколько предварительных замечаний

Обозначение воровства как акта и вора — как его агенса предполагает наличие у коллективного носителя языка многокомпонентного ментального комплекса, основные составляющие которого, предположительно, содержат:

- 1) информацию о лишении X-а объекта N (депривация);
- 2) информацию о заинтересованном в данном акте лице Y, которое присваивает объект N (лицо может быть обозначено как неизвестное);
- 3) информацию о нанесении вреда, ущерба X-у в результате совершения описываемого действия;
- 4) информацию о совершенном действии **как тайном**, скрытом, в первую очередь — от X-а, но не только.

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 22-18-00586 «Построение типологии полисемии с применением частично-автоматизированной системы кросс-языковой идентификации семантических переходов».

Список названных компонентов, возможно, нельзя назвать исчерпывающим, поскольку он не учитывает метафорических окказионализмов, а также коннотативных стратегий коммуникации. Не отмечен в выделенном нами семантическом комплексе и компонент, отсылающий к находящему с пресуппозиции осуждению самого действия, если не на уровне юридическом или религиозном, то хотя бы на общественном. Однако этот элемент семантического комплекса, казалось бы — очевидный для современного сознания, не поддерживается собственно этимологией «глаголов воровства», которые всегда вторичны в своей коннотативной нагруженности, с одной стороны, и динамичны в смещении ядер семантических полей, с другой. В ряде случаев присутствующие изначально отрицательные коннотации в ходе дальнейшего морфологического развития лексемы могут и исчезать. Этимологический анализ реальных лексем, представленных в языке в качестве нейтрально-базовых, должен, таким образом, опираться на семантику одного из указанных компонентов, в силу необъективных исторических и социальных сдвигов оказавшегося доминирующим в обозначении понятийного комплекса и закрепившегося в речевом употреблении. При этом безусловный интерес представляет исходная семантика базовой основы, иллюстрирующая как особенности этно-менталитета, так и возможности дальнейшего семантического развития и расширения поля лексемы в прогнозируемом направлении.

Выделенный четырехкомпонентный комплекс представляет собой, по определению Н. И. Толстого, «макро-сетку, на которую могут накладываться лексемы из отдельных диалектов. /.../ Это даст также возможность предсказуемости некоторых отношений при реконструкции» (Толстой 1964: 37). Указанная предсказуемость может быть использована и при прогнозировании дальнейшего семантического развития при заимствовании: лексема языка-донора, имеющая значение X, близкое семантически к значению Y, в языке-рецепторе начинает вовлекаться в поле с более широкой семантикой. Поясним нашу идею на конкретных примерах.

Так, например, в валлийском языке было сформировано два основных обозначения вора, автохтонное и заимствованное. В исконном *dygiedydd*, образованном от глагола *dwyn* 'уносить, отбирать, красть' превалирует идея депривации, тогда как более распространенное заимствованное *lleidr* sg. (< лат. *latrō* 'грабитель, злодей; вор', ср. брет. *lazr* 'вор', о развитии вокализма у сингулатива см. Jackson 1994: 593–4) иллюстрирует семантический переход «лицо, приносящее вред в широком смысле слова» → «вор». Первые латинские свидетельства употребления лексемы фиксируют значение «солдат, наемник» (заимств. из греч. *λάτρον* 'вор' — лишь на уровне народной этимологии, см. Ernout & Meillet 1939: 527). Уже в классической латыни лексема расширяет значение и начинает обозначать бандита и грабителя в целом (компоненты: депривация, вред, заинтересованность). Однако лишь в валлийском основа получает дополнительное значение-компонент «тайное действие», реализующееся, например, в метафорических употреблениях. Так, евангельский контекст о *ворах*, которые «подкапывают и *крадут*» в валлийском переводе: ...у мае **lladron** yn cloddio trwodd ac yn **lladrata** (MT, 6, 19), иллюстрирует не только семантический сдвиг «разбойник, грабитель» → «вор», но и соответствующую вторичную глагольную деривацию. В то же время в переводе «Первого послания к Фессалоникам» Апостола Павла, в котором говорится, что День Божий подступает «незаметно, тайно» (5, 2), употреблена эта же лексема: *fel lleidr yn y nos* (букв. «как разбойник ночью»). Естественно, это калька с греческого (ср. русск. *яко тать в нощи*, о чем см. ниже), однако обращает на себя внимание семантический сдвиг «разбойник» → «вор», естественным образом произошедший в валлийском, видимо, в силу дефицита обозначений вора в целом, и автоматически развившийся в своем семантическом поле компонент

«тайно». Ср. также в валл. XV–XVII вв. *lleidr dyn* ‘убийца’ (букв. «вор человека»), как лицо, совершающее тайное действие в целом².

Аналогичное семантическое де-номинативное развитие фиксируется и для русск. *вор*, *воровка*, изначально реализовавших лишь компонент 4 (первое зафиксированное употребление — сер. XVI в., fem. — впервые о Марине Мнишек) и восходящего предположительно к и.-е. **ur-* ‘говорить возвышенно, лгать’ (IEW: 1162; если не из финск. *varas* ‘вор, грабитель’ (см. Евгеньева 1939), что Фасмер полагает «неприемлемым» (Фасмер 1996: 350), либо — см. более убедительное предположение о тюркском заимствовании лексемы, в силу ее «изолированного положения» в славянских языках — Добродомов 1973). Исходным значением в данном случае, каково бы ни было происхождение лексемы, можно назвать «дурное, обманное действие» (компонент 3), ср. приведенный М. Фасмером пример раннего употребления: *воровать* «прелюбодействовать», либо, если мы примем теорию финского заимствования — ‘грабить’ (компоненты 1, 2).

Семантический переход «тайное действие» → «воровство» может быть назван если не универсальным, то по крайней мере достаточно частотным³. Ср., однако, противоположное развитие семантики ‘вор’ у чешск. *sloděj*: от «нанесения вреда» к «скрытому действию» Этот семантический сдвиг от общего «дурного» к более частному — «воровству», засвидетельствован и в лат. *furtim* ‘тайно, скрытно’, от *fur* ‘вор’⁴.

Стратегия номинации *вора* и *воровства*, таким образом, колеблется между двумя преферентными понятиями: совершение тайного действия и нанесение материального ущерба, причем именно формирование на языковом уровне соответствующего агенса оказывается тем «мостиком», который связывает эти понятия в единый семантический комплекс. И поэтому заимствованная в языке X лексема с исходным значением «причиняющий ущерб» может трансформироваться в понятие «вор» в более широком смысле (см. выше), и наоборот. Другим базовым семантическим компонентом можно назвать идею депривации (лишения, отнимания и проч.). В последнем случае демаркационная линия между собственно кражей и открытым грабежом представляется недостаточно четкой, несмотря на то, что как сам язык, так и культурная традиция постоянно стремятся данные понятия дистанцировать.

Др.-ирл. *taid* и русск. *тать*

Можно предположить, что исходная семантика скрытого действия не должна включать в себя в качестве обязательного элемента «депривацию», то есть — лишение X-а некоего объекта и нанесение ему таким образом ущерба. Как пишет, однако, автор диссертационного исследования о развитии обозначения воровства в русском языке Ю. М. Муратов:

История лексемы *тать* начинается в праиндоевропейскую эпоху, когда в рамках этимологического гнезда глагола с корнем *(s)ta(i) — ‘скрывать, таить’ (отсюда русск. *тайна*) появилось помен *agentis*, давшее праслав. **tatъ*, др.-ирл. *taid* ‘вор’ (ср. родственные др.-греч. τῆτάω, дор. τῆτάω ‘лишаю’ (Фасмер т. 4, с. 11, 28). /.../ Появление корня с подобным значением в индоевропейскую эпоху имеет огромное культурологическое значение, так как указывает на высокую степень развития имущественных отношений у индоевропейских племен с уже укоре-

² См. подробнее по ссылке: geiriadur.ac.uk/gpc/gpc.html.

³ См. переход № 5512 **to hide** — **thief** в электронной базе семантических переходов DatSemShift.

⁴ Ср. также многочисленные примеры употребления наречия *воровски* в значении ‘тайно, украдкой’ в контекстах «воровски оглядываясь», «воровски пряча глаза» и пр. в Национальном корпусе русского языка.

нившимся в сознании понятием собственности — первоначально, вероятно, общественной, племенной, но уже с четкой демаркацией своего и чужого (Муратов 2015: 92).

Данный вывод кажется поспешным, поскольку, как мы видели выше, семантика «скрытности» действительно является одним из базовых оснований для формирования понятий воровства и вора, однако путь семантической деривации в данном случае не является единственным. Аналогичный вывод эксплицирован Мэллори и Адамсом, заключающими, что базовой идеей обозначения «воровства» на и.-е. уровне было «совершение тайного, скрытного действия» (Mallory & Adams 2006: 275), но «тайное действие» еще не означает автоматически «воровство». Ср. также, например, сходное семантическое развитие в обще-германском — англ. *thief*, нем. *Dieb* etc.: к обще-герм. **þeuba-z* с исходной семантикой «прятаться, скрываться, сидеть на корточках» (Orel 2003: 422). Наличие у дериватов одного и.-е. корня одной (или сходной) семантики не обязательно должно свидетельствовать о том, что на «праиндоевропейском уровне» данная семантика уже присутствовала в языке. Скорее, речь может идти о сходных путях семантической деривации или о своего рода семантической конвергенции. Неродственные лексемы реализуют сходные семантические переходы достаточно часто⁵ и удивления не вызывают, однако, как можно предположить, сходная колексификация в языках родственных также может быть конвергентной и не свидетельствовать о наличии реконструируемой семантики на архаическом уровне. Мой вывод, наверное, предстает в данном случае как спорный. Так, в работе 1971 г. К. Уоткинс писал: «Лингвистические данные, возводящие лексемы к одному индоевропейскому этимону, и совпадающие по форме и функции — очевидным примером здесь являются термины родства — являются свидетельством того, что соответствующее юридическое понятие уже существовало в индоевропейской общности» (Watkins 1971: 322).

Так, например, семантический переход «месяц» (*moon*) → «месяц» (*month*), представленный во всех и.-е. языках, позволяет предположить, что данный семантический переход произошел на уровне и.-е. общности (т. е. примерно 5000 до н.э.), если не ранее, и реконструировать для обозначения временного отрезка форму **mēnōt*. Семантический переход представляется очень логичным: подсчет времени по фазам луны кажется для архаического общества оптимальным, что подтверждается обилием реализаций перехода (274) в базе DatSemShift (#0856). Однако и в данном случае все не так просто, и обозначение ночного светила **mēn-s* реконструируется скорее как **вторичное** по отношению к «месяцу» как **мере** времени (см. IEW 731–732). См. например обратный переход: польск. *księżyc* ‘moon’ реализует метафорическое обозначения месяца (луны) как «княжича» при сохранившемся *miesiąc* ‘month’, в то же время в кашубск. фиксируется полисемия *ksążęc* ‘moon, month’ (Толстая 2004). Видимо, следует говорить не столько о непосредственном семантическом переходе, сколько о возникающем семантическом комплексе, а точнее о возникшей на базе данного комплекса цепи семантических переходов: ‘княжич’ → ‘луна/месяц’ → ‘месяц’ (мера времени).

Более сложный случай — и.-е. обозначения кузнеца. Как показано в книге В. Блажека (Blažek 2010), лексема со значением ‘кузнец’ не может быть реконструирована на и.-е. уровне, поскольку кузнечное дело было освоено после распада и.-е. общности. Каждый диалект развивал данное обозначение самостоятельно, однако семантических моделей в данном случае оказывалось не так много, всего восемь. Интересным примером может

⁵ Вновь отсылаю к сайту семантических переходов DatSemShift (datsemshift.ru), а также к сайту CLICS (Rzymiski, Christoph and Tresoldi, Tiago et al. 2019. The Database of Cross-Linguistic Colexifications, reproducible analysis of cross-linguistic polysemies. URL: clics.clld.org).

послужить сопоставление лат. *faber* и арм. *darbin*, реализующих переход «мастер» → «кузнец», произошедший параллельно и независимо. Отмеченный впервые А. Мейе (Meillet 1894), данный «феномен» частично оспаривался, однако затем был скорее признан, чем отвергнут (см. De Vaan 2008: 197). Что интересно при этом, признание независимого семантического развития в армянском и итальянском противоречит сформулированному выше постулату Уоткинса. Так, Г. Мартиросян, признавая верность реконструкции на морфо-фонетическом уровне лексем *faber/darbin* (к $*d^hHb^h-ro-$) все же высказывает сомнение в их идентичности, поскольку, как пишет он, «географическая удаленность регионов делает сомнительным и.-е. статус лексемы» (Martirosyan 2009: 235).

В том, что касается как астрономических представлений индоевропейцев, так и развития их металлургии, лингвистическая реконструкция здесь поддерживается данными археологии. О правовом лексиконе этого сказать нельзя, и как пишет Р. Бекес о той же отмеченной выше паре когнатов (др.-русск. *tat'* / др.-ирл. *táid*), «в нашем знании об индоевропейских юридических институтах мы можем ограничиваться только чисто лингвистическими реконструкциями; так, например, мы можем **предположить**, что у индоевропейцев существовал институт клятвы, но у нас нет данных, чтобы реконструировать его (этимон — *T. M.*)» (Beekes 1995: 39). Но скорее всего, даже возможность реконструировать нужный этимон на базе языков-потомков не является надежным критерием для трансформации **предположения** в уверенность.

Оставаясь в рамках собственно лингвистической реконструкции имущественных отношений, отметим также, что базовым «для данного описания является понятие *иметь*» (Розенцвейг 1964: 104), которое, в отличие от «быть», на и.-е. уровне не реконструируется, а в кельтских языках на лексическом уровне вообще не развилось. Для выражения категории обладания используется конструкция с предикативным локализатором (есть у-при-возле N) — ср. ирл. *tá madra agam* ‘у меня есть собака’ (‘быть’ — pres.3 sg. — ‘собака ном.’ — прер. *ag* ‘у, при’+ pers.pron.1 sg.) и валл.: *y mae ci gyda fi* ‘у меня есть собака’ (‘быть’ — pres. 3 sg. — ‘собака ном.’ — прер. *gyda* ‘у, при’ — pers. pron. 1 sg.).

На и.-е. уровне выделяется основа $*(s)teh_4-$, которая является базой для дальнейшего обозначения «вора» и «воровства» (в отличие от «грабежа, насильственного лишения») и ее семантика лежит скорее в области «тайного действия», ср. реконструируемые формы $*(s)tāi-$ (IEW) и $*teh_2$ (LIV: 616). Как пишут Мэллори и Адамс, «слово для *красть* в и.-е. характеризуется его корреляциями с тайной и секретностью, что отличало его в и.-е. юридической системе от обозначения открытого грабежа» (Mallory & Adams 1997: 544). В то же время можно засвидетельствовать обратный переход: от «вора» к наречию со значением «тайно, скрытно», ср. русск. *воровато*, лат. *fur* → *furtim* ‘тайно’, готск. *þuibs* ‘вор’ → *þuibjo* ‘тайно’, а также англ. *to steal* ‘красть’ → *stealth* ‘тайно, скрытно’. Ср. также русск. *скрывать* — *красть* — *крадучись*. Предположительно, наречие имеет отрицательные коннотации, однако ср. из Первого послания Апостола Павла к Фесаллоникам (5, 2): «Ибо сами вы достоверно знаете, что день Господень так придет, как вор ночью» (в оригинале: ὡς κλέπτης ἐν νυκτί, т. е. ‘скрытно, незаметно’). Выделенный нами четырехкомпонентный семантический комплекс, таким образом, представляет собой своего рода базу, на основе которой по смежности происходит развитие значения и употребления попавших в ее поле лексем. Так, как мы видим, возможным оказывается не только переход от «тайного» к «воровать», но и обратно.

В то же время в рамках все того же семантического комплекса возможно перемещение поля по линии «тайное действие» → «кража» → «депривация», что реализуется в греч. *τητάομαι* ‘лишаться, испытывать нужду, желать’, восходящем к той же и.-е. основе

(Beekes 2010: 1480). Возникающие регулярные сближения можно объяснить ограниченностью набора и.-е. основ, с одной стороны, и рекурсивностью семантических сдвигов, с другой, при которой, по определению Анны А. Зализняк (Zalizniak 2018: 770), возникает «отношение когнитивной смежности между двумя значениями». См., например «красть» (когнат *крыть, покрывать, скрывать*) и устойчиво метафорическое «красть время» = «лишать».

Русское *тать*, в свою очередь, расширяет семантическое поле в другом направлении, обозначая не только лицо, совершающее тайное действие, но и разбойника, преступника в целом. Так, например, *татем* назывался Степан Разин (ср. *тушинский вор* — о Лжедмитрии Втором), а образованное от нее *pomen abstractum татьба* обозначало также разбой и народное волнение. Видимо, в XVI–XVII вв. для русского менталитета в выделенном нами многокомпонентном комплексе «воровства» наиболее сильной составляющей было «нанесение вреда».

Др.-ирл. когнат *táid* демонстрирует иную ориентацию. Генетически лексема родственна русской, причем на морфологическом уровне. Приведенная в этимологическом словаре древнеирландского языка деривация ауслота к кластеру *-nt-* с вербальным партитивным значением (LEIA-T,U: T-7) не убедительна фонетически, так как группа *-nt-* переходит в др.-ирл. в *-dd-* > *-d-*. Полученная гемината не подвергается в дальнейшем лениции, тогда как в слове *táid* ауслот ленирован. Видимо, как и в русск. *тать*, мы имеем дело с *t-* *auctoris*, что подтверждается более архаической ирл. формой *táith*. В дальнейшем глухой спирант может озвончаться; К. МакКон отмечает этот переход как относительно поздний (McCone 1994: 87), то есть имевший место примерно между VI и VII вв.

Что касается семантики ирландской лексемы, то она сложнее русской. Действительно, например, в Санкт-Галленских глоссах к грамматике Присциана (IX в.) словом *táid* глоссируется лат. *fur* ‘вор’ (Stokes & Strachan 1903: 101). Такой же семантикой, видимо, обладает лексема и в сочетании *táid aithgena* (букв. «вор рождения»), обозначающая детей до 12 лет, которые имеют право безнаказанно присваивать чужое имущество (см. Kelly 1988: 83). Ср. также сочетание *ech-táid* ‘конокрад’ в трактате «Поучения Морана» (Audacht Morainn): *ní ría enech na anam ar eocho echthádat* (Fomin 2013: 124) — «не меняй свою честь и имя за коней конокрада».

Однако в ряде других юридических текстов семантика *táid* предстает как более сложная: очевидным остается факт противозаконности лица, называемого *táid*, и при этом скрытности его действий. Но далеко не всегда речь может идти собственно о воровстве. Так, в гептадах, юридических текстах нормативного содержания, говорится, например, что лишается прав церковь “*dia ndeantar uaim tadhut*” (СИН: 1) — «которая стала укрытием для воров (?)». Возможно, в данном случае действительно речь идет о ворах, укрывающихся в церкви, поскольку аналогичное сочетание *uaim tadhut* встречается также в трактате «Ложные суждения Каратниа» (*Gúbretha Caratniad*, датируется VIII в., обильные глоссы X в.): в разделе о краденом имуществе говорится, что пользоваться им нельзя, а в глоссе добавлено, что можно безнаказанно сжечь дом, который превращен в *huaim táthat*, букв. «укрытие воров», возможно — склад краденого (Thurneysen 1925: 318). В гептаде XVIII о залогах, которые не имеет смысла давать, называется, в частности, “*geall fri ‘mfaisneis tadhat*” (СИН: 18) — «залог на знание о ворах». Скорее всего, речь идет о лицах, скрывающихся от ответственности в самом широком смысле слова (там же, например, названы жены, сбежавшие от мужа, а также сыновья, скрывающиеся от обязанности содержать престарелых родителей). В гептаде LXIII перечислены семь беглецов, находящихся вне закона, и среди них — “*táid cu faendil*” (СИН: 55) «беглый вор (?)», скорее — человек, совершивший противозаконное действие в целом.

Как отмечают и составители этимологического словаря, действие, совершаемое *táid*, представляет собой не столько кражу, сколько скрытное действие в целом. Последнее особенно актуально для образованного от него абстрактного существительного *táide*, которое лишь в ряде контекстов можно перевести как «кража», тогда как более частотным является значение «тайное действие». Ср. в контекстах: *ben táide* ‘любовница; шлюха’ (букв. «женщина тайного действия»), *clann táide* ‘незаконные дети’ (букв. «потомство тайного действия»), *cen táide* ‘открыто, откровенно’ (букв. «без тайного действия»), *i táide* ‘скрытно’ (в этимологическом словаре Ж. Вандриеса приводится параллель с франц. *à la dérobee*⁶ ‘тайно, воровски’) и пр. Сочетание *duinetáide*, которое буквально может быть переведено как «кража человека», означает «тайное убийство» (Kelly 1988: 128). То же можно сказать и о сочетании *comnaidi i táidi*, обозначающем противозаконный стговор с целью нанесения вреда кому-либо, но совсем не кражу (Thurneysen 1925: 356). Семантика «присвоение чужого имущества» у др.-ирл. *táide* встречается скорее редко, однако найти такие примеры можно. Так, например, в трактате о пенитенциалиях говорится, что семь лет покаяния следует тому, кто «имеет обычай заниматься кражами и воровством (*gait taidiu*) собственной алчности и жадности» (Gwynn 1914: 154).

В современном ирландском языке лексема *táidh* считается устаревшей и ее заменило другое базовое понятие (см. ниже), однако, как показывает словарь П. Диннина, отражающий состояние языка на начало XX в., композит *eachtáidh* ‘конокрад’ до сих пор является употребительным (Dinneen 1927); ср. также *eachtaidhe* ‘злодей’. Абстрактное существительное *táidhe* имеет ограниченное употребление со значением «воровство», но более частотно в значении «супружеская измена» (как тайное действие, ср. русск. *воровать* = *предлюбодействовать*).

В шотландском одним из базовых обозначений вора по данным словарей является *mèirleach* (к др.-ирл. *meirle* ‘грабеж. незаконное действие’, предположительно — к *mer* ‘безумие, блуждание’), однако рефлексом шотл. *táid* можно считать зафиксированное в ср.-англ. (диал.) обозначение лисы *tod* (Breeze 1994).

Итак, семантическое поле др.-ирл. абстрактного понятия *táide* охватывает противозаконные и тайные действия в целом, одним из которых, как мы понимаем, может быть и воровство. При этом все же, что касается лексемы *táid*, которую мы считаем исходной, то ее семантика, судя по довольно малочисленным и ограниченным юридической областью примерам, на этом фоне выглядит более узкой и действительно ограниченной скорее обозначениями вора. По мнению Ф. Келли, в раннем ирландском обществе идея тайного воровства (т. е. воровства в нашем понимании слова) еще не была полностью сформирована как на юридическом, так и на социо-ментальном уровне, и ее появление было вызвано скорее знакомством с Ветхим Заветом, чем естественным развитием самого ирландского общества (Kelly 1988: 147). Таким образом, как можно предположить, исходная семантика *táid* ограничивалась обозначением «лица, совершающего тайное действие», и в качестве агенса лексема в дальнейшем не выдержала конкуренции с другими, отчасти синонимичными ей лексемами, тогда как вторичное абстрактное понятие «тайное действие» оказалось гораздо более востребованным языком.

Возможно ли другое развертывание семантического сценария? Можно предположить, что не производным, но напротив — исходным или параллельным образованием

⁶ Франц. глагол *dérober* имеет сложную семантику, однако остается в рамках поля: «кража — скрытное действие — лишение чего-л.». Интересно, что являясь германским заимствованием (ср. нем. *Raub* ‘грабеж’), он позднее получил значения «делать что-л. скрытно» и «лишать, избавлять» (ср. *dérober qn au danger* ‘избавлять кого-л. от опасности’).

от «глагола скрывания» стало соответствующее абстрактное существительное. В разных языках на морфологическом уровне прослеживается разнонаправленная деривация. Ср. вторичное русск. *святотатство*, изначально — «кража церковного имущества».

Др.-ирл. *táid* принадлежит к дентальным основам, как правило, имеющим девербиальное происхождение («тот, кто делает X»). Как считает Турнейзен (Thurneysen 1936a: 212), данное образование является вторичным; на более раннем этапе лексема в форме *táith* относилась к немотивированным для носителей архаическим *-io*-основам (как и славянский когнат); предположительно от нее и было образовано абстрактное существительное *táithe* с более широкой семантикой. Возможно ли это? Скорее, оба слова восходят к не сохранившемуся в ирландском глаголу **tei-*, который в свою очередь восходит к и.-е. **(s)teh₂-* с предположительно исходным значением «скрывать», но не «красть».

Следует отметить, однако, что обилие когнатов и.-е. корня с общим значением «красть, вор» достаточно велико, что в свое время заставило еще Покорного фиксировать у выделенного им корня **(s)tāi-* исходное значение «тайно что-то брать» (IEW: 1010). Ср. например, приведенное им санскр. *tāyú-* «вор» и др. Более того, к этой же основе восходит хеттский глагол *ta-a-i-ez-zi* «крадет» (Kloekhorst 2008: 809), который, судя по текстам хеттских законов, имел данное значение уже во II тыс. до н.э. (Hoffner 1997: 60, ff.). Но в таком случае русск. *тайна*, *таить* должны представлять как вторичные семантические образования по отношению к глаголу воровства, что, как было показано выше, теоретически возможно, но — с очень сильным допущением. Если общеслав. глагол **taiti*, со значением «скрывать, делать нечто тайно» представлен в нескольких славянских языках, относящихся к разным группам (чешск., словацк., польск., сербо-хорв., болг.), то соответствующий агент — только в русск. и сербо-хорв. (Derksen 2008: 489).

Абстрактное существительное, как правило, семантически шире, чем имя агенса, однако сопоставление с приведенным выше франц. глаголом *dérober* «грабить, красть; лишать, облегчать» показывает, что в указанном семантическом поле непросто определить направление семантической деривации, поскольку, как и в ряде других случаев, мы имеем дело не с суммой значений, но с аморфным семантическим комплексом, эксплицитные реализации которого могут быть не всегда зафиксированы на языковом уровне. В свете сказанного вновь возникает вопрос о правомерности реконструкции архаического значения у нескольких когнатов одного исходного корня.

Другие др.-ирл. лексемы со значением «вор» квалифицируются как редкие, малоупотребительные и относящиеся к группе «слова из глоссариев». Не совсем ясна и их семантика. Так, к подобным редким словам относится др.-ирл. *serb* — малоупотребительное слово со значением «лицо, действующее вне закона», которое соотносится с валл. *herw* «изгнанник, нарушивший закон», то есть тоже не совсем вор (слово неясной этимологии, см. LEIA R, S: S-91).

Аналогичным образом, как ни странно, малоупотребительным оказывается в древнеирландском и такое обозначение вора как *téol*, передающее идею не столько тайного, сколько явного, но при этом спорадического отнимания собственности. Лексема, предположительно, восходит к глагольной основе *tlen-* с довольно широким спектром значений: «отнимать, отбирать, грабить и пр.» (см. Thurneysen 1936a: 212). Соотносимый с герм. пучком глагольных основ с общей идеей депривации (и с *s-mobile*), глагол *tlenaid* имеет назализованный презенс, однако его претеритная форма *tiúil* соотносится с лат. *tollō*, что в целом демонстрирует семантический переход «отнимать, отбирать» → «красть». Как пишет Вандриес, «глаголы воровства и грабежа довольно многочисленны и варьируют в индоевропейском. Семантика «нести, уносить, отнимать» представляет собой лишь один из частных случаев описания *воровства*» (LEIA T, U: T-79). Сказанное, без-

условно, верно, однако, как мне кажется, в данном случае важна фиксация семантического сдвига во времени (и под влиянием христианской традиции): так, акт «отнимания» превращается в противозаконный по мере развития самой законодательной традиции.

Др. ирл. *gataid* ~ совр. ирл. *goid* как базовый глагол воровства: семантическое развитие и предполагаемая этимология

В работе К. Уоткинса об индоевропейской юридической терминологии (1971) кельтская юридическая традиция не рассматривается, поскольку называется им более архаической, чем римские законы V в. до н.э. Тем интереснее посмотреть на древнеирландские юридические тексты, с одной стороны, и лексику воровства, с другой. Данный материал может предоставить данные для предположительной реконструкции семантического развития и, кроме того, продемонстрировать другие базовые семантемы глаголов «воровства», кроме уже известных «скрывать» и «отнимать».

Так, как показывает Ф. Келли, ссылаясь в основном на тексты Гептад, член общества имеет право присвоить себе чужое имущество, если оно находится в горящем доме, на дне озера, в пещере, где являются призраки, на теле убитого в сражении и просто найдено на дороге (Kelly 1988: 148). Данный акт кражей не является и свершающий его не считается вором. Но, что интересно, как показано в специальном трактате о воровстве, *Bretha im Gata* (Hull 1956), не квалифицируется как воровство и присвоение чужого имущества, не в полной мере узаконенное: речь идет в основном о продуктах сельского труда (меда, пчелиного роя, заблудившихся овец, лошадей, собак, злаков и проч.). В трактате, который принято датировать уже поздне-древнеирландским периодом (т. е. VIII–IX в.) в качестве базовой основы обозначения вора употребляется не описанное нами *táid*, кодирующее тайное действие в широком смысле слова, а словосочетание N=Vb. (rel.), в котором опорной лексемой является обозначение мужа (жены, человека), дополненное «глаголом воровства»: *fer gatas*. То есть для этого периода понятие «вор» предстает как лишь находящееся в стадии формирования. Суффиксальное образование *gataige* 'вор' (совр. ирл. *gadaí*, шотл. *gadaiche*) датируется уже среднеирландским периодом.

В качестве базового для данной, относительно новой для общества идеи (в отличие от открытого грабежа или, напротив, обобщенного «тайного действия») язык использует глагол, изначально семантики воровства не имеющий, но развивший ее при переходе от древне- к ранне-новоирландскому языку, а именно — глагол *gataid*, обладающий на современном этапе выделенными нами выше семантическими компонентами: тайное действие, заинтересованность агенса, депривация и нанесение ущерба. Однако в более ранних фиксациях глагола могут быть отмечены значения, реализующие лишь компонент «депривация». Ср. из «языка Глосс»:

ní gati egnn ón «не **лишай** же нас (букв.: на нас) этого».

Пример представляет собой глоссу к Псалму 86, стиху 15 — (русск.) — «...Ты, Господи, богатый благостью и верностью».

Ср. также из Законов (о том, что не может быть изъято из имущества дома в качестве платы за долг):

na hi gatus sirg dona macaib beca «также не то, что **лишает** болезни маленьких детей»⁷.

⁷ Имеются в виду щенки и котята.

Интересно, что в одном и том же тексте компилятор может с легкостью употреблять глагол *gataid* в разных значениях. Так, например, в саге «Похищение стад Фроеха» (датируется примерно началом X в.) глагол употреблен как в «депривативно-дистанцирующем» значении, так и в значении ‘красть’, уже развившемся к этому периоду:

gataid (pres. 3 sg.) a étach de iarum (Meid 1967: 7, 183) «снимает он свою одежду тогда»;
ro *gata* (perf. pl. pass.) do baí (Meid 1967: 13, 320) «украдены твои коровы».

Ср. также (из «Жития святой Бригиты», VIII в.):

in tan ba mithig a *gait* de chígh... (Ó hAodha 1978: 5, 34) «когда было время отнимать ее от груди».

Букв. «ее отнимания от груди», ср. аналогичное русск. употребление «отнимать ребенка от груди» = «отстранить, дистанцировать», в современном ирландском используется другой глагол и оборот: *tóg an leanbh as gcíoch*, букв. «брать от...». Таким образом в качестве исходного у глагола *gataid* можно наметить значение «дистанцирование», нейтральное употребление и отсутствие указания на заинтересованность субъекта, а также причинение вреда.

Семантическое нюансирование, как показывает анализ контекстов, может выражаться при помощи предлогов. Так, предлог *ar* ‘на’ включает в семантическое поле компонент «принесение вреда» (что еще не делает его глаголом воровства). См.:

Gataid Bodb a muccaidecht n-airi, **gatar** (pass.) dana a muccaidecht ar in fer atúaithe (Windisch 1891: 244) «отнимает Бодб его свиней у него, отнимаются свиньи тогда же у мужа на севере».

Ср. также из Жития Бригиты:

Va saeth lia brathrea **gait** di-si in tinscrae erru (Ó hAodha 1978: 5, 145) «было обидно ее братьям, что она **лишает** их выкупа невесты» (букв.: «было обидно с ее братьями **лишение** от нее-же выкупа на них»).

В ряде контекстов мы видим обозначение заинтересованной депривации. Например:

Gatsait latraind da thore díib (Ó hAodha 1978: 2, 58-9) «**украли** разбойники двоих (свиной) из них».

В последнем контексте предположительно не реализован компонент 4 (тайное действие), что подтверждается выражением агенса сущ. *latraind* ‘разбойники’ (лат. заимствование).

Текст ирландского Жития св. Бригиты датируется примерно концом VIII — началом IX в. То, что в нем употреблен один и тот же глагол *gataid* в разных значениях (‘лишать, отнимать, отбирать, грабить’), демонстрирует нестабильность его семантики для раннего периода, с одной стороны, и неразличение юридического употребления глагола и его же использования в обыденной речи, что скорее естественно.

Другие контексты употребления глагола демонстрируют в первую очередь идею «дистанцирования», но в еще более широком значении. Так, становится устойчивым оборот *gataid de...* ‘от-нимает от...’ при описании снятия одежды. Например: *iar sin gataid Findabair a hétach de* (Meid 1967: 8, 210) «после этого снимает Финдабайр свою одежду» (букв.: «отнимает от нее», ср. также русск. *с-нимать* в аналогичном значении). Ср. устойчивый оборот: **gatar** dibh 7 dénaidh bhar ffoftracadh «раздевайтесь и мойтесь» (*gatar* — subj. pl. pass.). В современном ирландском оборот вышел из употребления, но, что инте-

ресно, заменен другим глаголом, который можно было бы условно назвать фразовым: *bain* 'извлекать, удалять и пр.' с послелогом *de*: *tá mo chuid éadaí bainte díom agam* «я разделся» (букв. 'есть моя часть одежды удалена от меня у меня'). Ср. также диалектное: *bhain sí an leanbh den chíoch* «отняла она ребенка от груди». Таким образом мы видим, что др.-ирл. *gataid* обладает достаточно широкой семантикой, объединенной идеей депривации в целом. Со временем семантическое поле сужается до «воровства». Предположительно, семантический процесс связан с актуализацией самого понятия «воровство» в ирландском обществе в целом.

Интересно также, что образованное от глагола *gataid* NA в ряде контекстов сохраняет общую семантику «незаинтересованной депривации». Так, в поэме конца XVII в., написанной от лица обольщенной и покинутой женщины, совратитель называется *gaduíghe an gáire* (Gwynn, O'Reilly 1921–23: 84), букв. «вор радости». Ср. также *gaduidhe na geamhoidhche* «вор зимней ночи» (Bergin 1920: 99), о сказителе и арфисте, т. е. тех, кто лишает зимнюю ночь холода и уныния. Данные употребления кажутся на первый взгляд вторичными, то есть семантика депривации, содержащаяся в глаголах воровства, автоматически дает возможность их метафорического употребления (ср. русск. «красть время»). Однако приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что «вор зимней ночи», не заинтересованный, естественно, в присвоении холода и уныния, и не приносящий вреда, реализует более раннее семантическое осмысление языком вербальной основы в целом. На самом деле, как мне кажется, в данном случае предположительно (!) имеет смысл вновь говорить скорее не об однонаправленном семантическом развитии, но о потенциальной семантике, скрытой в вербальном комплексе в целом. Данная мысль подкрепляется и предполагаемой этимологией лексемы.

Предложенные этимологии базируются на некоей семантике, которую каждый квалифицирует как исходную. В словаре и.-е. синонимов К. Бака дается этимология ирл. *gataid*, базирующаяся на позднем значении «красть». При этом автор пытается дать мотивацию семантического развития и предлагает соотносить ирландскую лексему с лит. *godas* 'скупость, алчность' (Buck 1949: 789), предполагая тем самым в нашей системе компонентов в качестве базового компонент 2 — «заинтересованность в присвоении объекта X». Это взгляд «со стороны», который и предполагает поверхностность.

В свое время попытка дать этимологию глагола *gataid* была предложена рядом кельтологов, которые исходили из того, что лексема соотносится с др.-ирл. *gat* 'прут, ветка, розга'. Так, Р. Турнейзен (Thurneysen 1936b) соотносил ирл. *gataid* — *gat* с лат. *hasta* 'копье, прут, жезл' (заимствование из до-и.-е. субстрата (?) — De Vaan 2008: 280) и готск. *gazds* 'копье' (с неясной этимологией — Lehmann 1986: 155). Данная идея была поддержана и развита Т. О'Рахилли, который предложил исходить из семантики др.-ирл. вторичного превербального образования — *tris-gataim*, *tregtaim* 'пронзаю, поражаю копьем' (из *tris* 'сквозь, через' + *gat-*). Им была предложена следующая линия семантического развития: *пронзание* → *отнимание, воровство* (ср. также близкое семантическое развитие в др.-ирл. *creach*: *отрезание, отсекание* → *грабеж*, O'Rahilly 1942: 169). Видимо, что-то подобное можно проследить в русск. *свистнуть* в значении «совершить быстрое действие». Семантика глагола в древнеирландском, однако, делает данную реконструкцию маловероятной.

По другому пути идет Р. Матасович, который в «Общекельтском этимологическом словаре» справедливо выражает сомнение в том, что др.-ирл. *gataid* соотносится с др.-ирл. *gat* 'ивовый прут, лоза, розга', и предлагает возводить глагол (более ранняя форма — *gotaid*) к и.е. **g^hosti-* 'гость, хозяин' (откуда также лат. *hostis* 'враг, чужеземец', при и.-е. **st* > ОК **ts*, Matasović 2009: 155). Теоретически такая деривация возможна, но лишь в том

случае, если мы признаем изначальную семантику основы как кодирующей идею воровства (как нанесения ущерба). Данное предположение, автоматически вытекающее из идеи Матасовича, кажется натянутым и противоречит историческому развитию семантики глагола (см. выше).

Более перспективной предстает деривация, также базирующаяся на его предположении о соотношении с лат. *hostis*, но расценивающая «чужой» как старшее значение по отношению к «враг» (ср. общеславянск. *gostь* и проч.). В этом случае семантика депривации в широком смысле оказывается подкрепленной аналогами: лат. *alienus* ‘чужой’ — *alienare* ‘отнимать (в том числе юридически — собственность); отдаляться, охлаждаться (об отношениях)’, ср. также англ. *alien* ‘чужой’ — *to alienate* ‘отнимать (собственность, юр.)’, которое Скит полагал самостоятельным развитием, а не латинской калькой (Skeat 1887: 15), а также русск. *чужой* — *отчуждение* (собственности, юр., а также охлаждение отношений). Ср. также общеславянское **otrъt(j)udjati* ‘делать чужим, лишать’⁸, реализующее семантический переход «депривация» → «кража» в чешск. и словацк. (см. ЭССЯ 2014: 15). Однако следует отметить, что исходная гойдельская форма, имеющая значение «чужой, чужак», в языке не сохранилась и предположительно фиксируется в кельтиберском *-kozis* ‘гость’. Ср. также лепонтийскую надпись из Престино: *uvamoKozis ; Plialeθu ; uvlTiauiοPos ; ariuonePos ; siTeś ; TeTu* (Morandi 1982: 188). Первая лексема, предположительно, представляет собой двусоставное имя бахуврихи в номинативе с общей семантикой «много-гостевый» (много-гостей-(имеющий)): *uvamo-kosiz* < **up-ṃo-ghostis* (Lejeune 1970-71: 458; Delamarre 2003: 325).

Интересно, что в качестве претеритных форм др.-ирл. глагол *gataid* использует супплетивные формы, образованные от глагола *do-alla* < *do-ella* ‘отнимает, лишает’, предположительно восходящего к основе **al-/el-* ‘чужой, иной’.

Таким образом, семантический переход в данном случае предстает как доступный лишь на уровне этимологизации вербальной основы, однако я считаю его рациональным и, более того, полагаю перспективным разработку в данном направлении материала других языков, не только индоевропейских⁹.

Заключение

В качестве заключения попытаемся сформулировать наши основные наблюдения, сделанные в основном на базе кельтского языкового материала. То, что понятие «воровства» вторично и не может быть реконструировано на уровне и.-е. деривации — это очевидно. Однако число семантем, на базе которых развивается глагол воровства в разных ветвях и.-е. языков, довольно ограничено (см. выделенные выше четыре базовых компонента «воровства»), что приводит к псевдо-родству на уровне семантики (как русск. *тать* и др. ирл. *táit*), что в общем тоже логично. Более сложным и нуждающимся, наверное, в дальнейшей реконструкции с расширением языкового материала оказалось соотношение глагола «воровства» и соответствующего ему *poen agentis*. В качестве предварительного вывода хотелось бы сказать, что «вор» вторичен, поскольку для оформления соответствующей семантемы нужно 1. полное оформление многокомпонентного понятия «красть» и 2. маркированная на уровне языка итерация действия. На самом деле, все немало сложнее и нуждается в дальнейшем анализе материала.

⁸ ОС **tjudjь* ‘чужой, чужак’ представляет собой раннее готское заимствование из *biuda* ‘племя, народ’.

⁹ См. переход 3854 to deprive — to steal в электронной базе семантических переходов DatSemShift.

Направление семантического развития в данном случае не всегда очевидно, поскольку как «лишение», так и «тайное действие» могут неожиданно предстать как вторичная деривация (см. франц. *dérober*). Возможно, следует говорить о широком семантическом комплексе, стоящим за термином, так сказать, *in potentia*. Как верно писала А. В. Дыбо, «многозначность в общем случае не определяет направления перехода, которое важно для подтверждения возможности исторического перехода» (Дыбо 2011: 360).

Литература

- Добродомов, И. Г. 1973. К этимологии слова вор. В кн.: Г. Е. Корнилов (ред.). *Диалекты и топонимия Поволжья*. Вып. 2: 75–86. Чебоксары: Чувашский университет.
- Дыбо, А. В. 2011. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии: лексика конкретного словаря. В кн.: И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин (ред.). *Слово и язык. Сборник статей к восьмидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна*: 359–391. Москва: Языки славянской культуры.
- Евгеньева, А. П. 1939. История слова вор в русском языке. *Ученые записки Ленинградского пед. ин-та им. А. И. Герцена* XX: 145–172.
- Муратов, Ю. М. 2015. *Генетическая и мотивационная характеристики лексико-семантического поля 'присвоение чужого' в русском языке*. Диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук. Москва: Институт русского языка РАН.
- Розенцвейг, В. Ю. 1964. Лексика имущественных отношений. *Машинный перевод и прикладная лингвистика* 8: 104–108.
- Толстая, С. М. 2004. Месяцы. В кн.: Н. И. Толстой (ред.). *Славянские древности. Энциклопедический словарь*. Том 3: 236–241. Москва: Международные отношения.
- Толстой, Н. И. 1964. О некоторых возможностях лексикосемантической реконструкции праславянских диалектов. В: Проблемы лингво- и этногеографии и ареальной диалектологии. Тезисы докладов. Москва: Наука, 37–39.
- Фасмер, Макс. 1996. *Этимологический словарь русского языка*. В 4-х томах. Санкт-Петербург: Азбука.
- ЭССЯ = Журавлев, А. Ф. (ред.). 2014. *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Вып. 39. Москва: Наука.

References

- Buck, Carl D. 1949. *A Dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Beekes, Robert S. P. 1995. *Comparative Indo-European Linguistics. An Introduction*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Beekes, Robert S. P. 2010. *Etymological Dictionary of Greek*. Leiden / Boston: Brill.
- Bergin, Osborn. 1920. Unpublished Irish Poems: IX. On a Blind Harper. II. *Studies: An Irish Quarterly Review* 9(33): 97–100.
- Blažek, Vaclav. 2010. *Indo-European "Smith" and his Divine Colleagues*. Washington, DC: Institute for the Study of Man.
- Breeze, Andrew 1994. Middle English *toð* 'fox', Old Irish *táid* 'thief'. *Scottish Language* 13: 51–53.
- CIH = Binchy, Daniel (ed.). 1978. *Corpus Iuris Hibernici*. Dublin: Institute for Advanced Studies.
- DatSemShift = Zalizniak, Anna et al. 2016–2022. *Database of Semantic Shifts*. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. Online resource at: datsemshift.ru.
- De Vaan, Michiel. 2008. *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages*. Leiden / Boston: Brill.
- Delamarre, Xavier. 2003. *Dictionnaire de la langue gauloise. Une approche linguistique du vieux-celtique continental*. Paris: Errance.
- Derksen, Rick. 2008. *Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon*. Leiden / Boston: Brill.
- Dinneen, Patrick S. 1927. *Foclóir Gaedhíle agus Béarla — Irish-English Dictionary*. Dublin: Irish Texts Society.

- Dobrodomov, Igor. 1973. K etymologii slova *vor*. In: G. E. Kornilov (ed.). *Dialekty i Toponimija Povolzhja*, Vol. 2: 75–86. Cheboksary: Chuvashskij Universitet.
- Dybo, Anna. 2011. Semanticheskaja rekonstrukcija v altajskoj etymologii: leksika konkretnogo slovar'a. In: I. M. Boguslavskij, L. L. Iomdin, L. P. Krysin (eds.). *Slovo i Jazyk. Sbornik statej k 80-letiju akademika J. D. Apres'ana*: 359–391. Moscow: Jazyki slav'anskoj kul'tury.
- Ernout, Alfred, Antoine Meillet. 1939. *Dictionnaire étymologique de la langue latine: histoire des mots*. Paris: C. Klincksieck.
- ESSJ = Zhuravlev, Anatolij (ed.). 2014. *Etimologičeskij slovar' slav'anskix jazykov*. Vol. 39. Moscow: Nauka.
- Evgenjeva, Anastasia. 1949. Istorija slova *vor* v Russkom jazyke. *Učenyje zapiski Leningradskogo ped. in-ta im A.I. Gercena* XX: 145–172.
- Fomin, Maxim (ed.). 2013. *Instructions for Kings. Secular and Clerical Images of Kingship in Early Ireland and Ancient India*. Heidelberg Universitätsverlag.
- Gwynn, Edward J. 1914. An Irish Penitential. *Ériu* 7: 121–195.
- Gwynn, Edward J., Tomas O'Reilly (eds.). 1921–1923. Tomás Costelloe and O'Rourke's Wife. *Ériu* 9: 1–11.
- Hoffner, Harry Angier. 1997. *The Laws of the Hittites. A Critical Edition*. Leiden / New York / Köln: Brill.
- Hull, Vernam (ed.). 1956. Bretha im Gatta. *Zeitschrift für celtische Philologie* 25: 211–225.
- Kelly, Fergus. 1988. *A Guide to Early Irish Law*. Dublin: Institute for Advanced Studies.
- Kloekhorst, Alwin. 2008. *Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon*. Leiden / Boston: Brill.
- Jackson, Kenneth. 1994 (1953). *Language and History in Early Britain*. Dublin: Four Courts Press.
- IEW = Pokorny, Julius. 1959. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern: French & European Publications.
- Lehmann, Winfred P. 1986. *A Gothic Etymological Dictionary*. Leiden: Brill.
- LEIA R,S = E. Bachellery (ed.). 1974. *Lexique étymologique de l'irlandais ancien de J. Vendryes: R, S*. Paris / Dublin: CNRS / DIAS.
- LEIA T,U = E. Bachellery, P.-Y. Lambers (eds.). 1978. *Lexique étymologique de l'irlandais ancien de J. Vendryes: T, U*. Paris / Dublin: CNRS / DIAS.
- Lejeune, Michel. 1970–1971. Documents gaulois et para-gaulois de Cisalpine. *Études celtiques* XII: 357–500.
- LIV = Rix, Helmut et al. 2001. *Lexicon der indogermanischen Verben*. Wiesbaden: Reichert.
- Mallory, James P., Douglas Q. Adams. 1997. *The Encyclopedia of Indo-European Culture*. London: Fitzroy Dearborn.
- Mallory, James P., Douglas Q. Adams. 2006. *The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World*. Oxford University Press.
- Martirosyan, Hrach K. 2009. *Etymological dictionary of the Armenian inherited lexicon*. Leiden: Brill.
- Matasović, Ranko. 2009. *Etymological Dictionary of Proto-Celtic*. Leiden: Brill.
- McCone, Kim. 1994. An tSean-Ghaeilge agus a réamhstair. In: K. McCone, D. McManus et al. (eds.) *Stair na Gaeilge in ómós do Pádraig Ó Fiannachta*: 61–220. Maigh Nuad: Coláiste Phádraig.
- Meillet, Antoine. 1894. Notes arméniennes. *Mémoire de la Société de Linguistique de Paris* 8: 153–165.
- Meid, Wolfgang (ed.). 1967. *Táin bó Fraích*. Dublin: Institute for Advanced Studies.
- Morandi, Alessandro. 1982. *Epigrafia Italica*. Roma: Bretschneider.
- Muratov, Jurij. 2015. *Geneticheskaja i motivacionnaja xarakteristika leksiko-semanticheskogo pol'a 'privojenie chuzhogo' v russkom jazyke*. Dissertation thesis. Moskva: Institut Russkogo jazyka RAN.
- Ó hAodha, Donncha (ed.). 1978. *Bethu Brigitte*. Dublin: Institute for Advanced Studies.
- O'Rahilly, Thomas F. 1942. Notes, mainly Etymological. *Ériu* 13: 144–219.
- Orel, Vladimir. 2003. *A Handbook of Germanic Etymology*. Leiden: Brill.
- Rozencvejg, Viktor. 1964. Leksika imushchestvennyx otnoshenij. *Mashynnyj perevod i prikladnaja lingvistika* 8: 104–108.
- Skeat, Walter. 1887. *An Etymological Dictionary of the English Language*. Oxford: Clarendon Press.
- Stokes, Whitley, John Strachan (eds.). 1903. *Thesaurus Paleohibernicus*. 2 vols. Cambridge University Press.
- Thurneysen, Rudolf. 1925. Aus dem irischen Recht III. *Zeitschrift für celtische Philologie* XV: 302–376.
- Thurneysen, Rudolf. 1936a. Zur Seitenfüllung. *Zeitschrift für celtische Philologie* XX: 212–213.
- Thurneysen, Rudolf. 1936b. Irisches. Altir. ro-geinn 'hat Platz'. [Kuhns] *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* 63: 114–117.
- Tolstaja, Svetlana. 2004. Mes'acy. In: N. I. Tolstoj (ed.). *Slav'anskije drevnosti. Encyklopedičeskij slovar'*. Tom 3: 236–241. Moskva: Mezhdunarodnyje otnoshnija.
- Tolstoj, Nikita. 1964. 'O nekotoryh vosmojnostiah lexicosemanticheskoi rekonstrukcii praslavianskih dialektov' *Problemy lingvo- i etnogeografii i arealnoj dialektologii. Tazisy dokladov*. Moscow, 37–39 (in Russian).
- Vasmer, Max Julius. 1996. *Etimologičeskij Slovar' Russkogo Jazyka*. Sankt-Peterburg: Azbuka.

- Watkins, Calvert. 1971. Studies in Indo-European Legal Language, Institutions, and Mythology. In: G. Cardona, H. M. Hoenigswald, A. Senn (eds.). *Indo-European and Indo-Europeans*: 321–354. University of Philadelphia Press.
- Windisch, Ernst. 1891. De Chophur in dá muccida. In: Whitley Stokes, Ernst Windisch (eds.). *Irische Texte. Dritte Serie, I Heft*: 230–279. Leipzig: Verlag von S. Hirzel.
- Zalizniak, Anna A. 2018. The Catalogue of Semantic Shifts: 20 Years Later. *Russian Journal of Linguistics* 22(4): 770–787.

Tatyana Mikhailova. 'Thief' and 'Theft' in Goidelic: a semantic reconstruction

The primary concern of the present study is an analysis of how such notions as 'thief' and 'theft', which I consider to be rather late and secondary, are realized in Celtic languages in the diachronic perspective. In this paper, I construct the original four-component semantic model of the contemporary notion 'theft', and attempt to trace, on the basis of comparative material, the development of the original notions which the model is based upon (secrecy of action; deprivation through distancing; inflicting harm; the agent's personal interest). Those notions prove to be essential for the emergence and development of corresponding terms over the course of linguistic and social evolution. The paper also contains a comparative analysis of Slavic *mamъ* and Old Irish *taid*, going back to the same Indo-European stem whose original meaning must have been 'secret action' (it is also manifested in some other Indo-European stems showing similar patterns of derivation). The work suggests the existence of a multi-directional semantic transition: not only 'secret' → 'thief', but also the reverse 'thief' → 'secret'. I also suggest a new etymology for the main verb of 'stealing' in Modern Irish (*goid* ← OI *gataid*), based on early uses of the Old Irish verb meaning 'distancing' and later 'deprivation' from IE **ghosti-* 'host, guest'. The semantic shift should be: *alien* → *alienation* → *deprivation* → *stealing*.

Keywords: linguistic development; notion of property; comparative linguistics; semantic shifts; Celtic languages; Old Irish; Modern Irish; Scottish Gaelic; deverbal derivation.

К вопросу о реконструкции терминов эмоций для праанатолийского и праиндоевропейского уровней¹

В работе поставлена цель сделать обзор эмоциональной лексики в хеттском языке, проанализировать ее этимологию и сопоставить полученный материал с эмоциональной лексикой прочих анатолийских и индоевропейских языков, формируя базу для реконструкции лексического набора эмоциональной лексики на праиндоевропейском уровне.

Ключевые слова: праиндоевропейский язык; праанатолийский язык; хеттский язык; лувийский язык; лексическая реконструкция; языковая семантика; эмоции.

Введение

«Кайзер и Шеворошкин (1988: 316) выводят архаичный характер ностратического лексикона из практически полного отсутствия терминов для эмоций», — пишет В. Блажек (1992: 135), однако внимательный сравнительный анализ данных индоевропейских, семитских и уральских языков показывает, что «ностратический лексикон содержит довольно богатый набор эмоциональной лексики» (op.cit.). Реконструкция эмоциональной лексики на уровне праиндоевропейского языка, к сожалению, существенно страдает из-за отсутствия качественных работ в этой области, касающихся анатолийских и, более узко, хеттских данных. Очень мало работ, посвященных детальному анализу эмоциональной лексики на материале анатолийских языков.

Счастливым недавним исключением является список контекстов из хеттских документов, описывающих эмоциональные ситуации, с привязкой к ключевым словам, в Beckman 2023. Из разработок отдельных лексем нужно отметить анализ контекстуальных значений хетт. *genzu-* ‘любовь, милосердие, сострадание’ (в первом значении «утроба»), представленный в июне 2011 года С. Кимбалл на 30th East Coast Indo-European Conference (Kimball 2011). Историческая семантика хетт. *nah(h)-* ‘страх, бояться’ раскрывается в недавней работе Д. Кёллигана (2020), где показаны связи этого слова не только традиционно с др.-ирл. *nár* ‘благородный, скромный’, но и прослежено семантическое развитие от значения «назад» и, соответственно, установлены связи с греч. *νῶτον* ‘спина’ и лат. *natis* ‘задняя часть тела’.

Сразу отметим, что типологически названия эмоций могут иметь несколько возможных источников. Во-первых, возможно развитие значения для эмоции от названий частей тела (см. уже Güntert 1923: 6, греч. *καρδία, χόλος, ὀπλήν*), которые ассоциируются с выплеском эмоций («место эмоций»). Во-вторых, жесты, сопровождающие выражение аффекта, могут становиться своеобразной стартовой точкой для семантического развития (греч. *τρέω, φύρω* и т. д.). Источником эмоциональной лексики становятся также

¹ Автор выражает благодарность анонимным рецензентам за их бесценные комментарии к тексту, без которых эта работа не состоялась бы. Все неточности остаются на совести автора. Работа проводится в рамках проекта ‘Akkadian and Hittite Emotions in Context (АНЕС) — Towards a Lexicon of Emotions in Cuneiform Texts from Ancient Mesopotamia and Hittite Anatolia’, при финансовой поддержке фонда DFG.

описания физического импульса, и наконец, выделяются выражения, связанные с представлениями о душе/духе (μένος, лат. *mens*) и работе мысли (англ. *to thank: to think*).

В нашей работе предполагается сделать обзор эмоциональной лексики в хеттском языке, проанализировать ее этимологию, а также сопоставить полученный материал с эмоциональной лексикой прочих анатолийских и шире, индоевропейских языков, формируя базу для реконструкции лексического набора эмоциональной лексики на праиндоевропейском уровне.

Эмоциональная лексика в хеттском языке

Хеттская эмоциональная лексика показывает наличие специальных обозначений для следующего круга эмоций: злость/сердитость, враждебность, страх, горевание, ненависть, желание, счастье/радость, милосердие/доброта, беспокойство. Более подробно семантические поля эмоций с соответствующими лексемами представлены в Схеме 1.

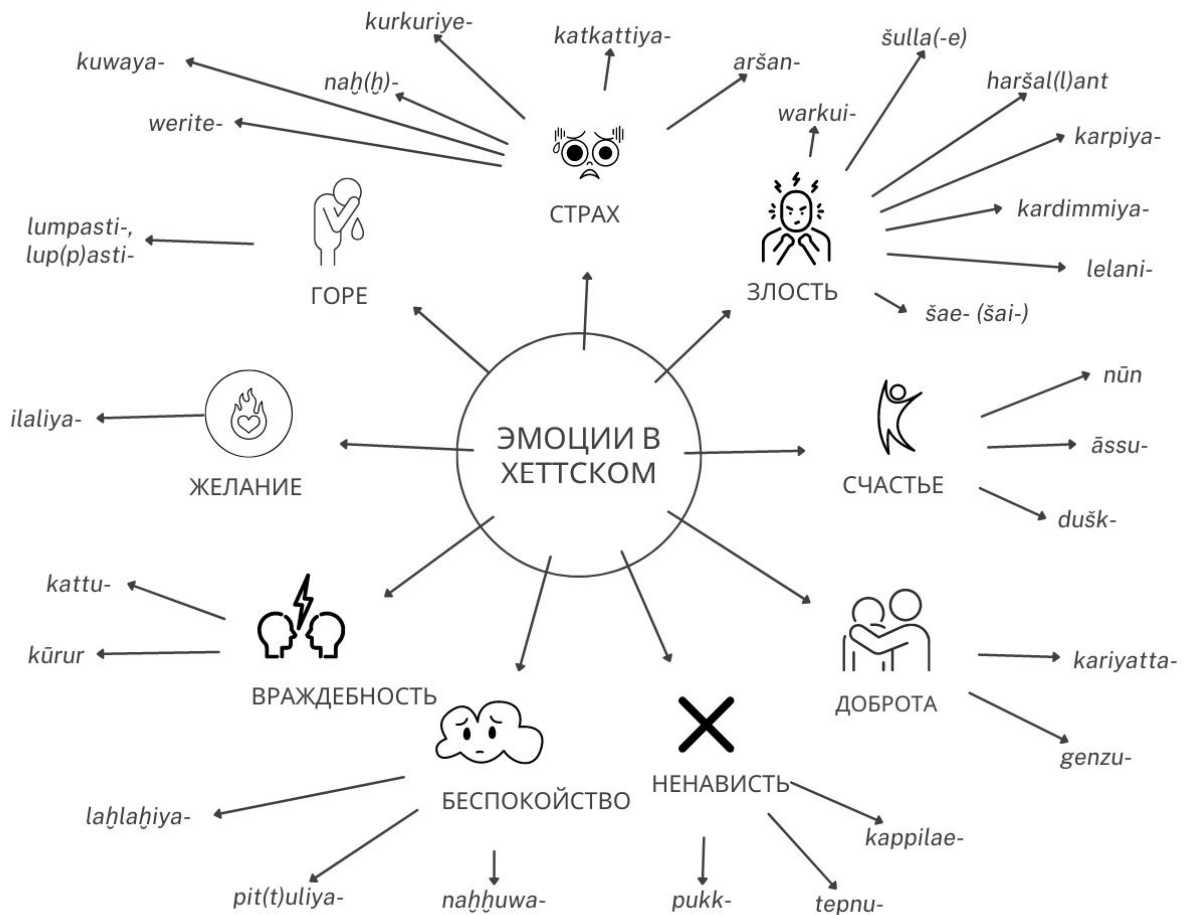

Схема 1. Эмоциональная лексика в хеттском языке.

Как можно видеть, некоторые семантические поля, например злость и страх, представлены довольно большим количеством лексем, что подразумевает различие оттенков значений эмоции. Если проанализировать значения входящих в каждое поле лексем, мы получаем следующую классификацию оттенков значений (см. Табл. 1).

Практически для каждой лексемы на основе данных хеттского корпуса текстов возможно построить словообразовательное гнездо, в котором часть деривативов также будут

Семантическое поле	Субзначение	Лексема
Злость	Базовая злость	<i>kardimmiya</i> - ‘злиться’ (шум. TUKU.TUKU)
	Неуважение	<i>šullale</i> - ‘быть высокомерным, агрессивным, не уважать’
	Зависть	<i>aršan</i> - ‘завидовать, злиться’
	Угрюмость	<i>šāe</i> - ‘быть угрюмым, склочным, ссориться’
	Сопrotивление	<i>ḥaršal(l)ant</i> - ‘сопротивляться, возмущаться’
	Гнев	<i>warkui</i> - ‘гнев, ярость’
	Ярость	<i>karpiya</i> - ‘злиться, испытывать гнев’
	Бешенство	<i>lelani(ya)</i> - ‘приводить в бешенство’ (редк., только ОН)
Враждебность	Раздор, распри	<i>kattu</i> - ‘быть обиженным, ущемленным, желать отомстить’
	Вражда	<i>kūrur</i> - ‘враждебность, желание воевать’
Страх	Настороженность	<i>kuwaya</i> - ‘страх, быть начеку’ (лувизм)
	Напуганность	<i>werit</i> - ‘бояться, быть напуганным’
	Уважение	<i>naḥ(h)</i> - ‘бояться, иметь уважение, быть осторожным’
	Устрашение	<i>kurkuriye</i> - ‘пугать, устрашать’
	Дрожание	<i>katkatiya</i> - ‘дрожать’
Горе	Горевание	<i>lumpašti</i> -, <i>lup(p)ašti</i> - ‘жалоба, горе, грусть’ (лувизм)
Ненависть	Агрессия	<i>kappilae</i> - ‘вступать в схватку, быть агрессивным’
	Презрение	<i>ternu</i> - ‘унижать, презирать’
	Отвращение	<i>pukk</i> - ‘быть ненавидимым, отвратительным, неприятным’
Беспокойство	Приоритет	<i>naḥḥuwa</i> - ‘занимать все мысли, быть важным’
	Напряжение	<i>pit(t)uliyā</i> - ‘напряжение, беспокойство’
	Неспокойствие	<i>lahlahiya</i> - ‘беспокойство, подвижность’
Милосердие/Доброта	Милодушие, согласие	<i>kariyatta</i> - ‘быть милостивым к кому-л’
	Доброта	<i>genzu</i> -/ <i>ginzu</i> - ‘селезенка; доброта’
Счастье/Любовь	Хорошее состояние, любовь	<i>āššu</i> - ‘добро; хороший, дорогой, предпочтительный’ (шум. SIG ₅ , акк. NARĀM)
	Радость	<i>dušk(iye/a)</i> - ‘быть радостным, играть’
	Удовлетворенность	<i>nīn</i> - ‘удовлетворение’ (лувизм)
Желание	Желание	<i>ilaliya</i> - ‘желание’

Таблица 1. Лексемы, выражающие эмоции в хеттском языке.

относиться к эмоциональной лексике. См. *kardimmiya*-: *kardimiyawant*- ‘злой’, *kardimmiēšši* ‘становиться злым’, *kardimi(ya)nuzi* ‘делать злым’, *kardimiyahḥi* ‘делать злым’, *kardimiyatt*- (с.) ‘(причина) злости’. В некоторых случаях не все составляющие словообразовательного гнезда имеют семантику эмоций. См. основное слово для выражения хорошего состояния: *āššu*-/*āššau*-: само по себе *āššu*- в первую очередь обозначает (хорошие) вещи, предметы, товары, но уже дериватив *āššuwant*- (adj.) несет только значение ‘хороший, предпочтительный, выбираемый, тот, что нравится’. *Aššul* (п.), *aššula*- (с.) означает добрые пожелания, услуги, хорошее состояние. В гнезде *aršan*- ‘зависть’ присутствует слово *aršanatal(l)a*- (с.) ‘завистник’. *Terpu*- ‘унижать’ является деривативом от *teru*- ‘маленький’ и, кажется, не имеет в корпусе примеров другой деривации с эмоциональным значением.

Злость, гнев, бешенство

Основное значение для злости, *kartimmiya-*, очевидно, является когнатом со словами, относящимися к обозначению сердца: *kir(ti)*, *kart(i)-*. В этом отношении *kartimmiya-* полностью соответствует слав. соотношению ‘*сръдѣти ся — сръдѣце*’, лит. ‘*šīrsti — širdis*’, арм. ‘*srtnim — sirt*’ (см. подробнее HED K: 112, EDHIL: 457). Как отмечает Я. Пухвел (HED K), прямая деривация глагола ‘сердиться’ от слова ‘сердце’ необязательна, однако связь между этими понятиями очевидна, как и то, что она восходит ко времени праиндоевропейского единства. Е. Рикен (1999: 110–111) считает, что корень **kerd-* ‘сердце’ послужило основой для глагола **kerd-ye/o-* ‘to be angry’. Далее из этого глагола с помощью суффикса *-men* развивается отглагольное существительное **kerd-ye/o-a-men-* (*kerd-i-men*) ‘злость’, и уже от него образуется глагол на **ye/o-*, **kerd-i-mn-ye/o-*, который дает хетт. *kartimmiye/a-*.

Отсутствие уважения к собеседнику, которое выливается в агрессию и неподчинение, в хеттском выражается глаголом *šullēzi* ‘быть высокомерным’ (CHD S5: 570, EDHIL 778f), с двумя деривативами: *šullēšši* ‘становиться высокомерным’ и гетероклизой *šullatar/šullann-* (п.) со значением распухшего состояния и, в переносном значении, неоправданно высокомерного действия. На индоевропейском поле когнаты включают норв. *svella* ‘распухать’, англ. *swell* с тем же значением, а также лат. *īnsolēscō* ‘становиться высокомерным’. (EDHIL 778f) реконструирует для этого хеттского корня праиндоевропейскую суффиксальную форму **sulH-eh₁-*. Согласно Melchert 2004, развитие эмоционального значения здесь сравнительно позднее, поскольку уже на хеттской почве можно проследить остатки значения ‘разбухший’ (см., напр., KUB 4.4 obv. 2–9). Аналогичный семантический переход в значение высокомерия в латыни, таким образом, является параллельным процессом.

В этом же семантическом поле мы находим *ḫaršal(l)ant-* ‘возмущающийся, сопротивляющийся’. Пухвел (HED H: 185) предлагает в качестве возможного развитие этого слова как деноминатива от *ḫaršar/ḫaršan-* ‘голова’ и приводит в качестве типологического сравнения англ. ‘*at loggerheads*’. Русс. ‘*набычиться*’ демонстрирует похожую семантику (только головы будут, очевидно, бычьи, с рогами).

Значение слова, обозначающего злость от зависти, *aršan-* ‘злиться, завидовать’ можно возвести к праиндоевропейскому уровню: наличие параллелей со значением зависти в санскрите и авестийском показывает, что эмоциональная составляющая появилась в значении очень рано. А. Клухорст (EDHIL: 210) реконструирует пра-и.е. форму для глагола *aršaniye/a-* как **h₁rs-ne-h₁-ti/*h₁rs-n-h₁-enti*, на основании санскр. *īrṣyant-* ‘злой’, *irasyāti* ‘быть злым’, авест. *arəšiant-* ‘завистливый’, *araska-* ‘зависть’. (HED A: 173) указывает также на возможную параллель с тох. *A rse* ‘ненависть’. И. Якубович (ACLT) также предлагает учитывать в этом гнезде лув. *ar-ši-ma-na-al-li-ya-an* ‘принадлежащий завистникам’ (ACLT; см. тж. eDiAna, согласно которому значение этой лексемы в контексте — единственное употребление в перечне меризмов в ритуальном заклинании — остается неочевидным).

Корень *warkui-* ‘злость, ярость’ встречается в хеттском корпусе всего дважды, KUB 17.10 iii 9–12 и KUB 33.28 (EDHIL: 965), и всегда в одном ряду с перечислением *idālu-* ‘плохой’, *wašdul* ‘грех’, *karpi-* ‘ярость’, *kardimiyatt-* ‘злость’ и *šāwar* ‘мрачность, бешенство’. Клухорст восстанавливает для этого слова праи.-е. форму **u(o)rKw-i-*, однако делает это без опоры на когнаты, так что имеющиеся данные вряд ли позволяют судить о возможной форме и времени появления эмоционального значения для этого корня.

Форма *lelani(ye/a)-* встречается только в старохеттских документах, в основном в старых версиях мифа о Телибину (см. CHD L-N: 58f, KUB 17.10 ii 33, СТН 324) и хеттских законах

(Beckman 2023: 181, КВо 6.2 ii 13–15 +дупл., СТН 291), в более поздних текстах на его месте возникает *kartimmiya-*. Как и *warkui-*, *lelani-* входит в перечисления вариантов ярости: *karpiš*, *kardimmiyaz*, *wašdul* и *šāwar*, все из которых, кроме *wašdul*, представляют собой имена, соотносимые с глаголами, обозначающими разновидности ярости/злости. Очевидно, указывает Пухвел (HED L: 80), обычное значение греха не очень подходит для этого употребления слова *wašdul*. Он указывает, что здесь можно увидеть параллель с греч. ἄτη ‘безумие ярости’ (Πιαδ 19:136 οὐ δυνάμην λελαθέσθ’ Ἄτης ἢ πρῶτον ἀάσθην), которое соотносится с лат. *furor* и которое Цицерон называет *mentis caecitas*. Гютербок (цит. по HED) считал, что здесь у *lelani-* должно фиксироваться значение ‘ярости как высшей степени гнева’. Когнаты в индоевропейских языках неизвестны, поэтому пока реконструировать праформу дальше предлагаемого Клукхорстом **lelan-* не представляется возможным.

В словообразовательное гнездо с оттенком значения ярости как раздражения, мрачности и угрюмости входят лексемы *šātar* ‘(предполож.) раздражение’ и *šāwar* ‘мрачность, бешенство’, деривативы от глагола *šae-* (*šai-*) с вероятным значением ‘становится рассерженным, мрачным’ (в меди ‘ссориться друг с другом’, CHD S2: 319). Когнаты в индоевропейских языках (цит по: EDHIL: 693f): лат. *saevus* ‘дикий, яростный’, греч. αἰ-άνης ‘жестокий’, гот. *sair*, др.в.нем. *sēr* ‘боль’. Наличие когнатов позволяет судить о том, что эмоциональное значение для данного корня может быть теоретически реконструировано уже на праи.-е. уровне. (EDHIL: 694) реконструирует праформу как **seh₂i-ti*.

Что касается распространенного имени *karpi-* (с.) ‘гнев’ и глагола *karpiya-* ‘гневаться’, его словообразовательное гнездо включает *karpešši* ‘становиться злым’ и прилагательное *karpiwāla-* ‘гневный’. Индоевропейские когнаты (HED K: 98f): лат. *incredpāre* ‘ругать’ и рус. *кропотá* ‘ссора’ (по Eichner 1979: 61). М. Фасмер отмечает, что рус. *кропотá* ‘ссора’, словен. *krópati* ‘кудахтать’, в.-луж. *škropić* ‘шипеть’, ‘говорить хриплым, глухим голосом’ родственно лат. *crepāre* ‘бряцать, трещать, щелкать, твердить’, и возможна связь с др.-инд. *kṛpatē* ‘вопит’ (Vasmer 1996), см. тж. греч. καρπάλιος ‘стремительный, порывистый’ (цит. по HED K: 98–99). Исходя из славянских соответствий, для узкопраи.-е. уровня следует реконструировать корень **krp-*. Тишлер (HEG A–K: 515) связывает *karpi-* с клинописным лув. *zarpa/i-*, что заставляет (EDHIL: 452) реконструировать для праанатолийского палатализованный **k* в корне: **krp-* и, соответственно, праи.-е. форму **krp-*. Вопреки Тишлеру, eDiAna отмечает, что *zarpa/i-* не должно входить в данное гнездо: Рикен предлагает реконструировать для *zarpa/i-* праанат. корень **kerP-* or **zerP-*.

Враждебность

Основными для выражения значения враждебности в хеттском языке являются деривативы с корнем *kattu-* ‘враждебность, желание отомстить’: *kattuwaези* ‘быть огорченным, чувствовать себя ущемленным’ (HED H: 138), *kattawātar/kattawann-* ‘огорчение, вражда, причина для огорчения и враждебности’, *kattawannalli-* ‘мстительный’. Базовый корень в хеттском корпусе зафиксирован лишь однажды, однако он хорошо выделяется при анализе словообразовательного гнезда. Соотносится с греч. κότος ‘недоброжелательность, злоба’, др.-ирл. *cath* ‘раздор, битва’, ср.-верх.-нем. *hader* ‘битва’ и санскрт. *śatru-* ‘враг’. Это заставляет Клукхорста (EDHIL: 466) реконструировать для *kattu-* праи.-е. форму **kh₂et-eu-*. В ряд когнатов попадает практически совпадающее с хеттским клинописное лув. *kattawatnalli-* ‘мстящий, требующий ответа’: *kat-ta-wa-at-na-al-li-in-za* (KUB XXXV 45 II 18–19 ^{LU}KÚR.MEŠ-in-z(i) (kattawatna)llinza), однако EDHIL отмечает, что исходно лувийское слово должно было претерпеть переход **k > z*, чего в данном слове не наблюда-

ется, отсюда можно предположить, что имело место хеттское заимствование в лувийский. Палатальное **k̄* предполагается на основе сравнения с германским и индийским когнатами, ларингал требуется в реконструкции для объяснения *a* в древнеирландском.

Еще один распространенный корень этого семантического поля напрямую соотносится с гетерограммой ^{LÚ}KÚR ‘враг’ — *kūrur-* ‘вражда’. Несмотря на видимое совпадение с шумерским, это слово является исконным хеттским словом, входящим в разряд имен с гетероклизой, по некоторым причинам потерявшим гетероклитическое склонение (Rieken 1999: 319f). Е. Рикен рассматривает этот корень как происходящий из *kuerzi/kur-* ‘резать’. Я. Пухвел (HED K: 285) приводит следующий ряд когнатов: греч. θήρ, общеслав. *звѣрь*, лит. *žvėrìs*, лат. *ferus*. Таким образом, этот корень должен возводиться к значению **ǵhwer-* ‘дикий зверь’, через форму **ǵhwr-wr*, что и дает нам *kūrur* и что может соотноситься также с лат. *furor* и семантически восходить к эмоции ярости на поле битвы.

В литературе обсуждается вероятность, что за шумерограммой ^{LÚ}KÚR, как правило, получающей фонетические комплементы на *-n-* (dat.-loc.sg. ^{LÚ}KÚR-*ni*, dat.-loc.pl. ^{LÚ}KÚR-*naš*, adv. ^{LÚ}KÚR-*nili*, цит. по EDHIL: 496), скрывается корень, отличающийся от *kūrura-*, поскольку в корпусе не обнаружено аттестаций типа **^{LÚ}KÚR-*ra-*. Как правило, отмечает А. Клухорст (ор.цит.), хеттские слова на *-ur-* имеют гетероклитическое склонение *-ur-/u(e)n-* (напр., *pahhur/pahḫuen-*, *mēhur/mēhun-*). Даже те слова, которые склоняются негетероклитически, по мнению Е. Рикен (1999: 319), просто его потеряли. Поэтому, делает вывод Клухорст, не исключено, что за гетерограммой ^{LÚ}KÚR-*na* скрывается старое **kūrun/*kūruen-*, что позволяет нам рассматривать аттестации ^{LÚ}KÚR как вариант *kūrur-*.

Страх

Широко распространенная в хеттском корпусе эмоция страха сводится к пяти корням, которые довольно четко распределены по разным оттенкам значения, хотя и могут оказываться в одном и том же перечислении (см. ex. 1). Так, за страх как настороженность, ощущение опасности отвечает лувизм *kuwaya-* (последовательно отмечен глоссовым клином в хеттских текстах, в лувийских см. КВо XXIX 51 2: abl.-instr. sg. *ku-wa-ya-ta-ti*, иер. REL-S(U)- = *hwis(a)*). Пухвел возводит лув. *kuway-* к праанат. **dway-* < IE **dwey(s)-*, что может соотноситься с греч. δέιδω < **δέιδφοια*, арм. *erknčim* ‘страх’, санскрт. *dvēṣti* ‘ненависть’. Словообразовательное гнездо включает лексемы *kuwayat-* (с.) ‘страх, опасение, уважение, почитание’, *kuwayata(i)-* ‘быть уважаемым, тем, кого боятся’, *kuwayaralla-/kuwarayalla-* ‘внушающий страх.

Слова с корнем *werit(e)-* ‘бояться, быть напуганным’, в частности, существительное *weritema-* ‘испуг, страх’, часто идут вместе со словами корня *naḫšaratt-* ‘страх, испуг, ужас’:

1) NH (СТН 727) KUB XXVIII 4 obv.21b (цит. по Kölligan 2020)

<i>ep-ta=an</i>	<i>naḫšara-z</i>
схватить-3SG.PST=SHE.3SG.ACC	страх-NOM.SG
<i>ep-ta=an</i>	<i>weritama-š</i>
схватить-3SG.PST=SHE.3SG.ACC	испуг-NOM.SG
‘Страх охватил ее, испуг заставил ее оцепенеть’	

В словообразовательное гнездо корня *werit(e)-* входят еще два глагола, *weritēšši* ‘бояться, быть напуганным’ и *weritanuzi* ‘пугать’. В словообразовательное гнездо корня *nāḫḫ-* (шум. NUŠ, акк. PALĀHU) входят, кроме упомянутого выше *naḫšaratt-*, глагол *naḫšariyezi* ‘быть напуганным; выказывать (богам) почтение’, причастие *naḫšariyawant-* ‘напуганный’

и каузатив *naḥšarnuzi* ‘пугать; заставлять демонстрировать почтение’. Можно видеть, что для корней из гнезда *nāḥḥ-* есть дополнительное значение ‘демонстрировать почтение’. Поэтому предположим, что *nāḥḥ-* отвечает за ужас и почтение, возникающее при виде чего-то великого (и ужасного), а *werit(e)-* охватывает идею оцепенения при страхе (но см. ниже параллель с лат. *vereor*, в значение которого входит коннотация почтения). На русский выражение можно перевести как ‘страх и трепет’ (см. тж. HED N: 11).

Хеттское *nāḥḥ-* на анатолийской почве соответствует клинопис. лув. *naḥḥūwa-(i)* ‘есть повод для беспокойства’ (безл., цит. по КВо 4.14 iii 15–33), и *naḥḥuwaššali-* ‘пугающий’. Клухорст (EDHIL: 591) указывает этот корень среди анатолийских когнатов *nāḥḥ-*. В иер. лувийском *naḥḥ(i)-* встречается лишь однажды, в письме 8 века до н.э. (предположительно Каркемиш, цит. по Rieken, Sasseville 2017):

1) ASSUR letter f+g, Hawkins 2000: 533–555

!a-wa/i ! (“COR”)na-hi-zi (“COR”)la+ra/i-hi-ri+i-ia-zi-ha !PRAE-i !(PONERE)sà-ti-nu-i
a=wa nahhinzi larhiriyanzi=ha pari stinu
 CONN=PTCL страх.ACC.PL тревога.ACC.PL=и прочь уничтожить.2SG.IMP
 ‘страх и тревогу напроочь уничтожь!’

Лув. *naḥḥūwa-(i)* является семантической параллелью к хетт. *nakkešš-* ‘становится проблематичным’ и лув. же *kuwayata-(i)* ‘вызывать страх’.

Для *werit(e)-* (EDHIL: 591, 1003), вслед за Oettinger 2001: 467, предлагается восстанавливать праи.-е. форму из двух частей: **w(e)rh₁-i-* + **d^heh₁-* (**weri-dē-* у Оттингера, **dē-* со значением ‘положить, поставить’). Семантическое развитие в таком случае предполагается как «начать звать > кричать (в страхе) > бояться» (и предполагается связь с хетт. *weriya-* ‘звать’). Тишлер (HEG W-Z: 503) приводит эту этимологию наряду с другой версией (первое упоминание — Marstrander 1919), согласно которой проводится сопоставление *werit(e)-* с лат. *vereor* ‘демонстрировать уважение, страх, бояться’. Согласно de Vaan 2018, для праиталийского уровня от *vereor* восстанавливается форма **wer-ē-* ‘быть настороже’, его когнаты в индоевропейских языках: др.ирл. *cóir, coair* ‘полноправный’, вал. *cyweir* ‘подготовленный’ < пракельт. **ko(m)-wari-*; гот. *wars*, др.исл. *varr*, др.англ. *wær-* ‘аккуратный, внимательный’ (прагерм. **wara-*), гот. *warei* ‘хитрый’, др.англ. *wari*, др.верх.герм. *wara* ‘внимание’. Для праи.-е., соответственно, реконструируется форма **uer-eh₁-* ‘замечать, иметь значение’. Эти этимологии можно совместить, предложив реконструкцию: **uer-eh₁-* + суффикс **deh₁-* > прахетт. **werē-dē-* ‘поставить в ужасное положение, привести в ужас’².

Для *nāḥḥ-* предлагается общепринятая реконструкция праи.-е. формы **neh₂-*. Учитывая точку зрения, что *nāḥḥ-* и связанный с ним *naḥšaratt-*, а также др.ирл. *nár* ‘благородный, скромный’ соответствуют греч. *vῆτων* ‘спина’ и лат. *natis* ‘задница’, Кёллиган (2020: 152) предлагает считать, что праи.-е. **neh₂-* будет носить значение ‘повернуться (спиной)’. При этом *vῆτων* должно соответствовать акростатической парадигме: **nóh₂-t-/néh₂-t-* ‘поворот’, а *natis* — амфикинетической ном. **néh₂-ot-s*, gen. **nh₂-t-és*, loc. **nh₂-ét-I*, vel. sim. Таким образом, спина оказывается той частью тела, которая поворачивается от собеседника, ровно так же, как и в лат. *dorsum* (см. Kölligan 2020: 146f для типологических параллелей семантических переходов «спина > страх, бояться»).

Еще два корня со значением страха в хеттском: *kurkuriye-* ‘пугать’ и *katkatiya-* ‘дрожать’, оба с редупликацией в корне, то и другое звукоподражания. Первый является

² Отдельная благодарность И. Якубовичу за поддержку и дискуссию в процессе работы над этимологией хетт. *werit(e)-* и *nāḥḥ-*. Ответственность за высказанные гипотезы, проведенные соответствия, а также неточности в формулировках и записи лексем по-прежнему несет исключительно автор статьи.

производным от *kurkura-* (с.) ‘пугало’ (любопытно, что зафиксирована и двойная редупликация *kurkurakurkurai-*, возможно, для усугубления впечатления), с очевидным значением, передаваемым англ. *scarecrow*. Пухвел приводит параллели с греч. Γοργών(ες) (впервые у Гесиода) и гомеровской Γοργώ. От *katkatiya-* образованы каузатив *katkattinu-/katkattenu-* ‘вызывать дрожь’ и *katkattim(m)a-/katkattema-* (с.). ‘дрожь’.

Горе

Для выражения горя как такового в хеттском пока обнаружено только одно слово, и то лувийское заимствование *lumprašti-/lup(p)ašti-* (с.) (HED L: 118–119), в котором выделяется анатолийский отадъективный суффикс *-ašti-* (ср. *palḥašti-* ‘ширина’, *dalugašti-* ‘длина’). Аналоги можно найти в индоевропейских языках, см. слав. *dlǔgostǐ, ǫzostǐ*, др.верх.нем. *angust*. *Lu(m)p-* (с возможным носовым в корне) соотносится с греч. λύπη ‘боль, горе’, λύπρός ‘горестный’, что, в свою очередь, заставляет вспомнить о λύγρός, λευγαλέος ‘несчастный’, а также лат. *lūgēre* ‘горевать’. Пухвел (op.cit.) также указывает на то, что форма **lew-* может иметь значение, аналогичное глаголам со значением ‘рвать на себе (одежду), хлестать’ (лит. *lūpti*, слав. *лунити*), используемых в ритуалах горевания. Сюда же можно привести снскрт. *lumpāti* ‘рвать’, *lorāyati* ‘ранить’, последнее соответствует лит. *laupyti* ‘обдирать’ и слав. *лунити*; и здесь также есть указание на наличие носового, как в *lumpasti-*. В. Блажек (1992: 136) приводит также греч. *luptá* ‘женщина легкого поведения’ рядом с *lumprašti-*, встраивая, сомнительно, этот корень в ряд со значением ‘желания’ (**leub^h-*) и выводя его на ностратический уровень.

Ненависть

Эмоция агрессии *kappilae-* фактически означает ‘вступать в схватку’, с деривативами *kappilahḥ-* ‘оказаться в схватке’ и *kappilalli-* ‘быть агрессивным, склонным к схваткам’. Анатолийские когнаты включают в себя клинопис.лув. *kappilazza-* (каp-pí-la-az-za-at-ta) ‘становиться враждебным’ и иер.лув. *kapilala/i-* (с.) (³¹⁴ka-pi-la-li-i-na). К сожалению, никакой очевидной этимологии для этого корня не удалось подобрать, за исключением того, что *kappilalli-* следует возводить к **kappil-*, возможно deverбату, притом что соответствующий глагол, от которого могло бы быть произведено это слово, в хеттском не сохранился (см. HED K: 64–65 для подобных зарегистрированных производных в хеттском).

Зато вполне очевидна этимология *tepu-* ‘унижать’, дериватива от *tepu-* ‘маленький’: «унижать < принижать < небольшой». Семантический переход, очевидно, произошел на хеттской почве. У слова *tepu-* со значением ‘маленький’ при этом находится множество когнатов, реконструируется праи.-е. форма **d^héb^h-u-* (EDHIL: 869) и даже прослеживается почти похожий семантический переход в других индоевропейских языках (снскрт. *dabhrá-* ‘маленький, недостаточный’, *dabhnóti* ‘обижать’, авест. *dabənao-* ‘обманывать’).

Более точное соответствие «чистой ненависти» мы находим в глаголе *pukk-(tt)a(ri)* ‘быть ненавидимым, быть отвратительным, быть неприятным’ и его деривативах, *pukkant-* ‘отвратительный, ненавидимый’ и каузативе *pukkanu-/pukkunu-* ‘создавать отношение ненависти (к кому-л.)’ (вариации спеллинга: *puggaru, puggataru, puktaru*, что только подчеркивает наличие в корне геминированной согласной). Согласно (HED Pu: 116), для этого глагола реконструируется праи.-е. **b^hew-g-*, см. греч. φεύγω, лат. *fugio* ‘убегать, искать убежища’, лит. *būgti* ‘быть напуганным’.

Беспокойство

Беспокойство о чем-то, что является важным, фиксируется в лувизме *naḥḥuwa(ya)-* ‘есть повод для беспокойства’, образованном от глагола *nāḥḥ-* (см. выше раздел «Страх», там же про семантические параллели *naḥḥuwa-*).

В свою очередь, ^(SIC)*pittula-* (с.) ‘узел, петля’ дает в своем словообразовательном гнезде довольно предсказуемый переход к эмоционально трудной ситуации: *pit(t)uliyā-* (с.) ‘мучение, беспокойство, напряжение’, глагол *pittuliyē/azi* ‘беспокоиться, быть напряженным’, причастия *pittuliyant-* ‘обеспокоенный, напуганный’ и *pittuliyauwant-* ‘остраченный, скованный’ (примеры см. в CHD P: 365f, также с шумерограммой BAD). Е. Рикен (1999) считает, что здесь имело место суффиксальное образование **peth₂-ul-* и, соответственно, семантический переход «раскинуть > раскинуть руки > обнять > сплетение». И. Якубович (2016) проводит параллель со слав. *petlja* (русс. *петля*), показывая аналогичное суффиксальное образование. В целом, семантический переход от понятия «узел» к понятию «скованный, напряженный, беспокойство» представляется тривиальным и типологически частотным.

Наконец, как и в семантическом поле страха, беспокойство может быть выражено (квази)звукоподражательным редуцированным корнем: *lahlahiya-* ‘беспокоиться, находиться в непрерывном движении’ образовано по тому же принципу, что и *kurkuriye-* ‘пугать’ и *katkatiya-* ‘дрожать’ (а также *tastasiya-* ‘шепот’, см. HED L: 10–12). А. Касьян (личн. сообщ.) считает, что *lahlahiya-* может быть деноминативом от *lahlahha-* (с.), ном. sg. *la-aḥ-la-aḥ-ḥa-as* (КВо XLII 74 8). Пухвел допускает, что также возможно ономотопическое образование, как в *lah(h)anza(n)-* (выражение шумного возбуждения как у людей, так и у птиц или животных). Говоря об анатолийских когнатах, следует отметить упомянутое выше (пример 2) иер. лув. (“COR”) *la+ra/i-hi-ri+i-ia-zi* */lalhiliyanzi/*, гапакс, встречающийся в письме из Ассур 8 века до н.э (Bauer et al. 2017).

Счастье, любовь

Значение счастья фокусируется в хеттском языке в основном вокруг корня *āššu-/āšša-* (шум. SIG₅, тж. SILIM, акк. NARĀM). Само по себе *āššu-* во многих контекстах носит значение, не связанное с эмоциональной сферой: ‘хозяйственное добро, товары, имущество’, однако выражает тж. и значение хорошего состояния/отношения, в частности, в приветственных формулах. А. Нусбаум (2014) напоминает о *communis opinio*, которым является реконструкция для *āššu-/āšša-* протокинетического **h₁és-u-/ *h₁s-é-* и, соответственно, семантики поссессива.

Деривативы: *āššuwant-* ‘предпочтительный, хороший’, *āššuwatar/āššuwann-* (н.) ‘доброе отношение, дружба’, *aššul* (н.), *aššula-* (с.) ‘приветствие, доброе действие, хорошее состояние’ (SILIM-*ul*). Эмоция любви появляется в глаголе *āšša(ri)-*, *āššiyela(tta-ri)-* ‘быть любимым / быть хорошим’ (каузатив *āšš(iy)anuzi* ‘заставлять полюбить’) и, наконец, отглагольное существительное *āššiyatar/aššiyann-* (н.) возвращает понятие ‘любовь’ (*āššiyawant-* (с.) ‘любовник’).

Анатолийские когнаты для представления о любви: иер. лув. ^{LITUUS}*aza-* ‘любить’ (3sg.prs.act. *á-za-ti* (KARATEPE 2 §2), ^{LITUUS/OCULUS}*azatiwada-*, PN (букв. ‘любимый богом Солнца’) и др. примеры с тем же корнем, см. EDHIL: 216). На индоевропейском уровне мы можем соотнести *āššu-* и его деривативы с греч. *εὖς* ‘добрый, хороший’, санскрт. *sú* ‘хороший’. А. Клухорст (EDHIL: 216) полагает, что возводит *āšša(ri)-* и *āšš(iy)anu-* на-

прямо к *āššu-* семантически необоснованно, исходя из того, что представление о любви плохо соотносится с материальной обеспеченностью, заботой о хорошем состоянии (тут можно было бы возразить ему на общих основаниях). Он предлагает считать, что *āššanu-* является каузативом от *eš-/aš-* ‘быть’, то есть «любить < принадлежать». Надо отметить, что Блажек (1992: 138) восстанавливает для этого корня праи.-е. **an(V)s* на основании греч. *pros-ēnēs* ‘дружеский’.

Счастье как радость выражается в хеттском материале посредством корня *dušk-/tušk(iyela)-* ‘быть счастливым, радоваться, играть’. Его деривативы: *tuškari-*, *tuškaratt-* (с.) ‘счастье, развлечение’, *dušganu-* ‘делать счастливым’, *duškaratar/duškarann-* (н.)/*dušgariiyatar/dušgariyann-* (н) ‘счастье’, *dušgarauwant-* ‘счастливым, радостным’. (EDHIL: 901–2). К сожалению, видимых когнатов обнаружить не удастся, предположение Тишлера (HEG T: 466) о связи **tusk-* с др.норв. *þýðr* ‘дружеский’, гот. *þiuþ* ‘добро’, в которых отражается корень **teu-*, опровергается Клухорстом на том основании, что глагол *tuškzi* должен непременно соотноситься с праи.-е. корнем **tusk-*, и в целом нет оснований с ним не соглашаться.

Еще одно заимствованное из лувийского слово в хеттском корпусе также соотносится с эмоцией любви, радости или, вернее, «удовлетворения»: *nūn* (см. примеры в CHD L-N: 476), всегда сопровождаемое глаголами *ištamaššuwar* или *tummantiya-* (лувизм, соответствующий хетт. *ištamaššuwar* ‘восприятие, слышание’). По наличию среди аттестаций формы *dat.sg. nūti* можно полагать, что лувийское слово имело *-t-* в корне, которое в хеттском после заимствования исчезло при адаптации, таким образом давая хетт. *nom.sg. nūš* and *acc.sg. nūn*.

Милосердие, доброта

Словообразовательное гнездо вокруг корня *kāri-* показывает семантику милосердия, милости к людям. Выражение *kāri tiyela-* (букв. ‘держат *kāri-*’) означает ‘быть милосердным к кому-л.’, также в ряде контекстов выражает согласие. С точки зрения индоевропейских соответствий это может быть когнат праи.-е. **g^{ber}* ‘желать, быть радостным’ (см. Blazhek 1992: 139, Pokorny 159: 440–441). Деривативы: *kariyatta-* ‘быть милостивым к кому-л.’, *kariyašḥa-* (с.) ‘милость’. Соответствия в индоевропейских языках выглядят следующим образом: санскрт. *hāryati* ‘желание’, авест. *zara-* ‘цель’, греч. *χαίρω* ‘получать удовольствие, радоваться’, *χάρις* ‘милость’, *χαρά* ‘радость’, др.верх.нем. *ger* ‘вожделенный’ (HED K: 80–81). *kāri-* представляет собой, таким образом, окаменевший датив-локатив от значения «милость».

Что касается хетт. *genzu-/ginzu-*, здесь мы можем полагаться на исследование С. Кимбалл (2011), которое анализирует семантику, формы и соответствия, сравнивает контексты, в том числе перечисления органов тела, включающие это слово, и убедительно показывает, что *genzu-*, скорее всего, изначально обозначало не колени или гениталии, как предлагал, в частности, Я. Пухвел (HED K: 154–157), а селезенку (spleen), которая и в других индоевропейских языках становится источником эмоций (греч. *σπλήν* > англ. сплин). Поскольку Кимбалл удается выявить ряды наименований внутренних частей тела, в которых *genzu-* явно противопоставлен и «внутренностям» (*karāt-*), и «печени» (*^{UZU}NÍG.GIG*), и «почкам» (*^{UZU}KALÁM*), и «брюшной полости» (*KARŠU*), и «гениталиям» (*^{UZU}ÛR*), и «сердцу» (*ker-*), идентификация этого внутреннего источника доброты выглядит обоснованной (Kimball 2011: 6). Метафорический переход «внутренняя часть тела (селезенка) > доброта» с типологической точки зрения довольно банален.

Дериваты *genzu-*: *genzuwazi* ‘быть добрым, сочувствующим’, *genzuwala-* ‘добросердечный’. Этимология в литературе колеблется между двумя версиями: А. **gem-s-/gen-s-* со значением ‘сжимать’ (Laroche 1965), Б. **ġenħ₁-* ‘рождать, вынашивать’ (Rieken 1999, EDHIL).

Желание

Хетт. *ilaliya-* ‘желание’ (см. NED E-I: 355) не выводится на праинд.-е. уровень, однако может быть общеанатолийским образованием, возможно, ономотопическим. Встречается в анатолийской антропонимике и теонимике (KUB II 4 IV 27 ^д*Ilaliyantās*; KUB IX 34 III 35 ^д*Ilaliyandus*; пал. ^д*Ilaliyant(ik)es*, тж. возможно в лик. *Eliyāna*). И. Якубович обращает наше внимание на реконструкцию лувийского корня **alali-ti* ‘желать’, очевидного когната с хетт. *ilaliya-*. Дополнительные свидетельства того же корня можно видеть в билингвальной надписи KARATEPE: § 65 */alunazza-i/* ‘желать’ и § 71 */alunnam(a)-/* ‘похоть’ (Yakubovich 2017: 16).

Заключение

Таким образом, с опорой на хеттские и лувийские данные удастся восстановить для праиндоевропейского состояния не менее 15 лексем со значением эмоций, в то время как образование 3 звукоподражательных корней и около десяти терминов эмоций, вероятно, следует реконструировать для более позднего времени. Широкий набор эмоциональной лексики позволяет говорить о довольно развитом внутреннем мире человека времен общеиндоевропейского единства.

References

- ACLT = Yakubovich, Ilya (ed.). 2013–2015. *Annotated Corpus of Luwian Texts*. Online resource at: <http://web-corpora.net/LuwianCorpus/search> [last accessed on 20.01.2023].
- Bauer, Anna, Ilya Yakubovich, David Sasseville. 2017. **lahiliya-*. Available online at: eDiAna (2017.1).
- Beckman, Gary. 2023. Hittite Emotion Terms. In: K. Sonik, U. Steinert (eds.) *The Routledge Handbook of Emotions in the Ancient Near East*: 171–196. London / New York: Routledge.
- Blažek, Václav. 1992. Emotions in Nostratic Lexicon. *Sbornik praci filosofske fakulty brnenske university. Studia minora facultatis philosophicae universitatis brunensis*: 135–146.
- CHD = Güterbock, Hans G., Harry A. Hoffner, Theo van den Hout (eds.). 1983ff. *The Hittite Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*. University of Chicago.
- EDHIL = Kloekhorst, Alwin. 2008. *Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon*. Leiden: Brill.
- eDiAna = Miller, Jared, Elizabeth Rieken, Olav Hackstein, Ilya Yakubovich (eds.). 2017–. *eDiAna. Digital Philological-Etymological Dictionary of the Minor Ancient Anatolian Corpus Languages*. Online resource at: <https://www.ediana.gwi.uni-muenchen.de> [last accessed on 20.01.2023].
- Eichner, Heiner. 1979. Hethitisch *gēnuššuš*, *ginušši*, *ginuššin*, Hethitisch und Indogermanisch. In: E. Neu, W. Meid (eds.) *Vergleichende Studien zur historischen Grammatik und zur dialektgeografischen Stellung der indogermanischen Sprachgruppe Altkleinasiens*: 41–61. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck.
- Güntert, Hermann. 1923. Review of: Kurath Hans. The semantic sources of the words for the emotions in Sanskrit, Greek, Latin and the Germanic languages (Diss., University of Chicago, 1921). *Indogermanische Forschungen* 41: 6–7.
- Hawkins, J. David. 2000. *Corpus of Hieroglyphic Luwian Inscriptions 1: Inscriptions of the Iron Age. Parts 1-3. Untersuchungen zur indogermanischen Sprach- und Kulturwissenschaft. Neue Folge 8/1*. Berlin / New York: De Gruyter.

- HED = Puhvel, Jan. 1984ff. *Hittite Etymological Dictionary*. Berlin / New York / Amsterdam: Mouton de Gruyter.
- HEG = Tischler, Johann. 1983ff. *Hethitisches Etymologisches Glossar*. Innsbruck: Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft.
- Kaiser, Mark, Vitaly Shevoroshkin. 1988. Nostratic. *Annual Revue of Anthropology* 17: 309–329.
- Kölligan, Daniel. 2020. Hittite *nah(h)*- ‘to fear’, OIr. *nár* ‘noble, modest’ and Greek *νῶτον* ‘back’, Latin *natis* ‘rump, buttock(s)’. *Historical Linguistics* 133/1: 144–154.
- Marstrander, Carl. 1919. *Caractère Indo-Européen de la langue Hittite*. Christiania: J. Dybwad.
- Melchert, H. Craig. 2004. Latin *insolēscō*, Hittite *šulle(šš)*- and PIE Statives in *-ē-*, *Hrdā manasā*. In: N. N. Kazansky (ed.). *Studies Presented to Professor Leonard G. Herzenberg on His 70th Birthday*: 90–98. St.-Petersburg: Nauka.
- Nussbaum, Alan J. 2014. The PIE proprietor and his goods. In: H. Craig Melchert, E. Rieken, T. Steer (eds.). *Munus amicitiae Norbert Oettinger a collegis et amicis dicatum*: 228–254. Ann Arbor: Beech Stave Press.
- Oettinger, Norbert. 2001. Hethitisch *-ima-* oder: Wie ein Suffix affektiv werden kann. In: G. Wilhelm (ed.). *Akten des IV. Internationalen Kongresses für Hethitologie. Würzburg, 4.-8. Oktober 1999* (= StBoT 45): 456–477. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Pokorny, Julius. 1959. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. I. Tübingen, Basel.
- Ponsonnet, Maia. 2022. Emotional language: A brief history of recent research. In: S. Völkel, N. Nassenstein (eds.). *Approaches to Language and Culture*: 307–335. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Rieken, Elizabeth. 1999. *Untersuchungen zur nominalen Stammbildung des Hethitischen* (= StBoT 44). Wiesbaden: Harrassowitz.
- Rieken, Elizabeth, David Sasseville. 2017. **nahh(uw)a-(i)*. Available online at: eDiAna (2017.1).
- De Vaan, Michiel. 2018. *Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages*. Leiden/Boston: Brill.
- Vasmer, Max Julius. 1996. *Etimologičeskij Slovar’ Russkogo Jazyka*. Sankt-Peterburg: Azbuka.
- Yakubovich, Ilya. 2016. Review of: Saskia Pronk-Tiethoff. *The Germanic Loanwords in Proto-Slavic* [Amsterdam: Rodopi]. *Kratylos* 61: 138–144.
- Yakubovich, Ilya. 2017. The Luwian word for ‘place’ and its cognates. *Kadmos* 56: 1–28.

Maria Molina. On the reconstruction of the lexical terms for emotions on the Proto-Anatolian and Proto-Indo-European levels

In this paper, I present an overview of the vocabulary of emotions in the Hittite language, with detailed analysis of their etymologies, and compare the analyzed material with the emotion vocabulary from other Anatolian and Indo-European languages. This is essentially an attempt to form a basis for the reconstruction of the lexical set of terms for emotions at the Proto-Indo-European level.

Keywords: Proto-Indo-European language; Proto-Anatolian language; Hittite language; Luwian language; lexical reconstruction; language semantics; emotions.

Л. С. Холкина[†], Л. О. Наний[‡], Цян Сы[§]

[†]Институт лингвистики РГГУ, Москва; kholkina.liliya@yandex.ru

[‡]Институт лингвистики РГГУ, Москва; naniilu@yandex.ru

[§]Университет Хуэйчжоу, КНР; chanceqq@126.com

Семантическое поле ОСТРЫЙ в китайском языке: диахроническое развитие и его отражение в современных диалектах

В статье предлагается подробный анализ семантического поля ОСТРЫЙ в китайском языке в диахроническом аспекте. При анализе использовались типологические данные, полученные Московской лексико-типологической группой (MLexT) при исследовании прилагательных, обозначающих физические свойства объектов, а также данные словарей, корпусов, тезаурусов и результаты опроса информантов — носителей диалектов китайского языка.

В результате исследования было выявлено, что структура поля ОСТРЫЙ в китайском языке с течением времени несколько раз менялась, не нарушая при этом базовых принципов, определенных MLexT для этого поля. В то же время было обнаружено определенное соответствие между структурами поля ОСТРЫЙ в современных китайских диалектах и структурами этого поля в разных диахронических срезах китайского языка: на юге сохраняются более архаичные черты, на севере более поздние.

Ключевые слова: диалекты китайского языка; диахроническое языкознание; семантическое поле; лексическая типология; семантика 'остроты'.

Китайский язык со своей непрерывной письменной традицией продолжительностью более трех тысяч лет является уникальным объектом для исследований диахронических изменений в семантике лексем. Современные диалекты китайского языка также отражают разные этапы его развития¹. В данной статье мы сосредоточимся на рассмотрении семантического поля ОСТРЫЙ и сделаем попытку соотнести диахронические данные с состоянием данного поля в отдельных группах диалектов китайского языка. При сопоставлении этих данных мы будем опираться на значимые с типологической точки зрения противопоставления, характерные для этого семантического поля, которые были получены в рамках исследования, выполненного Московской лексико-типологической группой (MLexT). Исследование синхронных срезов языковых систем в разные периоды времени с точки зрения лексической типологии уже показало свою эффективность: ср., например, работы по изучению исторического развития систем глаголов движения в воде в романских (Грунтова 2007) и в китайском языках (Цян 2018).

Таким образом, в статье мы будем иметь дело с тремя группами данных — лексико-типологическими, диахроническими и диалектными. Скажем несколько слов о каждой из них.

¹ Стоит отметить, что в строго лингвистическом смысле многие диалекты китайского языка можно считать отдельными языками, т.к. они не отвечают структурно-лингвистическим критериям диалекта (взаимопонятность идиомов, процент совпадений в базовой лексике).

Диахронические данные китайского языка

При сборе диахронических данных мы опирались на данные словарей, тезаурусов и корпусов. Подробное изучение словарных статей в словарях древнекитайского языка, а также толкований в тезаурусах и словарях синонимов позволило произвести первичный отбор лексем, которые в дальнейшем были проверены по корпусу для разных периодов. Кроме того, мы также проверили, какими прилагательными описываются наиболее типичные «острые» предметы, однако к расширению выборки это не привело.

На основании полученных данных были выделены макро-периоды, в которые можно наблюдать наиболее значимые изменения в стратегии лексикализации для рассматриваемого поля — доциньский и ханьский (до 220 г. н.э.); Вэй, Цзинь и Южные и Северные династии (420–589 гг.); Тан и Сун (618–1279 гг.); Юань, Мин и Цин (1279–1911 гг.).

Методы сбора данных в диахронической и синхронной типологии качественно различаются. В диахронических исследованиях примеры отбираются из литературных источников, но неоднородность имеющихся данных и их неполнота могут привести к неточностям в описании. Особенно это верно для наиболее ранних периодов, поскольку древние документы, особенно доциньская классика, были небольшими по объему и однообразными по содержанию, а получить достоверные данные только из одного типа документов трудно. Ввиду различий в объеме, содержании, стиле, регионе и стилистике исторических документов разных периодов, методы выборки тоже различаются. Для наиболее раннего периода (до 220 г. н.э.) были отобраны 13 классических произведений, а для последующих периодов использовались уже обычные корпуса текстов. Для каждого из этих периодов был отобран небольшой однородный с жанровой, стилистической, исторической и географической точек зрения подкорпус памятников, чтобы отследить появление новых лексем и разницу в употреблении между старыми и новыми лексемами в конкретный период. При этом мы различали употребления, отражающие картину рассматриваемого периода, и случаи цитирования более ранних текстов. Такое сужение объекта исследования позволило сделать более точные выводы на однородном материале.

Данные диалектов китайского языка

Все диалекты современного китайского языка восходят к общему первоисточнику, но в силу разных хронологических и социолингвистических факторов в разной степени сохраняют следы древнекитайского и средневекового китайского. В некотором смысле те или иные диалекты современного китайского языка можно назвать «живыми ископаемыми» древнекитайского языка: многие факты истории китайского языка находят подтверждение в современных диалектах. О связи особенностей китайских диалектов с более ранними состояниями китайского языка см., например, такие работы, как Старостин 1989, Ху 1991, Wāng & Akitani 2010, Hóng 2013, Cáo 2008 и др.

Одной из задач нашего исследования было выяснить, как диахроническое развитие семантического поля ОСТРЫЙ отражается в современных китайских диалектах. При сборе диалектных данных мы опирались на словари диалектов и опрос носителей по типологической анкете для поля 'острый'. В состав респондентов вошли студенты китайских вузов и их родители, которые всю жизнь прожили в своих городах и являются носителями местных диалектов. Возрастной диапазон информантов 20–60 лет.

Семантическое поле ОСТРЫЙ: данные MLexT

Типологические данные были получены в ходе работы над большим проектом², посвященным изучению качественных признаков в языках мира, который проводился Московской лексико-типологической группой (MLexT) под руководством Е. В. Рахилиной; последние результаты работы над этим проектом можно посмотреть в сборнике Rakhlina & Reznikova 2022. Одно из первых направлений этого проекта было посвящено как раз стратегиям лексикализации признаков ‘острый’ и ‘тупой’ в разных языках (Kyuseva et al. 2022, Kholkina 2022).

На материале анализа данных более 30 языков MLexT выделила три основных типа острых объектов, для описания которых в языках мира характерно использование отдельных лексем (такие группы объектов в терминологии MLexT называются фреймами, см. Рахилина & Резникова 2013).

В физическом значении³ ‘острый’ может описывать предметы трех основных типов (Kyuseva et al. 2022: 36): (1) режущие инструменты с тонким краем (**тип «нож»**), (2) колющие инструменты с заостренным кончиком, (**тип «копье»**), (3) предметы с сужающейся к концу формой (носок ботинка, нос, колпак, шпиль, гора, верхушка дерева — **тип «нос»**).

Эти типы объектов противопоставлены по двум параметрам:

(а) различие между тонким краем и сужающимся концом. В языках мира часто отдельными лексемами описываются инструменты, которые «режут» (нож, ножницы, коса, пила, сабля, меч, бритва) и инструменты, которые «колют» (копье, стрела, шило, гвоздь). Поскольку тонкое лезвие инструментов типа «нож» можно мысленно представить как линию, а кончик объектов типа «копье» или «нос» можно представить как точку, для краткости в дальнейшем это противопоставление мы будем называть **‘точка’ vs. ‘линия’**;

(б) различие между остротой функциональной и формальной. Противопоставление формы и функции позволяет описать разницу между инструментом, который, будучи острым, хорошо выполняет свои функции («нож», «копье»), и предметом, функционирование которого никак не связано со степенью заточенности, но он имеет сужающуюся к концу форму. В дальнейшем это противопоставление мы будем называть **‘форма’ vs. ‘функция’**.

В семантическом поле ОСТРЫЙ реализуются три основных типа лексикализации.

Первый тип заключается в том, что одно слово используется для описания типов «нож» и «копье», а другое — для описания типа «нос». Языки, использующие эту модель лексикализации, более чувствительны к противопоставлению между ‘формой’ и ‘функцией’. Эта модель представлена немецкими *scharf* и *spitz*, валлийскими *miniog* и *rigog*. Этот тип лексикализации распространен также в японском, малазийском и других языках.

Второй тип — когда одно слово используется для описания типа «нож», а другое — для описания типов «копье» и «нос». Можно видеть, что языки, использующие эту модель лексикализации, более чувствительны к противопоставлению между ‘линией’

² В проекте исследовались такие группы признаков, как ‘мокрый’ — ‘сухой’ (Reznikova et al. 2022); ‘легкий’ — ‘тяжелый’ (Ryzhova et al. 2019, Kholkina 2019); ‘пустой’ — ‘полный’ (Холкина 2014а); ‘прямой’ — ‘кривой’/‘косой’ (Наний & Рахилина 2016); ‘гладкий’, ‘твердый’ и ‘тяжелый’ (Кашкин 2013; Холкина 2014б; Kashkin, Vinogradova 2022; Kholkina 2022) и др.

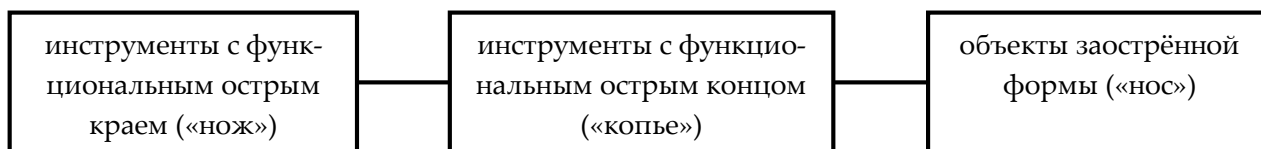
³ Переносные употребления лексем, такие как *острая боль* или *резкий ветер*, рассматриваются в проекте MLexT отдельно.

и ‘точкой’. Это противопоставление действует, например во французском в паре слов *tranchant* и *aigu*, а также в паре *leçyd* и *jues* в языке коми.

Третий тип представлен, например, русским *острый* и английским *sharp*, когда одна лексема охватывает все три базовых типа ситуаций. Это типичная так называемая доминантная система (подробнее см. Майсак & Рахилина 2007; Круглякова 2010).

Эти три типа являются лишь основными, в реальности системы поля ОСТРЫЙ в языках мира могут быть чуть более сложными. Однако существуют некоторые закономерности, которые прослеживаются во всех рассмотренных языках, и на основании которых можно делать предположения об устройстве этого поля на более глубоком семантическом уровне. Например, в статье Kuuseva et al. 2022: 40 делается предположение, что если в поле ОСТРЫЙ есть две лексемы, то одна из них будет описывать инструменты с функциональным краем (тип «нож»), а другая — объекты острой формы (тип «нос»). Фрейм «копье» является «центральной» и потенциально может покрываться любой из этих двух лексем. Система же, в которой одна лексема покрывала бы типы «нож» и «нос», не покрывая при этом тип «копье», является невозможной.

Таким образом, поле ОСТРЫЙ можно представить в виде семантической карты:

В современном нормативном китайском языке путунхуа семантическое поле ОСТРЫЙ представляет собой сложную лексическую систему. Количество слов в ней намного больше, чем в среднем (ср. Kuuseva et al. 2022) — это два однослога: 尖 *jiān* и 快 *kuài* в северных диалектах, 尖 *jiān* и 利 *lì* в южных, а также множество двуслогов: 尖锐 *jiānrui*, 锋利 *fēnglì*, 尖利 *jiānlì*, 锐利 *ruìlì* и др.

Основными лексемами для передачи прямого значения ‘острый’ в нормативном китайском языке путунхуа являются 锋利 *fēnglì* и 尖 *jiān*. Лексема 锋利 *fēnglì* может описывать только типы «нож» и «копье», например 锋利的菜刀 *fēnglì de càidāo* / 剪刀 *jiǎn dāo* ‘острый кухонный нож / ножницы’, 锋利的矛 *fēnglì de máo* / 锥子 *zhuīzi* ‘острое копье / шило’, но не может описывать тип «нос» (нельзя сказать *锋利的鼻子 *fēnglì de bízi* ‘острый нос’).

Лексема 尖 *jiān* же может описывать только типы «копье» и «нос», ср. 尖锥 *jiān zhuī* / 矛 *máo* ‘острое шило / копье’, 尖鼻子 *jiān bízi* / 下巴 *xiàba* ‘острый нос / подбородок’, но не может описывать тип «нож», то есть невозможно *尖菜刀 *jiān càidāo* / 剪刀 *jiǎn dāo* ‘острый кухонный нож / ножницы’.

При этом слово 锋利 *fēnglì* в основном встречается в письменной речи, а для описания типа «нож» в устном китайском используется лексема 快 *kuài* ‘быстрый; острый (о ноже)’. Поэтому, учитывая стилистические факторы, можно сказать, что в семантическом поле ОСТРЫЙ в путунхуа сосуществуют два типа лексикализации: первый в системе письменного языка, где действует противопоставление ‘форма’ vs. ‘функция’ (лексема 锋利 *fēnglì* и 尖 *jiān*); второй в системе разговорного языка, где действует оппозиция ‘точка’ vs. ‘линия’ (лексема 尖 *jiān* и 快 *kuài*).

Кроме того, лексемы, используемые для передачи прямого физического (*острый нож*) и переносного (*острая боль*) значений различаются: 尖利 *jiānlì*, 尖锐 *jiānrui*, 锐利 *ruìlì*, как правило, передают переносные значения и редко описывают физическую остроту.

Современный китайский язык путунхуа — результат исторической эволюции и одновременно взаимного влияния диалектов, в некотором смысле он представляет собой гибрид. Поэтому исторические и диалектные данные могут служить мощным объясни-

тельным инструментом для понимания его современного состояния. Далее мы рассмотрим семантическое поле ОСТРЫЙ в диахроническом ключе, привлекая данные разных периодов. Мы увидим, что в китайском языке на протяжении времени имела место конкуренция между первым и вторым типами лексикализации.

В данной статье мы рассмотрим только однослоги с прямым значением ‘острый’, поскольку они позволяют проследить диахронические изменения для прямых значений семантического поля ОСТРЫЙ.

1. Диахроническое развитие семантического поля ОСТРЫЙ

Мы рассмотрим четыре периода и обобщим все данные в виде таблицы (раздел 1.5, Таблица 1).

1.1. Период до династии Цинь и во время династий Хань (до 220 г. н.э.)

В литературных источниках периода Чуньцю (770–403 гг. до н.э.), Сражающихся царств (403–221 гг. до н.э.) и двух династий Хань (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.) семантическое поле ОСТРЫЙ в основном было представлено тремя однослогами: 利 *lì*, 锐 *ruì*⁴ и 铍 *xiān*⁵. Рассмотрим их подробнее.

1.1.1. 利 *lì*

Исходное значение 利 *lì* — ‘острый’, ср. толкование в первом китайском словаре иероглифов «Шовэнь цзецзы»: 利, 铍也 *lì, xiān yě* ‘利 *lì* — это ‘острый’’. Согласно словарю «字源 *zìyuán*» «Цзы юань» («Происхождение иероглифов»), иероглиф 利 *lì* является идеограммой со значением ‘жечь, срезать злак’. Графема 禾 слева имеет значение ‘злак’, а правая графема — вариант написания иероглифа 刀 ‘нож’.

Однослог 利 *lì* описывает остроту оружия и других инструментов, покрывая типы «нож» и «копье». С точки зрения диапазона сочетаемости 利 *lì* чувствителен к параметру функциональности, но не к параметру формы. Приведем примеры:

- (1) 子墨子见齐大王曰：“今有刀于此，试之人头，倅然断之，可谓利乎？”大王曰：“利。”
Zǐ Mòzǐ jiàn Qí dàwáng yuē: “Jīn yǒu dāo yú cǐ, shì zhī réntóu, cù rán duàn zhī, kěwèi lì hū?”
Dàwáng yuē: “Lì.”

‘Мо-цзы сказал цискому великому государю: «Сейчас здесь есть нож, (если) попробуем им отрубить голову и сразу перерубим — можно сказать, что (он) **острый?**» Великий государь сказал: «**Острый?**» (Мо-цзы, гл. «Лу вэнь»).

- (2) 人有鬻矛与楯者，誉其楯之坚，物莫能陷也，俄而又誉其矛曰：‘吾矛之利，物无不陷也。
Rén yǒu yù máo yǔ dùn zhě, yù qí dùn zhī jiān, wù mò néng xiàn yě, é’ér yòu yù qí máo yuē:
Wú máo zhī lì, wù wú bù xiàn yě.

‘Среди людей был продающий копья и щиты, (он) хвалился крепостью своих щитов, (тем, что) ничто не сможет пробить их. И сразу, хваля свои копья, гово-

⁴ Встречается также вариант написания 兑.

⁵ Встречаются также иероглифы 铍 и 剡. Произношение иероглифов 铍, 铍 и 剡 в древнекитайском языке было близким, вероятно, они являются морфологическими вариантами одного слова. Судя по контекстам употребления, они все могут передавать семантику ‘остроты’, и не вполне понятно, чем отличаются друг от друга, поэтому мы рассматриваем их в совокупности.

рил: «**Острота** моих копий такова, что нет такой вещи, которую бы они не пробили» (Хань Фэй-цзы, гл. «Нань и»).

Острота когтей тоже описывалась словом 利 *lì*, ср.:

- (3) 螾无爪牙之利，筋骨之强，上食埃土，下饮黄泉，用心一也。

Yǐn wú zhǎoyá zhī lì, jīngǔ zhī qiáng, shàng shí āi tǔ, xià yǐn huánghuān, yòngxīn yī yě.

‘Земляной червь не имеет **остроты** когтей и клыков, силы мышц и костей, он ест почву на земле, пьет источники под землей, целиком сосредоточен на одном деле’ (Сюнь-цзы, гл. «Цюань сюэ»).

Как видно из приведенных выше примеров, лексема 利 *lì* в значении ‘острый’ может описывать как инструменты с тонким лезвием, так и инструменты с заостренным концом. Эта лексема хорошо подходит также для описания инструментов, которыми можно и резать, и колоть, например, таких как меч: тонкое, похожее на линию, лезвие можно использовать, чтобы резать, а острый кончик использовать для прокалывания. Ср. примеры ниже:

- (4) 秦王得西戎利刀，以之割玉，如割木焉。

Qínwáng dé xīróng lì dāo, yǐ zhī gē yù, rú gē mù yān.

‘Циньский государь получил **острый** нож из западного Жун, с помощью него резка по нефриту подобна резке по дереву’ (Кун Цун-цзы, «Чэнь ши и»).

- (5) 今有利剑于此，以刺则不中，以击则不及，与恶剑无择...

Jīn yǒu lì jiàn yú cǐ, yǐ cì zé bù zhòng, yǐ jī zé bùjí, yǐ è jiàn wú zé...

‘Предположим, что имеется **острый** меч; (если) колоть им, то не попадешь, (если) ударять им, то не достигнешь (цели), (он) ничем не отличается от плохого меча...’ («Люйши чуньцю», разд. «Цзянь сюань»).

1.1.2. 锐 (兑) *ruì*

Согласно мнению Сюй Шэня, 锐 *ruì* ‘острый’ ассоциируется с идеей заостренного кончика: 锐, 芒也 *ruì, máng yě* ‘锐 *ruì* — это 芒 *máng*’ («Шовэнь цзецзы», «Объяснение простых и толкование сложных знаков»). В комментариях к этому описанию Дуань Юйцай пишет: «芒 *máng* — это кончик травинки. Кончик травинки острый, поэтому есть переносное значение ‘остриё, зубец’, сейчас обычно используется в значении ‘остриё’».

Эта лексема не только указывает на остроту оружия с заостренным концом, но и на сужающуюся форму объекта, то есть покрывает типы «копье» и «нос». Из диапазона сочетаемости лексемы 锐 *ruì* в семантическом поле ОСТРЫЙ мы видим, что она чувствительна к обоим параметрам: и к форме, и к функциональности. Например:

- (6) 膏钶有余，则车轻人；锋锐甲坚，则人轻战。

Gāo jiǎn yǒuyú, zé chē qīng rén; fēng ruì jiǎ jiān, zé rén qīng zhàn.

‘(Если) часто смазывать оси, то повозке легко (перевозить) людей; (если) острие **острое**, а доспех прочен, то людям легко сражаться’ (У-цзы, гл. «Чжи бин»).

- (7) 且其状方上而锐下，宜触冒人，王其勿赐。

Qiě qí zhuàng fāng shàng ér ruì xià, yí chù mào rén, wáng qí wù cì.

‘Кроме того, его внешность широкая сверху и **узкая** (букв. **острая**) снизу, легко оскорбляет (других), государь, не вознаграждайте его’ («Го юй», разд. «Чжоу юй»).

Лексема 锐 *ruì* была одним из основных элементов семантического поля ОСТРЫЙ вплоть до династии Восточная Хань (25–220 гг. н.э.). В словаре «Шовэнь цзецзы» она час-

то используется для толкования других слов, имеющих отношение к остроте или заостренности формы предмета. Например:

- (8) 【巒】，山小而锐。

[Luán], shān xiǎo ér ruì.

‘[Luán] — маленькая и **острая (островерхая) гора**’.

- (9) 【狼】，似犬，锐头，白颊，高前，广后。

[Láng], shì quǎn, ruì tóu, bái jiá, gāo qián, guǎng hòu.

‘[Волк] — похож на собаку, **острая** голова, белые щеки, высокий впереди, широкий сзади’.

- (10) 【纤】，锐细也。

[Qiān], ruì xì yě.

‘[Qiān] — **острый** и тонкий’.

1.1.3. 铦 (铦, 剡) xiān

Согласно словарю «Шовэнь цзецзы», 铦 *xiān* также передает идею остроты: 利, 铦也 lì, xiān yě ‘利 lì — это 铦 xiān’. Само слово 铦 *xiān* описывается так: 铦, 锤属 xiān, chā zhǔ ‘铦 xiān — вид 锤 chā’, и там же: 锤, 郭衣针也 chā, guō yī zhēn yě ‘锤 chā — игла для закрепления одежды’.

Однослог 铦 *xiān* в семантическом поле ОСТРЫЙ охватывает только тип «копье», указывая на остроту таких объектов, как шило, стрела или *острие ножа* в приведенных ниже примерах:

- (11) 今有五锥，此其铦，铦者必先挫。

Jīn yǒu wǔ zhuī, cǐ qí xiān, xiān zhě bì xiān cuò.

‘Положим, имеется пять шил. **Остреее** из них непременно сломается первым’ (Мо-цзы, гл. «Цинь ши»).

- (12) 强弩在前，铦戟在后。

Qiáng nǚ zài qián, xiān jǐ zài hòu.

‘Тугие арбалеты впереди, **острые** копья позади’ («Чжаныго цэ» / «Планы сражающихся царств»/, разд. «Янь цэ», гл. «Янь эр»).

Итак, в период до династии Хань включительно (до 220 г. н.э.) в семантическом поле ОСТРЫЙ нет бинарных противопоставлений по первому или второму типу, система является чуть более сложной (см. п. 1.5). Однако мы видим подтверждение предположения о том, что центральный фрейм «копье» может покрываться как лексемой, обычно описывающей «ножи» (利 lì), так и лексемой, обычно описывающей предметы заостренной формы (锐 ruì).

1.2. Вэй, Цзинь, Южные и Северные династии (420–589 гг.)

В период Южных и Северных династий в семантическом поле ОСТРЫЙ появляется новый однослог 尖 *jiān*, покрывающий тип «нос» (и, возможно, тип «копье» — данных недостаточно). При этом однослог 铦 *xiān* практически выходит из употребления, встречаясь лишь в составе устойчивых выражений и цитат из древних канонических текстов. Интересно, что, согласно реконструкции А. Шюсслера (Schuessler 2007: 302), слова 尖 *jiān* и 铦 *xiān* имели схожее произношение (*tsam и *sam). Он считает, что они могут быть связаны общим происхождением, хотя конкретный механизм здесь не вполне ясен.

После династии Хань в семантическом поле ОСТРЫЙ также стало появляться больше двуслогов, но подробно мы их рассматривать не будем. Новые слова сосуществуют в текстах этого периода с более ранними 利 *lì* и 锐 *ruì*, образуя конкурентные отношения. Однослоги 利 *lì* и 锐 *ruì* в это время по-прежнему остаются доминирующими словами семантического поля ОСТРЫЙ, преобладая в количественном отношении над новыми элементами. Таким образом, до эпохи Южных и Северных династий в семантическом поле ОСТРЫЙ китайского языка по-прежнему преобладало противопоставление ‘функция’ vs. ‘форма’, то есть никаких типологических изменений еще не произошло.

Однако, исследовав употребление старых и новых слов в одних и тех же литературных памятниках, мы можем заметить тенденцию замены старых слов новыми. Рассмотрим эту ситуацию на примере памятника 《齐民要术 *qí mín yào shù*》 «Циминь яошу» («Необходимые искусства для простого народа» — энциклопедия по сельскому хозяйству, VI век). Чисто с количественной точки зрения старые лексемы 利 *lì* и 锐 *ruì* преобладают. Однако, рассмотрев их употребления, мы обнаружили, что все семь случаев сочетания однослога 利 *lì* со словами типа «нож» являются отсылками автора на тексты более раннего периода. То же самое происходит с шестью случаями употребления лексемы 锐 *ruì* (типы «копье» и «нос») — они являются цитатами из более ранних источников:

(13) 《广州记》曰：“石麻之竹，劲而利，削以为刀，切象皮如切芋。”

“*Guǎngzhōu jì*” yuē: “*Shí má zhī zhú, jìn ér lì, xiē yǐ wéi dāo, qiè xiàng pí rú qiè yù.*”

‘В «Гуанчжоуцзи» говорится: «бамбук Шима крепкий и **острый**, срезать и сделать из него нож, (он) режет слоновью кожу как таро»’ («Циминь яошу», гл. 10).

(14) 崔寔曰：“牡麻，青白、无实，两头锐而轻浮。”

Cuī Shí yuē: “*Mǔ má zǐ, qīng bái, wú shí, liǎng tóu ruì ér qīng fú.*”

‘Цуй Ши сказал: «Посконь (мужское растение конопля) бледно-зеленого цвета, не приносит плоды, с обоих концов **острое** и легкое»’ («Циминь яошу», гл. 2).

Случаев же употребления 尖 *jiān* для описания сужающейся формы объекта в «Циминь яошу» всего два, но они оба являются авторскими, а не цитатами:

(15) 底欲平宽而圆。底尖擣不著，则蒜有粗成。

Dǐ yù píng kuān ér yuán, dǐ jiān dǎo bù zháo, zé suàn yǒu cū chéng.

‘Дно желательно ровное, широкое и круглое. (Если) дно **узкое**, (то) не растолочь, тогда останутся крупные куски чеснока’ («Циминь яошу», гл. 8).

При рассмотрении других памятников этого периода было установлено, что, хотя старые слова 利 *lì* и 锐 *ruì* по абсолютному количеству превосходят новые, однако в употреблении лексем 利 *lì* и 锐 *ruì* происходят изменения. Во-первых, они обе в основном используются в переносных смыслах, и довольно редко — в своих исходных значениях. Во-вторых, выражая исходные значения, они появляются в основном в устойчивых сочетаниях, таких как 锐刀 *ruì dāo* ‘острый нож’, 利剑 *lì jiàn* ‘острый меч’, 利器 *lì qì* ‘острое оружие’ и т. д. Все это говорит о том, что слова 利 *lì* и 锐 *ruì* являются на тот момент устаревающими элементами семантического поля ОСТРЫЙ, и присутствует тенденция к замене их новыми словами.

1.3. Эпоха династий Тан (618–907 гг.) и Сун (960–1279 гг.)

В период династий Тан и Сун в семантическом поле ОСТРЫЙ произошли следующие изменения:

1) Лексема 快 *kuài* начала самостоятельно употребляться в значении ‘острый’ (до этого она появлялась лишь в составе двуслогов), покрывая типы сочетаемости «нож» и «копье»;

2) Диапазон сочетаемости лексемы 尖 *jiān* несколько расширился (появляются примеры, где 尖 *jiān* точно описывает тип «копье»);

3) В семантике старых слов 利 *lì* и 锐 *ruì* произошли изменения: лексема 锐 *ruì* после династии Тан стала употребляться в основном в переносных значениях и практически покинула семантическое поле ОСТРЫЙ. Лексема 利 *lì* в северных диалектах постепенно была вытеснена лексемой 快 *kuài*, а в южных диалектах по-прежнему оставалась основным членом семантического поля ОСТРЫЙ. Эти географические различия сохраняются и в современных китайских диалектах.

Так, лексема 快 *kuài* в период династий Тан и Сун охватывала два типа ситуаций — «нож» и «копье» (описание ‘функции’ в противопоставление ‘форме’):

(16) 快刀断其头，列若猪牛悬。

Kuài dāo duàn qí tóu, liè ruò zhū niú xuán.

‘Острым ножом отрезал ему голову, вывесил подобно кабаньей или бычьей (голове)’ (Ли Шаньинь, «Сто рифм из западных пригородов»).

(17) 共许逢蒙快弓箭，再穿杨叶在明年。

Gòng xǔ féngméng kuài gōngjiàn, zài chuān yáng yè zài míngnián.

‘Все надеются, что **острые** стрелы Пан Мэна снова пробьют тополевыи лист в будущем году’ (Чжан Бэнь, «Хмельное стихосложение на рифмы чужих стихов в компании Симэя /Пи Жисю/»).

(18) 安得弯弓似明月，快箭拂下西飞鹏。

Ān dé wān gōng shì míngyuè, kuài jiàn fú xià xī fēi péng.

‘Как можно согнуть лук подобно ясной луне, (чтобы) **острой** стрелой сбить (птицу) Пэн, летящую на запад?’ (Лу Гуймэн, «Ранней осенью в стиле У, послание Симэю /Пи Жисю/»).

Лексема 尖 *jiān* в эпоху Тан могла не только описывать предметы заостренной формы типа «курильница» или «тюрган», но также развивать и функциональное колющее значение. Однако примеров на режущее значение у 尖 *jiān* не обнаруживается (противопоставление ‘линии’ и ‘точки’). Например:

(19) 上比香炉尖，下与镜面平。

Shàng bǐ xiānglú jiān, xià yǔ jìngmiàn píng.

‘Верх **уже/острее**, чем курильница, а нижняя часть такая же плоская, как поверхность зеркала’ (Хань Юй, «Стихотворные строки у каменного треножника»).

В примере (20), хотя 尖 *jiān* и сочетается со словом 刀 *dāo* ‘нож’, но описываемое действие — ‘выколоть глаза’ — указывает на употребление 尖 *jiān* именно в колющем значении:

(20) 拟将尖刀刺眼，自恨生盲，不识上人。

Nǐ jiāng jiān dāo wān yǎn, zì hèn shēng máng, bù shí shàng rén.

‘(Я) выколю себе глаза **острым** ножом: ненавижу себя за то, что был слеп и не узнал господина’ («Лушань юаньгун хуа», из сборника «Дуньхуан бяньвэнь»).

Формально сочетаемость лексем 利 *lì* и 快 *kuài* в семантическом поле ОСТРЫЙ в этот период в основном совпадает, обе они покрывают типы «нож» и «копье». Однако мы обнаружили, что 利 *lì* и 快 *kuài* распределены дополнительно по источникам разного географического происхождения. В произведениях на южных диалектах в основном используется лексема 利 *lì*, а 快 *kuài* встречается довольно редко. К примеру, в сочине-

ниях 《五灯会元 *wǔ dēng huìyuán*》 «У Дэн Хуэйюань» (История дзен-буддизма династии Сун) и 《朱子语类 *zhū zǐ yǔ lèi*》 «Чжу-цзы Юй Лэй» (Беседы Чжу Си, выдающегося конфуцианского философа династии Сун, с его учениками), имеющих характерные особенности южных диалектов, пропорции 利 *lì* и 快 *kuài* в значении 'острый' равны соответственно 20: 2 и 13: 5. При этом из пяти случаев употребления лексемы 快 *kuài* в «Чжу-цзы Юй Лэй» в четырех случаях она является определением к слову 刀 *dāo* 'нож', то есть входит в устойчивое сочетание. Эти данные показывают, что в этот период начинают проявляться территориальные различия в употреблении лексем, которые сохраняются по сей день. Про распределение лексем 利 *lì* и 快 *kuài* в этот и более поздние периоды см. также Zhāng 2020.

Что касается лексемы 尖 *jiān* в произведениях с особенностями южных диалектов, то в «Чжу-цзы Юй Лэй» всего встречается 21 случай употребления этого однослога, и в 20-ти из них описывается форма объекта (еще один случай — употребление в именном значении 'острие'). Из этого можно сделать вывод, что в южных диалектах область употребления этой лексемы была уже, чем в северных.

Итак, с заменой старых слов новыми и изменением сочетаемости членов поля ОСТРЫЙ во времена правления династии Тан и Пяти династий (618–960 гг.) в структуре этой семантической зоны в китайском языке произошел типологический сдвиг. На юге начало действовать противопоставление 'функция' vs. 'форма', на севере оставалась более сложная система без четкого бинарного противопоставления.

1.4. Эпоха династий Юань (1279–1368 гг.), Мин (1368–1644 гг.) и Цин (1616–1911 гг.)

После династии Юань в семантическом поле ОСТРЫЙ по-прежнему имели место географические различия. В области распространения северных диалектов основными лексемами являлись однослоги 尖 *jiān* и 快 *kuài*, а в южных диалектах — однослоги 利 *lì* и 尖 *jiān*. В этот период в поле ОСТРЫЙ произошли следующие изменения:

1) Изменения в значении элементов поля. Значение однослога 快 *kuài* сузилось, он стал покрывать только тип «нож». Сочетаемость же лексемы 尖 *jiān* опять расширилась: она начала описывать не только типы «копье» и «нос», но и некоторые слова из типа «нож».

2) Изменения в типах лексикализации. В северных диалектах, где центральными лексемами были 尖 *jiān* и 快 *kuài*, в поле ОСТРЫЙ стало действовать противопоставление 'точка' vs. 'линия'. В южных же диалектах, где центральными лексемами являлись 利 *lì* и 尖 *jiān*, модель лексикализации остается прежней: продолжает действовать противопоставление 'функция' vs. 'форма'.

Приведем несколько примеров. Лексема 尖 *jiān* по-прежнему описывает заостренную форму объекта и функциональную остроту колющих предметов:

(21) 只是头有些尖，眼有些小，稀稀的几个牙齿，枪枪的几根胡须。

Zhǐshì tóu yǒuxiē jiān, yǎn yǒuxiē xiǎo, xī xī de jǐ gè yáchǐ, qiāng qiāng de jǐ gēn húxū.

'Только голова немного **заостренная**, глаза мелковатые, несколько редких зубов, несколько прядей бороды и усов' (Ло Маодэн, «Экспедиция евнуха Сань Бао в западный океан», глава 95).

(22) 坑深达四丈，下面都是两头尖的铁钉、狼牙、虎爪，陷入即死。

Kēng shēn dá sì zhàng, xiàmiàn dōu shì liǎng tóu jiān de tiě dīng, láng yá, hǔ zhǎo, xiànrù jí sǐ.

'Яма глубиной до четырех чжан, внизу повсюду обоюдо**острые** железные гвозди, волчьи зубы, тигриные когти, провалишься — сразу умрешь'. («Истории героических людей», глава 46).

В этот период в северных диалектах сфера его употребления максимально расширяется, и он начинает описывать отдельные слова из типа «нож». Например:

(23) 却用尖刀剖开其腹，以药汤洗其脏腑。

Què yòng jiān dāo pōu kāi qí fù, yǐ yào tāng xǐ qí zàngfǔ.

‘Разрезать его живот **острым** ножом, вымыть его внутренности целебным отваром’ (Ло Гуаньчжун, «Троецарствие», глава 78).

С типологической точки зрения, стратегия лексикализации, когда одна лексема покрывает все основные фреймы поля ОСТРЫЙ, образуя доминантную систему, нередко в языках мира, ср. англ. *sharp* или русск. *острый*. Однако сочетаемость китайского однослога 尖 *jiān* со словами из типа «нож» сильно ограничена, в основном она определяет только саму лексему 刀 *dāo* ‘нож’. Причина, по которой 尖 *jiān* может сочетаться с 刀 *dāo* ‘нож’, как кажется, состоит в том, что сама функциональность этого инструмента двойственна: у ножа имеется как тонкое лезвие, которым можно резать, так и заостренный конец, которым можно колоть. Хотя в приведенном нами примере (23) использован именно глагол ‘резать, рассекать’ (а не ‘прокалывать’), но ограничения на сочетаемость с другими предметами типа «нож» заставляют нас с осторожностью говорить о доминантной системе для этого периода.

1.5. Диахроническое развитие поля ОСТРЫЙ: итоги

фрейм		НОЖ	КОПЬЕ	НОС
		период		
до Цинь и Хань		利 <i>lì</i>		
			锐 <i>ruì</i>	
			铍 <i>xiān</i>	
Вэй, Цзинь, Южные и Северные династии		利 <i>lì</i>		
			锐 <i>ruì</i>	
			Возможно, 尖 <i>jiān</i> , но данных недостаточно	尖 <i>jiān</i>
Тан и Сун	север	快 <i>kuài</i>		
			尖 <i>jiān</i>	
	юг	利 <i>lì</i>		尖 <i>jiān</i>
Юань, Мин и Цин	север	快 <i>kuài</i>	尖 <i>jiān</i>	
	юг	利 <i>lì</i>		尖 <i>jiān</i>

Таблица 1. Модели лексикализации в семантическом поле ОСТРЫЙ в китайском языке в разные периоды времени

Обобщая изложенное выше, можно сказать, что историческое развитие семантического поля ОСТРЫЙ в китайском языке проявляется в основном в трех аспектах.

1) Изменение модели лексикализации.

До эпох Вэй, Цзинь и Южных и Северных династий в семантическом поле ОСТРЫЙ в китайском языке не было четкого бинарного противопоставления. После Южных и Северных династий на юге начала проявляться модель лексикализации, основанная на противопоставлении 'функции' и 'формы'. На севере со временем стала проявляться модель лексикализации, основанная на противопоставлении 'точки' и 'линии'.

2) Смена элементов поля и изменение их значений.

Диахроническое развитие семантического поля проявляется также в смене входящих в него лексических единиц и изменении их областей значений.

Лексема 快 *kuài* появилась в период Южных и Северных династий сначала в составе двуслога 快利 *kuàilì*, описывающего типы «нож» и «копье», а самостоятельно вошла в семантическое поле ОСТРЫЙ только после эпохи Тан. Диапазон сочетаемости 快 *kuài* со временем менялся. Во времена династий Тан и Сун 快 *kuài* охватывал как тип «нож», так и тип «копье», но после династии Юань диапазон сочетаемости 快 *kuài* сузился, и она стала описывать только тип «нож».

Интересно, что диапазон сочетаемости лексемы 快 *kuài* был уменьшен в то же время, когда диапазон сочетаемости лексемы 尖 *jiān* достиг максимума. Поэтому мы предполагаем, что между изменениями, произошедшие в значениях этих лексем в период с династий Тан-Сун до династий Юань-Мин, существует взаимосвязь.

Что касается лексем 利 *lì* и 锐 *ruì*, то они являлись основными членами семантического поля ОСТРЫЙ вплоть до династий Хань (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.). После династий Вэй и Цзинь (420-589 гг.) лексема 锐 *ruì* постепенно покинула семантическое поле, а 利 *lì* сохранилась лишь в южных диалектах.

3) Различия между северными и южными диалектами в семантическом поле ОСТРЫЙ после династий Тан и Сун.

В произведениях, написанных позднее династий Тан и Сун, можно наблюдать различия в устройстве семантического поля ОСТРЫЙ в северных и южных диалектах. В северных диалектах 尖 *jiān* и 快 *kuài* являются основными элементами поля, а модель лексикализации основана на противопоставлении 'точки' и 'линии'. В южных диалектах основными элементами являются 利 *lì* и 尖 *jiān*, а модель лексикализации основана на противопоставлении 'функции' и 'формы'.

Различия между северными и южными диалектами в семантическом поле ОСТРЫЙ сохраняются в китайском языке и в настоящее время. Подробнее мы рассмотрим их распределение в следующем разделе.

2. Особенности синхронного распределения в семантическом поле ОСТРЫЙ

По словам китайского исследователя Сюй Тунцяна (Ху 1991: 123), «пространственные различия в языке⁶ отражают развитие языка во времени; это показывает, что языковые изменения одновременно проявляется и в пространстве, и во времени. Время в развитии языка невидимо и мимолетно, его трудно ухватить. А пространственные различия в языке ощутимы, их можно услышать и увидеть. Это сохранившиеся в языке следы времени, которые могут служить окном для наблюдения за уже исчезнувшими явле-

⁶ Имеются в виду диалекты.

ниями». Поэтому материал диалектов представляет важные данные для понимания исторического развития языка и объяснения современного его состояния.

Лексикализация семантического поля ОСТРЫЙ в диалектах китайского языка происходит очень по-разному. Многие выявленные нами особенности в нормативном китайском языке путунхуа не встречаются.

2.1. Сохранившиеся в диалектах старые слова

Лексема 利 *lì* как представитель поля ОСТРЫЙ широко встречается в диалектах китайского языка, причем не только в южных. В зоне распространения диалектов гуаньхуа (которые также называют севернокитайскими или мандаринскими диалектами) употребление 利 *lì* в значении ‘острый’ тоже довольно частотно.

Например, в кантонском (гуанчжоуском) диалекте эта лексема может обозначать как остроту лезвий, так и остроту объектов с сужающимся концом (таких как когти), ср. примеры из 《现代汉语方言大词典》 «Большого словаря диалектов современного китайского языка»:

(24) 呢把刀好利。

Nē bǎ dāo hǎo lì.

‘Этот нож очень **острый**’.

(25) 猫团其馊爪野利。

Māo tuán qí qiāo zhǎo yě lì.

‘Когти котенка очень **острые**’.

Кроме кантонского, однослог 利 *lì* также употребляется в значении ‘острый’ в зонах распространения ветвей гуаньхуа Лань-инь и Чжунъюань, в диалектах минь (Сямьньский, Чжанчжоу, Лэйчжоу), хакка, Лаосян, просторечии диалекта Наньнин и др.

2.2. Разница в диапазоне сочетаемости слов семантического поля ОСТРЫЙ (и, соответственно, в моделях лексикализации)

Лексемы 尖 *jiān* и 快 *kuài* являются элементами поля ОСТРЫЙ не только в путунхуа, но и во многих диалектах. Однако в некоторых диалектах диапазоны их сочетаемости не совпадают с таковыми в путунхуа.

Например, в северо-восточном гуаньхуа, Цзилуском гуаньхуа, юго-западном гуаньхуа, а также в северных диалектах группы у однослог 快 *kuài* используется только для описания остроты *ножей, ножниц, пил* и других инструментов из типа «нож» и не используется для описания *игл, шипов, шил, гвоздей* или других видов «копий». Можно сказать 菜刀很快 *càidāo hěn kuài* ‘кухонный нож острый’, но не *针很快 *zhēn hěn kuài* ‘игла острая’ или *锥子很快 *zhuīzi hěn kuài* ‘шило острое’. То же самое верно для однослога 利 *lì* в диалекте гуаньхуа Чжунъюаньской ветви (район г. Кайфэн), ветви Лань-инь и Лаосян: он описывает только остроту «ножей».

Лексема 尖 *jiān* в вышеупомянутых диалектах охватывает две типичных ситуации: «копье» и «нос». Можно сказать 尖刺 *jiān cì* ‘острый шип’, 尖锥 *jiān zhuī* ‘острое шило’, 尖爪 *jiān zhǎo* ‘острый коготь’, но также правильными будут и словосочетания 尖鼻子 *jiān bízi* ‘острый нос’ и 尖下巴 *jiān xiàba* ‘острый подбородок’. Таким образом, в этих диалектах односложные лексемы семантического поля ОСТРЫЙ противопоставляются по параметру ‘точка’ vs. ‘линия’.

В ветвях же Цзяо-ляо, Чжунъюаньской (район г. Сучжоу) и Цзянхуайской северных диалектов однослог 快 *kuài* может описывать не только остроту «ножей» (菜刀很快 *càidāo hěn kuài* 'кухонный нож острый', 剪刀很快 *jiǎndāo hěn kuài* 'ножницы острые'), но и остроту «копий»: 锥子很快 *zhuīzi hěn kuài* 'шило острое', 针很快 *zhēn hěn kuài* 'иглолка острая'. Та же ситуация с однослогом 利 *lì* в миньском и кантонском диалектах, а также в диалекте хакка южной части провинции Цзянси: в них 利 *lì* тоже описывает и «ножи», и «копья».

Однослог 尖 *jiān* в приведенных выше диалектах, соответственно, охватывает только тип «нос», описывая лишь остроконечность формы объектов. Таким образом, однослоги в семантическом поле ОСТРЫЙ в этих диалектах противопоставляются по параметру 'форма' vs. 'функция'.

2.3. Разница между моделями лексикализации в южных и северных диалектах и их связь с диахронией

Модели лексикализации в семантическом поле ОСТРЫЙ в разных диалектных зонах «наследуются» из разных исторических периодов. Основная закономерность такова: в северных диалектах в качестве стратегии лексикализации в основном используется противопоставление 'точка' vs. 'линия' (что соответствует модели лексикализации со времен династии Юань), а в южных — 'функция' vs. 'форма' (соответствует модели лексикализации до эпох Вэй и Цзинь). Диалекты, зона распространения которых находится на пересечении зон северных и южных диалектов, демонстрируют смешанные черты: в них в зоне ОСТРЫЙ имеются оба противопоставления — и 'точка' vs. 'линия', и 'функция' vs. 'форма'.

Рассмотрим эти соответствия подробнее.

2.3.1. Северные диалекты

В семантическом поле ОСТРЫЙ в северных диалектах, например, в большей части диалектов гуаньхуа (юго-западная и северо-восточная ветви, ветвь Цзи-Лу), в северных диалектах группы у в основном используются лексемы 尖 *jiān* и 快 *kuài*. Однослог 尖 *jiān* сочетается со словами, обозначающими объекты заостренной формы, то есть покрывает типы «копье» и «нос», а однослог 快 *kuài* сочетается со словами, обозначающими объекты с тонким лезвием, то есть покрывает тип «нож». Можно видеть, что в северных диалектах в семантическом поле ОСТРЫЙ используется модель лексикализации на основе противопоставления 'точка' vs. 'линия', что совпадает с устной нормой путунхуа. Эта модель лексикализации семантического поля 'острый' наследует модель лексикализации северных диалектов со времен династии Юань (1279–1368 гг.).

2.3.2. Южные диалекты

Зона ОСТРЫЙ в южных диалектах, таких как сян, южные гань, хакка, минь и юэ (кантонский), в основном включает в себя однослоги 利 *lì* и 尖 *jiān*. Лексема 利 *lì* покрывает типы «нож» и «копье», то есть обозначает не только остроту инструментов с тонким лезвием, таких как 菜刀 *càidāo* 'кухонный нож' и 剪刀 *jiǎndāo* 'ножницы', но также описывает остроту инструментов сужающейся формы, таких как 爪子 *zhuǎzi* 'когти', 指甲 *zhǐjiǎ* 'ногти', 针 *zhēn* 'игла', 刺 *cì* 'колючка, шип'. Лексема 尖 *jiān* покрывает тип «нос», то есть описывает лишь объекты, имеющие сужающуюся форму, но не имеющие колющей функции.

Отсюда можно видеть, что в южных диалектах в поле ОСТРЫЙ используется модель лексикализации на основе противопоставления ‘функции’ и ‘формы’. Хотя эта модель лексикализации не сохранилась в современном нормативном китайском языке пунхуа, именно она использовалась в древнекитайском до эпох Вэй и Цзинь.

2.3.3. «Пограничные» диалекты

В ветвях гуаньхуа Цзяо-ляо, Цзянхуайской и Чжунъюаньской ветви района г. Сучжоу, а также в южных диалектах группы у, которые находятся в зоне пересечения северных и южных диалектов, две основных лексемы в поле ОСТРЫЙ — это 尖 *jiān* и 快 *kuài*. Однослог 尖 *jiān* охватывает тип «нос», а однослог 快 *kuài* охватывает типы «нож» и «копье» (что отличается от северных гуаньхуа, но аналогично лексеме 利 *lì* в южных диалектах).

В то же время в некоторых гуаньхуа Чжунъюаньской ветви (район г. Кайфын), в ветви Лань-инь, а также в диалекте Лаосян используется лексема 利 *lì*, а не 快 *kuài*, но охватывает она только тип «нож» (что несколько отличается от более южных диалектов).

Таким образом, в «пограничных» диалектах встречаются разные ситуации в поле ‘острый’, включая не только оппозицию ‘точка’ vs. ‘линия’, но и оппозицию ‘функция’ vs. ‘форма’. Такая схема лексикализации характерна для китайского языка периода династии Тан.

Все эти данные можно обобщить в виде следующей таблицы.

2.3.4. Особенности синхронного распределения в семантическом поле ОСТРЫЙ: итоги

диалекты \ фрейм	НОЖ	КОПЬЕ	НОС
1. Юго-западная и Северо-восточная ветви гуаньхуа, ветвь Цзи-Лу; северные у	快 <i>kuài</i>	尖 <i>jiān</i>	
2. Ветви гуаньхуа Цзяо-ляо, Цзянхуайская, Чжунъюаньская (г. Сучжоу); южные у	快 <i>kuài</i>		尖 <i>jiān</i>
3. Чжунъюаньская ветвь гуаньхуа (район г. Кайфын), ветвь Лань-инь; Лаосян	利 <i>lì</i>	尖 <i>jiān</i>	
4. Сян, южные гань, хакка, минь, юэ	利 <i>lì</i>		尖 <i>jiān</i>

Таблица 2. Модели лексикализации в семантическом поле ОСТРЫЙ в современном китайском языке в разных диалектных зонах

Общая картина такова: 1 и 2 в таблице 2 относятся к северным диалектам, а 3 и 4 — к южным (2 и 3 «пограничные»). Но есть некоторые моменты, которые стоит пояснить. Юго-западный гуаньхуа в 1 географически расположен в юго-западном регионе Китая, но диалект принадлежит к группе северных диалектов гуаньхуа. Географическое положение северных у находится в бассейне реки Янцзы, на стыке севера и юга, а южных у — на юге.

Из таблицы видно, что в разных диалектах одни и те же лексемы могут покрывать разные типы сочетаемости. В то же время за разными лексемами может стоять одна и та же стратегия лексикализации. Так, для групп 1 и 3 характерно общее противопоставление ‘точка’ vs. ‘линия’, а для групп 2 и 4 — противопоставление ‘форма’ vs. ‘функция’, хотя используемые в них лексемы различаются. Эти обстоятельства показывают, насколько важен системный подход при работе с материалами диалектов. Например, в статье Zhāng 2020 тоже обсуждается проблема постепенной замены 利 *lì* на 快 *kuài* в истории китайского языка и как это отражается в современных китайских диалектах, однако модели лексикализации и сочетаемость слов подробно не рассматриваются, т. е. проблема сильно упрощена.

2.4. Семантическое поле ОСТРЫЙ в диалектах китайского языка: итоги

Разнообразие организации семантического поля ОСТРЫЙ в диалектах современного китайского языка в основном проявляется в трех отношениях.

Во-первых, устаревшие в современном нормативном языке путунхуа слова семантического поля ОСТРЫЙ могут продолжать употребляться в диалектах китайского языка. Например, однослог 利 *lì* употребляется в значении ‘острый’ во многих диалектах, тогда как в путунхуа он самостоятельно употребляется лишь в более поздних значениях, например, ‘польза’, ‘преимущество’ и т. п. Однако стоит отметить, что среди множества диалектов, которые мы рассматривали, мы не встречали употребления устаревшего слова 锐 *ruì* в значении ‘острый’. Это говорит о том, что современные китайские диалекты в основном наследуют особенности семантического поля ОСТРЫЙ средневекового периода.

Во-вторых, диапазон сочетаемости слов семантического поля может различаться в разных диалектах. Например, в ветвях Цзяо-ляо, Чжунъюаньской (район г. Сучжоу) и Цзянхуайской северных диалектов однослог 快 *kuài* может описывать как тип «нож», так и тип «копье», тогда как в путунхуа он употребляется только с типом «нож».

Наконец, мы выявили различия в стратегиях лексикализации. В некоторых диалектах, как и в путунхуа, лексемы семантического поля ОСТРЫЙ противопоставляются по параметру ‘точка’ vs. ‘линия’, а в некоторых других диалектах работает противопоставление ‘функция’ vs. ‘форма’. Другие диалекты имеют смешанные особенности лексикализации, лексемы в них противопоставлены как по параметру ‘точка’ vs. ‘линия’, так и по параметру ‘функция’ vs. ‘форма’.

Таким образом, можно видеть, что диалекты, будучи «живыми ископаемыми языками», по-прежнему сохраняют многие особенности диахронического развития семантического поля ОСТРЫЙ.

Заключение

Итак, мы рассмотрели диахронические и диалектные данные в семантическом поле ОСТРЫЙ в китайском языке. Эти данные помогли нам лучше разобраться в устройстве поля ОСТРЫЙ в современном китайском, а также объяснить некоторые особенности в употреблении лексем этого поля в разных диалектах.

В результате исследований MLexT поля ОСТРЫЙ в разных языках в нем были выделены несколько типов лексикализации. Все эти типы семантически мотивированы: нет ни одного языка, где бы одна лексема могла описывать типы «нож» и «нос», но не описывала бы при этом тип «копье». Китайский язык не стал исключением: ни в одном из

синхронных срезов, которые мы рассмотрели, он не нарушает этой закономерности. В то же время стоит отметить, что структура поля ОСТРЫЙ в китайском языке с течением времени несколько раз менялась, в разные периоды времени в этом поле действовали разные типы лексикализации, и в конце концов на юге сложилась одна система, а на севере — другая.

В таблице 3 ниже представлено примерное соответствие моделей лексикализации в современных китайских диалектах в поле ОСТРЫЙ разным диахроническим срезам китайского языка:

исторический период	до династии Тан (до 618 г.)	Тан и Пять династий (618–960 гг.)	после династии Сун (после 960 г.)
диалект	южные диалекты	«пограничные» диалекты	северные диалекты
«НОЖ»	利 <i>lì</i>	快 <i>kuài</i>	快 <i>kuài</i>
«КОПЬЕ»			尖 <i>jiān</i>
«НОС»	尖 <i>jiān</i>		

Таблица 3. Соотношение моделей лексикализации в современных китайских диалектах в поле ОСТРЫЙ и разных диахронических срезов китайского языка

После династии Тан в некоторых областях Китая в значении ‘острый’ начинает широко использоваться лексема 快 *kuài*, постепенно вытесняя старую лексему 利 *lì*. Судя по распределению в современных диалектах китайского языка, слово 快 *kuài* в значении ‘острый’, вероятно, изначально возникло в бассейне реки Янцзы, а затем стало распространяться на север и юг. Его распространение на севере было быстрым, и вскоре оно стало доминирующим словом в северных диалектах. Однако в южных диалектах распространение 快 *kuài* оказалось затруднено: в провинциях Цзянси, Фуцзянь, Гуандун и других юго-восточных и прибрежных районах доминирующим словом по-прежнему остаётся 利 *lì*. Единственной группой диалектов, в которой преобладает та же лексема, что и в гуаньхуа, это диалекты у: в них тоже используется 快 *kuài*, а не 利 *lì*. Вопрос, является ли это явление контактным или генетическим, заслуживает отдельного рассмотрения.

Мы также можем видеть, что совсем древние слова, такие как 锐 *ruì* и 铦 *xiān*, которые использовались для обозначения остроты до династии Хань, самостоятельно не употребляются в современных диалектах китайского. То есть диалекты в поле ОСТРЫЙ сохраняют состояние языка не ранее династий Вэй, Цзинь и Южных и Северных династий.

Литература

- Грунтова, Е. С. 2007. Латинская система глаголов плавания и ее развитие в романских языках (французском, итальянском, испанском). В кн.: Т. А. Майсак, Е. В. Рахилина (ред.). *Глаголы движения в воде: лексическая типология*: 231–266. Москва: Индрик.
- Кашкин, Е. В. 2013. *Языковая категоризация фактуры поверхностей (типологическое исследование наименований качественных признаков в уральских языках)*. Дисс ... к. ф. н. Москва: МГУ.
- Кюсева, М. В., Д. А. Рыжова, Л. С. Холкина. 2013. Лексическая типология: к проблеме определения границ семантического поля (на примере признаков ‘толстый’ и ‘тонкий’). В кн.: R. Guzman Tirado, I. Votyakova. (eds.). *Tipología léxica*: 255–262. Granada: Jizo Ediciones.

- Круглякова, В. А. 2010. *Семантика глаголов вращения в типологической перспективе*. Дисс... к. ф. н. Москва: РГГУ.
- Майсак, Т. А., Е. В. Рахилина (ред.). 2007. *Глаголы движения в воде: лексическая типология*. Москва: Индрик.
- Наний, Л. О., Е. В. Рахилина. 2016. О системности в лексике: «прямые» и «кривые» семантические сдвиги. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова* 9: 446–467.
- Рахилина, Е. В., Т. И. Резникова. 2013. Фреймовый подход к лексической типологии. *Вопросы языкознания* 2: 3–31.
- Старостин, С. А. 1989. *Реконструкция древнекитайской фонологической системы*. Москва: Наука.
- Холкина, Л. С. 2014а. Семантические поля ПОЛНЫЙ и ПУСТОЙ в китайском языке: системное описание как основа для словаря нового поколения. *Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы* 5: 25–34.
- Холкина, Л. С. 2014б. Признаковая лексика китайского языка в типологической перспективе: 'ГЛАДКИЙ', 'ТВЕРДЫЙ' и 'ТЯЖЕЛЫЙ'. *Acta Linguistica Petropolitana — Труды Института лингвистических исследований РАН* X(1): 879–888.
- Цян, Сы. 2018. Историческое развитие системы глаголов движения в воде в китайском языке с точки зрения лексической типологии. *Вопросы языкознания* 3: 128–146.

References

- Cáo, Zhìyún (曹志耘) (ed.). 2008. *Hànyǔ fāngyán dìtú jí (cíhuì juǎn)* (汉语方言地图集/词汇卷). Běijīng: Shāngwù yìncǎo.
- Gruntova, Elena. 2007. Latinskaja sistema glagolov plavanija i jejo razvitije v romanskix jazykax (francuzskom, ital'janskom, ispanskom). In: T. A. Maisak, E. V. Raxilina (eds.). *Glagoly dvizhenija v vode: leksicheskaja tipologija*: 231–266. Moskva: Indrik.
- Hóng, Wéirén (洪惟仁). 2013. Chārù yǔ bāochāo: Yǔyán dìlǐ fēnbù de fāzhǎn lèixíng (插入与包抄: 语言地理分布的发展类型). In: Cáo Zhìyún (曹志耘). *Hànyǔ fāngyán de dìlǐ yǔyánxué yánjiū* (汉语方言的地理语言学研究): 23–42. Běijīng: Shāngwù yìncǎo.
- Kashkin, Egor V. 2013. *Jazykovaja kategorizacija faktury poverxnostej (tipologicheskoe issledovanie naimenovanij kachestvennykh priznakov v ural'skix jazykax)*. Diss ... k. f. n. Moskva: MSU.
- Kashkin, Egor, Olga Vinogradova. 2022. The domain of surface texture. In: E. V. Rakhilina, T. Reznikova (eds.). *The Typology of Physical Qualities*: 161–188. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.
- Kholkina, Liliya S. 2014а. Semanticheskie pol'a POLNYJ i PUSTOJ v kitajskom jazyke: sistemnoe opisanie kak osnova dl'a slovar'a novogo pokolenija. *Nauchno-technicheskaja informacija. Serija 2. Informacionnye processy i sistemy* 5: 25–34.
- Kholkina, Liliya S. 2014b. Priznakovaja leksika kitajskogo jazyka v tipologicheskoi perspektive: 'GLADKIJ', 'TVERDYJ' i 'T'AZHELYJ'. *Acta Linguistica Petropolitana — Trudy Instituta lingvističeskix issledovanij RAN* X(1): 879–888.
- Kholkina, Liliya (李亮). 2019. *Cihuìlèixíngxué shìjiǎo de hànyǔ wùlǐ shǔxìng xíngróngcí yánjiū* (词汇类型学视角的汉语物理属性形容词研究). Shànghǎi: Zhōngxī shūjú.
- Kholkina, Liliya. 2022. Lexical typology of Mandarin Chinese qualitative features In: E. V. Rakhilina, T. Reznikova (eds.). *The Typology of Physical Qualities*: 269–288. Amsterdam: John Benjamins.
- Koptjevskaja-Tamm, Maria. 2008. Approaching lexical typology. In: M. Vanhove (ed.). *From Polysemy to Semantic Change*: 3–55. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins.
- Kyuseva, Maria V., Daria A. Ryzhova, Liliya S. Kholkina. 2013. Leksicheskaja tipologija: k probleme opredelenija granic semanticheskogo pol'a (na primere priznakov 'tolstyj' i 'tonkij'). In: R. Guzman Tirado, I. Votyakova (eds.). *Tipología léxica*: 255–262. Granada: Jizo Ediciones.
- Kyuseva, Maria, Elena Parina, Daria Ryzhova. 2022. Methodology at work: Semantic Fields «sharp» and «blunt». In: E. V. Rakhilina, T. Reznikova (eds.). *The Typology of Physical Qualities*: 29–56. Amsterdam: John Benjamins.
- Kruglyakova, Viktorija A. 2010. *Semantika glagolov vrashhenija v tipologicheskoi perspektive*. Diss... k. f. n. Moskva: RSUH.
- Maisak, Timur A., Ekaterina V. Rakhilina (eds.). 2007. *Glagoly dvizhenija v vode: leksicheskaja tipologija*. Moskva: Indrik.
- Nanii, Lyudmila O., Ekaterina V. Rakhilina. 2016. O sistemnosti v leksike: «pr'amyje» i «krivyje» semanticheskie sdvigi. *Trudy Instituta russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova* 9: 446–467.

- Qiang, Si. 2018. Istoricheskoe razvitie sistemy glagolov dvizhenija v vode v kitajskom jazyke s točki zrenija leksičeskoj tipologii. *Voprosy jazykoznanija* 3: 128–146.
- Rakhilina, Ekaterina V., Tatiana I. Reznikova. 2013. Frejmovyj podxod k leksičeskoj tipologii. *Voprosy jazykoznanija* 2: 3–31.
- Rakhilina, Ekaterina V., Tatiana Reznikova (eds.). 2022. *The Typology of Physical Qualities*. Amsterdam: John Benjamins.
- Reznikova, Tatiana, Anna Panina, Viktorija Kruglyakova. 2022. A matter of degree? The domain of wetness in a typological perspective. In: E. V. Rakhilina, T. Reznikova (eds.). *The Typology of Physical Qualities*: 57–78. Amsterdam: John Benjamins.
- Ryzhova, Daria, Ekaterina Rakhilina, Liliya Kholkina. 2019. Approaching perceptual adjectives: the case of HEAVY. In: Laura J. Speed, Carolyn O’Meara, Lila San Roque, Asifa Majid (eds.). *Perception Metaphors*: 185–207. John Benjamins.
- Schuessler, Axel. 2007. *ABC Etymological Dictionary of Old Chinese*. Honolulu: University of Hawai’i Press.
- Starostin, Sergei A. 1989. *Rekonstrukcija drevnekitajskoj fonologičeskoj sistemy*. Moskva: Nauka.
- Wāng, Wéihuī, Akitani Hiroyuki (汪维辉, 秋谷裕幸). 2010. Hànyǔ “zhàn lì” yì cí de xiànzhuàng yǔ lìshǐ (汉语“站立”义词的现状与历史). *Zhōngguó yǔwén* 2010 (4): 299–310.
- Xú, Tōngqiāng (徐通锵). 1991. *Lìshǐ yǔyánxué* (历史语言学). Běijīng: Shāngwù yìnshūguǎn.
- Zhāng, Hǎimèi (张海媚). 2020. Hànyǔ “fēnglì” yì cí de gòngshí fēnbù hé lìshǐ yǎnbiàn (汉语“锋利”义词的共时分布和历时演变). *Yǔwén yánjiū* 2020(3): 40–48.

Liliya Kholkina, Lyudmila Naniy, Si Qiang. The semantic field SHARP in Chinese, its diachronic development and reflexes in modern dialects.

In this paper, we present a detailed analysis of the semantic field SHARP in Chinese in the diachronic aspect. The analysis uses typological data of the Moscow Lexico-Typological Group (MlexT) for the adjectives denoting the physical properties of objects, as well as data from dictionaries, corpora, thesauri, and the results of a survey of native speakers of Chinese dialects.

The study shows that the structure of the semantic field SHARP in Chinese changed over time, but never violated the basic principles defined by MlexT for this field. At the same time, a certain correlation was found between the structures of the field SHARP in modern Chinese dialects and the structures of this field in different diachronic periods of the Chinese language: more archaic features are preserved in the South, and later ones in the North.

Keywords: Chinese dialects; diachronic linguistics; semantic field; lexical typology; semantics of ‘sharpness’.

Common Kyushu-Ryukyuan substratum in maritime vocabulary: a preliminary analysis

This paper constitutes a preliminary linguistic test of the hypothesis which postulates that shared Kyushu-Ryukyuan lexicon related to maritime knowledge provides evidence for a Kyushu-Ryukyuan subgrouping within the Japonic cladogram. It introduces Kyushu-Ryukyuan cognates and potential shared lexical innovations in seafaring vocabulary, cardinal directions and navigation, and marine fauna, all of which suggest a shared navigation culture, as well as common maritime subsistence and lifestyle patterns. The case is reinforced by several promising cases of common morphological features between Kyushu and Ryukyuan. Finally, we identify three levels of shared Kyushu-Ryukyuan ancestry within the Japonic cladogram, identifying Proto-Satsugū-Ryukyuan as the predecessor pre-Proto-Ryukyuan language that was still spoken in Kyushu in the first millennium AD.

Keywords: Ryukyuan languages; maritime vocabulary; Japonic languages; Kyushu-Ryukyuan; language spread; genetic subgrouping.

Introduction

Ryukyuan is a linguistic group that, together with Mainland Japanese and the moribund Hachijō language spoken in Hachijō islands, forms the Japonic language family. Ryukyuan languages are spoken in the Ryukyu Islands, a chain of Japanese islands that stretches from the south-east of Kyushu to the northern part of Taiwan. Most specialists divide Ryukyuan languages into two branches: a northern one, North Ryukyuan, comprising the languages spoken in Amami Ōshima and Okinawa, and a southern one, South Ryukyuan / Sakishima, comprising the languages spoken in Yonaguni and Yaeyama (also referred to as Macro-Yaeyama), as well as the one spoken in Miyako (Chiiki Kenkyūjo 2013, Shimoji and Heinrich 2014).

Past language planning policies, which started as early as in the Meiji era (1868–1912), when the Tokyo-based *hyōjungo* (standard language) was promoted and local varieties stigmatized through a series of punishments, including the *hōgen fuda* (dialect tag), have resulted in the current endangered status of Ryukyuan languages, now spoken chiefly by native speakers in their 50s and 60s or older (Karimata 2015: 114, Heinrich 2012). The total population of the Ryukyu islands is 1,459,407 people (3rd year of Reiwa era [2021] census), to which must be added around 110,000 people from Amami archipelago, which belongs to the Kagoshima prefecture, and as such is not included into Ryukyu island-related censuses. While there are no official statistical data on the number of native speakers of Ryukyuan languages, there are some rough estimates of it.¹

¹ Dougherty used two simplified linear models (by no means accurate but informative nonetheless) to calculate a number of speakers ranging from 334,000 to 400,000. Read (2011) estimated 285,000 speakers, but did not specify the statistical model for their estimation. Given the population of the Ryukyus, and considering that the population over 65 years old constitutes 22.9% of the total, according to the 2021 census, we can use the simple equation $P\% * X = Y$, where Y is the ratio of the population over 60 (22.9%). By converting it into decimals, we obtain the following: $p = 22.9\%/100 = 0.229$, $Y = 0.229 * 1459407$, $Y = 334204.203$, which is the estimated number of possible

Historically, Ryukyuan languages are documented since the late fifteenth century, with older texts being found on stone inscriptions, such as the *Ankokuzan Jukamoku-no Kihi*, which dates back to 1427 AD. If we exclude some administrative appointments written in 1523,² one of the earliest and perhaps most important written sources is the *Omoro Sōshi*, a compilation of ancient poems and songs from Okinawa and the Amami Islands, collected into 22 volumes and written primarily in *hiragana* with some simple *kanji*. Due to the historical and political contacts between Ming China and the Ryukyuan Kingdom, starting from the fifteenth century, a number of Chinese sources mention the Ryukyus and its language (Ding 2008; Tawata 1997, 2010; Lin 2015; Ishizaki 2015). Korean materials also made their appearance in the 16th century. Western accounts on the Ryukyus also go back as far as the late 15th and early 16th centuries, when Portuguese voyagers travelled East Asia and arrived at the Ryukyus for the first time. However, with occasional exceptions, the earliest Western treatises on the Ryukyus fail to mention the language spoken by their inhabitants, for which we must wait until the second half of the eighteenth century. Since many observers were deceived by its lexicon, the classification of Ryukyuan languages, or, more accurately, of (Old) Okinawan, remained a controversial topic, with as many purported classifications as the number of observers involved in it. For instance, a widespread belief claimed that Ryukyuan was a Japanese dialect with a Chinese superstratum, especially in lexicon (Klaproth 1810: 152, Beechey 1831: 404, Williams 1837: 288, Smith 1850: 64ff).

Dating the origins and spread of Ryukyuan languages remains a debated and controversial topic, as a significant disparity between linguistic and extra-linguistic evidence (historical, archaeological, and anthropological) still persists (Pellard 2015). Most linguists date the split of Ryukyuan between the 2nd and the 7th centuries CE (Hattori 1979, Uemura 1997, Hokama 2007: 30). Pellard (2021) believes it must have occurred no later than the 8th century CE. Jarosz (Jarosz et al. 2022: 4) believes that the latest dating of the split of the Ryukyuan branch must be set at no later than mid-6th century, since Ryukyuan languages had already undergone innovations from Proto-Japonic source forms (such as, e.g., the treatment of Proto-Japonic diphthongs *uj, *oj and *əj) that Miyake's (2003) philological study of Pre-Old Japanese demonstrated to have occurred around the mid-sixth century at the latest. Other approaches include the two studies by Lee and Hasegawa (2011) and Robbeets et al. (2021).

On the other hand, major, successful population movements from Kyushu into the Ryukyus occurred no sooner than 9th/10th century CE (Asato and Doi 2011, Jarosz et al. 2022). It is believed since at least the time of Basil H. Chamberlain (1850–1935) that the diffusion of Ryukyuan languages was favoured by the spread of agriculture (Schwartz 1908: 129, Newman and Eng 1947: 32). However, in the Ryukyus, agriculture was hampered by thin soils and other geological problems. As such, while we do not contend that agriculture was not a very important factor in favouring the spread of Ryukyuan languages, it is also felt that other factors such as sea craft may have played an important role in the formation and diffusion of Ryukyuan languages. The present article elaborates on the idea presented in Jarosz et al. (2022) that it is

native speakers of local Ryukyuan languages. Considering that according to another official census, the population of the *ritō* (remote islands) is 508,329 people, with an aging rate of 17.3% (which means that people in their 65s or older comprise 17.3% of the population), we can roughly estimate that in the remote islands, there are probably 87,940 or slightly more native speakers. This is not an accurate estimate, but it seems to be in line with the conclusion reached by Dougherty. According to Niinaga et al. (2014: 100–101), the number of Northern Ryukyuan speakers is around 265,963. In contrast, according to *Ethnologue* (2000), the number of native speakers of *Uchināguchi* (the form of speech that originated in the highly urbanized southern part of Okinawa but that has now become the common spoken language of the island, apart from standard Japanese) alone is uncritically reported to be 980,000.

² These documents normally start with *Shuri-no ommikotonori* 首里之御詔 (しゅりのおんみことのもり), meaning ‘the royal edict of Shuri.’

the seafaring-related vocabulary that distinguishes Kyushu and Ryukyuan from other Japonic-speaking areas, suggesting an erstwhile shared maritime subsistence and lifestyle patterns. The main goal of the paper is, however, to provide evidence from the seafaring-related sectors of vocabulary supporting the Kyushu-Ryukyuan / Southern Japonic node on the Japonic cladogram (see e.g. Igarashi 2021), which groups together modern Ryukyuan languages with putative, unattested/extinct indigenous Kyushu topolects reflected only as a substratum in modern Mainland Kyushu topolects. This Kyushu-Ryukyuan / Southern Japonic group is genetically contrasted with the Mainland Japanese node, and it challenges the prevalent bipartite division of Japonic into Ryukyuan and Kyushu-inclusive Mainland (cf. Pellard 2015). This revision of the Japonic family tree has been proposed in the most systematic way by Igarashi (2016 et seq.) with five levels of genetic-diachronic stratification of the Southern Japonic group (Igarashi 2021: 41–42, fig. 9).

1. Sociogeographical background of the Ryukyu Islands

The Ryukyu Islands, also known in Japanese as the Nansei Islands, are a chain of volcanic Japanese islands that stretch southwest from Kyushu to Taiwan. The thus defined Ryukyus consist of 105 islands, albeit at least twenty-four of them are uninhabited, and many other are actually no larger than rocks. Among the most important islands are Ōsumi, Tokara, Amami, Okinawa, and Sakishima Islands (further divided into the Miyako and Yaeyama Islands), with Hateruma the southernmost. The topolects spoken in Tokara and Ōsumi islands, however, do not belong linguistically to the Ryukyuan group. The Ryukyuan-speaking area, which can be equated with the area of the pre-modern Ryukyu Kingdom at its peak, comprises the island groups of Amami, Okinawa (= North Ryukyuan), Miyako and Yaeyama (= Sakishima / South Ryukyuan). It is therefore smaller than the geographic range of the Nansei Tanegashima, one of the Ōsumi Islands belonging to Kagoshima Prefecture, is only about 60 km from Kyushu, to which it was connected during the Late Pleistocene (0.129 – 0.0117 Ma), whereas the same distance separates Yonaguni, one of the Yaeyama Islands and also the westernmost inhabited island of Japan, from Taiwan. The gap that separates Yonaguni from Taiwan, known as the Yonaguni Trench, probably deepened 300,000 years ago. On the other hand, the main island of Okinawa is separated from Miyako by the Kerama Gap, which extends over about 250km and in the past also functioned as a barrier to travel, albeit properly equipped vessels could easily overcome it. Another geographical, and perhaps even cultural,³ boundary is marked by the Shichitō-nada that separates the Ryukyus from Kyushu. The Kuroshio (Black Current⁴) that flows through the Shichitō-nada is also commonly referred to as the Watase Line.

The Kuroshio is an important feature of the Ryukyuan area. Together with the surrounding ocean and the monsoon, it creates an environment characterized by a sub-tropical climate with moderate temperatures, abundant rainfalls, and, as such, also considerable humidity. It is also a major western boundary current controlled by the North Pacific Gyre. Since its main axis is located in the area of strongest heat exchange between the sea and atmosphere in the western Pacific, the Kuroshio has a strong influence over the East Asian climate, as well as over the upper-ocean thermal structure and distribution of marine sediments of the whole

³ According to Tanigawa (2010: 127–129) and Ikeno (1994: 28–36), the Shichitō-nada also demarcates a linguistic boundary between the Ryukyuan languages and the Kyushu dialects of Japanese.

⁴ The “blackness” of the Black Current is related to the fact that this current is derived from nutrient and sediment-deficient subtropical North Pacific waters (Qiu 2001).

area (Liu et al. 2013). The Kuroshio also serves as a marine barrier between Yonaguni and both Taiwan and the southeast coast of China.

There are no precise data on the historical population of the Ryukyus, and in the absence of population censuses, most demographers have been working within the framework of the demographic transition model, which predicts a place's total population growth rate cycles through stages as the place develops economically, based on two main demographic features such as birth and death rates. According to Kerr (2000: 15), "it is doubtful if there were ever as many as 300,000 people in the islands before 1879," and, indeed, demographers estimate that in the whole Okinawa Prefecture there were only around 166,789 people in 1873 (SRIRC 2018; Yoshiyuki 2021). In fact, it is probable that the population began to increase after Satsuma's invasion of the Ryukyu (*Ryūkyū shinkō*) in 1609, spurred as it was by the introduction of Japanese sugar corporations, new technologies, and land reforms⁵. Growth rates notwithstanding, it appears that the Ryukyus historically could not sustain a large population of more than 300,000 people.⁶

During the Ryukyuan Kingdom (in particular before the 18th century), the town-dwelling gentry was proportionally much more numerous compared to the food-producing peasantry (Kerr 2000: 191). As already noted by Engelbert Kaempfer (1651–1716)—or at least by the anonymous governor-general of the Dutch East Company whom he allegedly received the manuscript from (cf. Spalding, 1856: 133)—the peasants, both farmers ("husbandmen" in his words) and fishermen, lived in poverty; nor was any excess of wealth detected among the elites (Kaempfer 1729: 62). More recently, Gregory Smits (2019) has shown how the Ryukyus' prosperity was not based upon the produce of the indigenous farming-based economy, but on a trade in luxury goods through a wide nautical network, extending northward through coastal Kyushu, Satsunan islands, Tokara islands, as well as Iki and Tsushima, and up to a certain extent even through the southern part of the Korean Peninsula. Even after the introduction of new crops from southeastern China, the economy of the Ryukyus was more centred on trade than on farming, as sugarcane cultivation was mostly reserved for trade than for subsistence.

While the past century has seen a growing interest in Ryukyuan linguistics and literature, started by Fuyū Iha (1876–1947), considered "the father of Okinawan studies", and Seizen Nakasone (1907–1995), many other areas of social and human sciences have been neglected before 1945. For instance, there were few, if any, Okinawan scholars with a solid training in archaeology, whereas most Japanese scholars were more concerned with hastening assimilation than with promoting a sound study of the Ryukyus and their people free of political motivations.

It is important to bear the facts mentioned in this short overview in mind when reading the following sections, where we explore the connection between archaeology, geography and

⁵ Another important event related to the increasing demography of Okinawa was the introduction of the sweet potato in 1606 from Fujian by Sōkan Noguni (d. 1615), a native of Kadena, where a festival in his honour is still celebrated every year. Sweet potatoes, known as *tō imo* (lit. 'Chinese potato'), were later imported to Satsuma by Toshiemon Maeda and to Kantō by Kon'yo Aoki (1698–1769). The cultivation of the sweet potato substantially altered the course of the economic development of Okinawa. On the other hand, Shinjō Gima is frequently credited with being the first to have introduced sugar-canes from China in 1623. Whereas sweet potatoes were considered a basic food for the general populace, sugar-canes provided Okinawa with a luxury item. The profit from the production of sugar for export was such that it dangerously caused a reduction of the reserves of storable food and the Okinawan government had to issue an order in 1693 — and then once again in 1698 — which set a maximum figure of acreage in the attempt at returning some lands to food production (Kerr 2000: 198).

⁶ According to the *Kyūyō*, an official history of the Ryūkyū Kingdom compiled between 1743 and 1745 (but later records continued to be added to the chronicle until 1876), there were massive famine events in 1709, 1776, 1816 and 1852, causing 1563 to 3199 fatalities. However, it appears that the Malthusian trap of population growth has played a minimal role in these famine events, which were more related to earthquakes, tsunamis, and other external climatic factors leading to crop failure, locust plague, and so on.

language in more detail. Below, we briefly introduce the materials which we utilized to carry out our analysis of the maritime lexicon, and then we proceed further with a comparative discussion of some of its most salient features.

2. Discussion

While we do not intend to identify languages, in this case a group of insular topolects, with their vocabulary, it has been pointed out already a long time ago that languages may carry cultural information (Sapir 1929: 234). In this specific case, one might expect a close relationship between maritime knowledge and certain lexical items inherent to seafaring vocabulary, wind patterns, and sea craft. We assess the accuracy of this prediction, first quantitatively, then with a more qualitative analysis.

We consulted several dictionaries on various Ryukyuan / Southern Kyushu topolects, as well as different sources on Western and Eastern Old Japanese (hereafter WOJ and EOJ), and Old Ryukyuan. We transcribed all the lexical items related to maritime vocabulary into a spreadsheet file, comprising several sheets such as “fish vocabulary”, “seafaring vocabulary”, “maritime flora and fauna”, and “wind patterns” among many others. We looked for promising parallels between Ryukyuan and Southern Kyushu items, and then we looked for possible cognates in WOJ, EOJ, as well as other Japanese dialects in order to see whether they are shared retentions or shared innovations. For instance, upon a deeper scrutiny, a case of possible shared innovation between Ryukyuan and Satsugū/Kyushu dialects, *ira* ‘jellyfish’ (standard Japanese: *kurage*), proved to be instead a shared retention, as it is also attested in several Central Japanese dialects, such as Niigata and the topolects of nearby areas (Satō et al. 1989, cf. Igarashi 2021: 29). While this fact may suggest that Proto-Japonic (PJ henceforth) **ira* represents an archaic layer that was lost in Central Japanese by the time of WOJ, it cannot be taken to imply a special connection between Ryukyuan and Southern Kyushu dialects. Another similar case is *orabu* ‘to invite’, which in the Ryukyus is attested in some peripheral topolects such as Hatoma, but, in addition to Kyushu, is also attested in the dialects of Hyōgo, Tokushima, Kōchi, and so on (Satō et al. 1989), which makes it a good candidate for a PJ reflex. In other words, while we cast a wider net to haul as much information as possible, in order to have the broadest possible areal coverage of the equivalents of the selected vocabulary, we critically assessed all the lexical items, eliminating circumstantial similarities and other possible cases of “false friends”. On the other hand, a significant portion of our lexical items seems to point toward a stronger Kyushu-Ryukyuan connection, which may ultimately speak in favour of a linguistic divergence from the other linguistic groups of Japan. Indeed, a considerable number of fish names can be tentatively reconstructed for Kyushu-Ryukyuan, whereas only a few of them can be safely traced back to PJ (see 2.1).

In this section, we discuss in more detail some linguistic phenomena, especially, although not exclusively, lexical items inherent to seafaring vocabulary, cardinal directions / navigation and wind patterns, as well as marine flora and fauna. Whenever possible, we try to trace back the etymologies to PJ in order to provide a linguistic context and to allow for an assessment of the distinctiveness of the Kyushu-Ryukyuan communities from other ancient Japonic communities in terms of their maritime knowledge and culture.

We approached our study with a premise that modern Ryukyuan and Kyushu topolects do reflect a shared proto-language. At this point, however, we remain necessarily agnostic about the possible geographical range of that proto-language, or the subgroupings within it. Therefore, the terms that we tentatively use in order to refer to the shared Kyushu-Ryukyuan

ancestor languages are Proto-Kyushu-Ryukyuan (alternatively: Proto-South Japonic, following Igarashi 2021) to indicate the geographically broadest putative ancestor language of all modern Ryukyuan languages and their erstwhile Kyushu kins reflected as a substratum in the modern Kyushu topolects, and Common Kyushu-Ryukyuan to refer to any ancestor language at any level equal to or below Proto-Kyushu-Ryukyuan which is delineated by the presence of shared Kyushu-Ryukyuan innovations. Starting with section (2.4.), the label “Common Kyushu-Ryukyuan” will be replaced with specific proposals of Kyushu-Ryukyuan subunits.

The purpose of this study is to argue for a closer genetic link of Kyushu than other Mainland varieties with Ryukyuan, as well as to attempt an approximation of the internal cladistic structure of the Kyushu-Ryukyuan branch by determining if there are any Kyushu topolects which can be argued to be more closely related to Ryukyuan than others. Therefore, the focus will be on providing the pertinent data from Kyushu topolects, especially in sections (2.1.) and (2.3.). Only the Kyushu evidence will be presented exhaustively, possibly by indicating all regional Kyushu attestations of the discussed Kyushu-Ryukyuan item. The Ryukyuan evidence, on the other hand, will mainly serve a representational function; the cognates on the Ryukyuan side are selected so that they show the distribution of the item throughout the Ryukyus (North/South, and the respective linguistic subunits), and they do not necessarily exhaust the list of Ryukyuan cognates of the item in question.

The term “Satsugū”, which will occasionally be used as a reference to the Kyushu region which is geographically closest to the Ryukyus, comprises the areas which formerly (until the end of the feudal period in 1868) belonged to the Satsuma domain, meaning the entirety of Kagoshima prefecture as well as the southernmost part (Morokata) of Miyazaki prefecture.

2.1. Seafaring vocabulary

The essential terminology of seafaring in Ryukyuan is of Japonic lineage. This set of vocabulary includes concepts such as ‘ship/boat’, ‘sail’, fish catching tools such as ‘harpoon’ (one of the types), ‘fishing hook’ and ‘net’, a range of parts of a boat such as ‘stern’ and ‘bow’, locations such as ‘harbor’, and the verb ‘to row’. Examples of such vocabulary along with its Proto-Japonic reconstructions are presented in Table 1.

A number of lexical items, related to fishing and fish-catching techniques and to boat construction, appears to be shared exclusively by Kyushu and Ryukyuan. Some of the items are exact formal and semantic matches; at other times the correspondences are partial. The relevant items are listed below:

- ‘scooping net’, traceable to Proto-Kyushu-Ryukyuan **tabo*, broadly distributed throughout the Ryukyus, with the form *tabu* attested e.g. in Naze, Ikema, Hatoma, Shika and Hateruma, as well as Kyushu: Fukuoka *tabo*, Kumamoto *tabu*, Miyazaki *tçetabu*, Kamikoshiki *gota:bu* — the reflex of **b* is opposed to Mainland Japanese **m* in forms such as standard Japanese *tamo*. Also note the **o > u* raising in most Kyushu forms, which may be indicative of the Ryukyuan-type vowel raising that had occurred in the indigenous Kyushu topolects before they were replaced by the Mainland Japanese-type of topolects;
- ‘a spot where many fish gather, a good fishing spot’: Hatoma and Yonaguni *sunī*, Hateruma *sune*, Tanegashima, Kagoshima and Okatchugamizu *sone*; this morpheme appears frequently in toponyms and family names in the Ryukyus (cf. Nakasone in Miyako), and in Tanegashima as reported by Uemura (2004: 50);
- ‘bow, the head of the boat’: Proto-South Ryukyuan **panagi*, e.g. Ikema *panadzi*, Tarama *panagzi*, Hatoma *panai*, Shika *hanai*, with Kamikoshiki *hana:gi* and Shimokoshiki *hanagi*;

	WOJ	Kagoshima	Naze	Kametsu	Hirara	Shika	Hateruma	Proto-Japonic
boat, ship	pune	fune	funi	funi	funi	funi	funi	*punaj
bow, head	pe	hesa?	—	—	—	—	pi:	*paj
catching fish / foraging	iso ‘rocky shore’	iso (Takara)	—	—	isu	iɕu	—	*iso ‘rocky shore; foraging ashore; catching fish’ ⁷
fishing hook	ti	—	—	—	ksi: ⁸	tsi:	dzi	*ti
fishing rod/pole	sawo	sao	ɸo:	sau	so:	so:	—	*sawo
harbor (natural)	təmari	—	—	tumai	tumaz	tumari	—	*təmari
harbor (port)	minato	minato	minato	—	mnatu	minatu	minatu	*minato
harpoon	—; MJ mori	mori	—	mori	—; Nagahama, Kuninaka mul	—	—	*mori/*məri
net	ami	an	ami	ami	am	an	an	*ami
sail	po	ho	fu	fu:	pu:	fu:	po:	*po
stern	təmə	tomo	—	tumu ~ tomo	tumu	tumui	tumu	*təmə

Table 1. Seafaring vocabulary with a Proto-Japonic lineage

- Proto-Ryukyuan **ijako* ‘oar’, broadly attested in modern Ryukyuan (Miyako *zzaku*, Shika *jaku*, Shuri *?we:ku*, China *jo:ku:*) as well as in Old Okinawan (*?ijaku*), with the form *jaku* ‘oar’ attested in Takara island in the Tokara group;
- ‘fish bait’ *kabu* in South Ryukyuan (Ikema, Hatoma), *kabuçi* ‘scattered bait; fish bait’ in Satsugū Kyushu (Koshiki islands), and the verbs *kabusu* ‘to scatter bait so as to attract fish’ (Satsuma Peninsula, e.g.: Makurazaki, Nagashima, Azuma, Hashima, Bōnotsu; and Ōsumi Peninsula, e.g. Hami, Magome Ōdomari)⁹;
- ‘harpoon’: Ikema and Hirara *tugja* ‘harpoon with a hook’, Naze *tugja*, Kametsu *tugja* ‘trident for catching octopuses and small fish’, from PJ **togu* ‘to sharpen’ => nominalization **togi* + substantive/diminutive PR suffix **-a* > PR **tugja*; relatable to Satomura (Kamikoshiki) *togi*: ‘convex part of the joint of an oar’, putatively a nominalization of **togu*;
- Proto-Ryukyuan **idzari* ‘fishing at night (using the light of torches)’, with the descendants broadly attested in North (Naze *?idzari*, Kametsu *?idai*, Wadomari *?idzai*) and South (Shika *idzari*, Ikema *idzai*, Tarama *idal*) Ryukyuan, has cognates with a correspondent meaning in Akuseki (Tokara islands) and Tanegashima. This is a nominali-

⁷ Although the meaning ‘catching fish, foraging’ is not attested in Old Japanese, there is broad evidence from Mainland Japanese for this meaning of *iso*, including Hachijō, Iwate, and Ōmishima; because of this, it appears to be safely reconstructible for Proto-Japonic. This meaning is also well attested throughout Kyushu; apart from the Takara island listed in Table 1, it is evidenced in Iki and Tsutsu (Tsushima). At the same time, the WOJ meaning of ‘rocky shore’, often generalized to ‘shore’, is also commonly reflected in Ryukyuan (Hirara *isu*), Kyushu (Iojima *iso*), and also further east in the Mainland, often with different semantic developments (Miwa in Tokushima: ‘crag’; a number of topolects in Chiba, Hyōgo, Yamaguchi: ‘reef near the coast’ or ‘the sea close to the shore’; Toyota district in Hiroshima prefecture: ‘places that get deeper the farther you go from the coast’).

⁸ This is an irregular correspondence in place of the expected **tsi:*.

⁹ The correspondence of Satsugū /bu/, instead of the expected /bo/, with Ikema /bu/ also implies that **o > u* raising has taken place in Satsugū, endorsing the hypothesis of the archaicity of these vocabulary items: the raising must have occurred before the overall shift of indigenous Satsugū Kyushu into Mainland Japanese. This is the same kind of vowel change as postulated for **tabo > tabu* ‘scooping net’ above. Cf. also (2.5.)

zation of PJ **insaru* ‘to fish’, attested in WOJ as *insaru*. Although WOJ has items such as *insaripi/insarimpi* ‘torch light used to attract fish’ and that meaning also served as a metonymic extension of the nominalization of *insaru* — *insari*, the use of the descendant of PJ **insaru* which specifically refers to the traditional procedures of catching fish at night appears limited to Kyushu-Ryukyuan.

On the other hand, a significant number of seafaring vocabulary represents innovations limited to Ryukyuan, among which some are reconstructible for Proto-Ryukyuan, whereas others seem confined to specific languages or smaller areas.

Ikema has a wide range of specialist vocabulary concerning ship construction, including *kandan* ‘the part where the sail is fixed’, *babu* ‘small hole at the bottom of the ship in which the sail is stood and fixed’, *matagara* ‘the post’, *ti:han* ‘rope used to prevent the crosspiece from falling off from the post’, or *hatagatsi* ‘a fence board cover against waves, fixed at both ends of a boat’. Other examples include:

- Proto-Miyako **pida* ‘harbor’: Tarama and Sawada-Irabu *pida*, Ikema *hida*, cf. also Shiraho (Western Yaeyama) *pida* ‘shore’;
- Proto-Ryukyuan **kananko* ~ **kanago* ‘anchor’: Old Okinawan *kanaku* ~ *kanagu*, Shika-Ishigaki *karangu*, Hirara and Nozaki *kanagu*;
- Ikema and Irabu-Nagahama *ubu* ‘anchor’;
- a wide range of vocabulary referring to various types of ‘harpoon’, including Proto-Ryukyuan **uge(mu)* (Hirara *vgjam*, Kurima *ugjam*, Nishibe *ugin*, Hateruma *ui*, Ie *udzimu*, China *ugimu*, Kametsu *ɸo:raugi*¹⁰); Proto-Ryukyuan **ige(mu)* ~ **igo(mu)* (Tarama and Yonaguni *igun*, Hatoma *juku:n*, Sesoko *idzi:mu*), Ikema *mabjai* and *kakidza*, Wadomari *itɸidza:*, China *itɸiga:*, Kurima *kaz ~ gaz*, Hatoma *ɸi:me:*;
- vocabulary related to fishing nets and net production, such as Ikema *abi*: ‘net-knitting needle’, *agita* ‘a ruler for knitting nets with even eyes’, and Hirara *itsuvkja* ‘square net’;
- Tarama *dzibuku*, Hateruma *dzibagu* ‘fishing pole’;
- Hirara *bura* ‘head of a Japanese-style ship’;
- Hateruma *uni* ‘captain of the ship’.

In sum, the seafaring vocabulary of Proto-Ryukyuan speakers indicates that although their seafaring culture had general Japonic roots, it had also developed a number of concepts and names unique to the Kyushu-Ryukyuan zone, in particular in terms of fish catching and foraging. This sort of vocabulary is shared with Ryukyuan in all parts of Kyushu. On the other hand, items related to boat construction, such as ‘oar’ and ‘bow’, seem to be shared only with the southernmost outskirts of Satsugū Kyushu, such as Koshiki and Tokara islands, which may imply that the shipbuilding culture carried by Proto-Ryukyuan speakers was specific to the narrow southernmost Kyushu area.

2.2. Cardinal directions / navigation

Names of cardinal directions are conspicuously different in Mainland Japanese and Ryukyuan. Table 2 illustrates this by contrasting WOJ and EMJ (the system of EMJ has remained stable unto modern standard Japanese) systems with Proto-Ryukyuan and Old Okinawan. Proto-Ryukyuan reconstructions of ‘east’ and ‘west’ accord with Nakamoto (1982: 196–204). The reconstructions are corroborated by the earliest attested Old Okinawan forms (after Hokama 1995; phonological reconstructions follow Hattori 2018).

¹⁰ *ɸo:ra* stands for ‘Spanish mackerel’.

Table 2 shows Proto-Ryukyuan doublets for the names of all four cardinal directions. A reconstruction of similar doublets was already proposed by Nakamoto (1981, 1982), and it will be explained and explored in the discussion to follow.

	Proto-Japonic	WOJ	EMJ	Proto-Ryukyuan	Old Okinawan
east	*pigaçi	pimunkaçi antuma	pigaçi	*agarupe *piga(çi)	agarupi piga(çi)
west	*niçi	niçi	niçi	*irupe *niçi	irupi
north	*kita	kita	kita	*niçi *kita	niçi
south	*minami *pape 'southern wind'	minami	minami	*pape *minami	papî

Table 2. Cardinal directions in Japonic

Both in Ryukyuan and in Mainland Japanese the names for cardinal directions characteristically overlap, or are extensions of, names referring to winds from specific directions, as exemplified by WJ: *niçi* means both 'west' and 'western wind' (Sawakata 1967: 544), whereas *minami* means both 'south' and 'southern wind' (Sawakata 1967: 712). This seems to underscore the close ties between navigation and the naming conventions of cardinal directions. In fact, the component *çi* in WJ *niçi*, *pimunkaçi* (EMJ *pigaçi*, modern *higashi*), as well as in e.g. *araçi* 'storm', is hypothesized to have originally meant 'wind' (Sawakata 1967: 345; Nakamoto 1981: 202). This would make the PJ etymology of *pimunkaçi* quite clear, as proposed earlier by Martin (1987: 405): **pi* 'sun' + **munka* 'to turn to' (attributive) + **çi* 'wind' = 'the wind turned toward the sun', 'the wind blowing in the direction of the sun'¹¹.

Among the four Ryukyuan cardinal directions, three have the component **pe*, which is the Proto-Japonic and Proto-Ryukyuan morpheme meaning 'side, direction'.

Cognates of WJ *pimunkaçi* / EMJ *pigaçi* 'east' are found in Old Okinawan as well as, with a punctual local distribution, in North Ryukyuan (including Wan in Kikai, Ongachi, Yuwan and Yadon in Amami, Kametsu and San in Tokunoshima, Yoron, Oshikaku in Kakeroma-Amami, down to Sate in northern Okinawa); they are also broadly encountered in toponyms and family names such as the very popular Okinawan name Higa (Nakamoto 1981: 200–201; Nakamoto 1982: 197–198). A South Ryukyuan hapax legomenon *pingasi* is also attested in a ceremonial song in Hateruma (Nakasone 1969: 465). This evidence is enough to reconstruct **piga(çi)* for Proto-Ryukyuan as well as for Proto-Japonic. On the other hand, the core Ryukyuan 'east' lexeme, **agarupe*, constitutes a definite majority throughout the North and South Ryukyuan area. With such evidence one can hypothesize that whereas **piga(çi)* had been the inherited Proto-Ryukyuan label for 'east', **agarupe* was a Proto-Ryukyuan innovation shared by the speakers of Proto-South Ryukyuan at the moment of the split of Proto-Ryukyuan into North and South, which likely happened no earlier than the 12th century along with the move of Proto-South Ryukyuan speakers into the Sakishima islands (cf. Jarosz et al. 2022). The linguistic data as presented here indicates that at the time of the split, there was a regional variation, with some of the Proto-Ryukyuan communities using **agarupe* and others **piga(çi)*. The

¹¹ Although Martin derives EMJ *pigaçi* directly from WJ *pimunkaçi*, there is also a possibility that these are two parallelly-formed lexemes, with *piga* analyzable as PJ **pi-na-ka* sun-GEN-place 'the place of the sun', 'the location of the sun'.

use of **agarupe* at that time must have been robust and widespread enough, however, to eventually minorize **piga(çi)*.

Semantically, **agarupe* has a transparent structure of **agaru* ‘to rise’ and **pe* ‘side, direction’, referring to the side of the sky on which the sun rises. It was initially used in sacral contexts related to the cult of the sun. As the direction of the rising sun, the east was revered and considered sacred (Nakasone 1969: 468, Nakamoto 1981: 200, 202). This may have been the initial motivation of the emergence of Proto-Ryukyuan **agarupe*, the ‘sacred east’, and its differentiation from **piga(çi)*, the ‘profane east’¹². Traces of this distinction seem to be retained in modern Yamatoma (Amami Ōshima), which retains both forms: *ʔagare* is used to refer to the direction of praying to the rising sun, whereas *higaçi* does not have any reported usage limitations (Osada et al. 1980: 140).

A mention should also be made of the cognates of WOJ *koti* ‘eastern wind’, which are again found in Old Okinawan and modern Shuri, meaning both ‘east’ and ‘eastern wind’. In North Ryukyuan, although the cognates of *koti* are soundly attested (a wide range of topolects from Osai and Koniya in Amami to Itoman in Okinawa), their meaning appears mostly limited to ‘eastern wind’; Nakamoto (1981: 200–201) lists a number of topolects in which the meaning of ‘eastern wind’ expanded to ‘east’, and they are scattered in Amami Ōshima, Kikai, down to Aha, Henoko and Sokei in north Okinawa. A similar situation is observed in Kyushu, with cognates of *koti* meaning ‘eastern wind’ distributed from Ōita and Kumamoto through Kagoshima down to Tanegashima and Yakushima. Such cognates can also be found in the topolects of a broadly comprehended western Honshu (Wakayama, Totsukawa, Hiroshima), with the easternmost post of distribution at the time found in Shizuoka. All this would seem to imply that PJ **koti* was originally a navigation-only term, with the reconstructible primary meaning ‘eastern wind’. There is no evidence that in any Mainland Japanese topolect **koti* has expanded enough to be used as an indication of a cardinal direction.

No cognates of WOJ *antuma* have been found in Ryukyuan; this lexeme is likely a Mainland Japanese innovation.

The Ryukyuan word for ‘west’, **irupe*, is apparently an innovation symmetrical with **agarupe*. In contrast to **agarupe*, **irupe* consists of **iru* ‘to enter, to descend (about the sun)’ (cf. Japanese *hinoiri* ‘sunset’) and, again, **pe* ‘side, direction’¹³. Reflexes of **irupe* are virtually an exclusive reference to the direction of ‘west’ in Ryukyuan languages, and they must have replaced the original Proto-Japonic word for ‘west’, **niçi*, which in turn acquired the meaning of ‘north’ in Ryukyuan (cf. below). Reflexes of **niçi* ‘west’ with the original PJ meaning are still found or even predominant in Amami, through Tokunoshima, also attested locally in Okinawa (Sate, Kayō, Nakima), the southernmost boundary of their distribution being Itoman¹⁴ (Nakamoto 1981: 203). There are also attestations of a use, albeit declining, of *niçi* ‘west’ in Old Okinawan (Hokama 1995: 506). Out of the two Ryukyuan expressions for ‘west’, it is only the reflexes of **irupe* that are found in South Ryukyuan, suggesting that the innovative **irupe* must have been well established in Proto-Ryukyuan at the time of the split into Northern and

¹² Nakasone (1969: 468) proposes a reverse explanation: the innovative metonymic form **agarupe* had replaced **piga(çi)* because of the sacredness/taboo of the latter.

¹³ Both **agarupe* and **irupe* were likely modeled in their structure after **pape* ‘south’, although if one attempts to analyze ‘south’ as **pa-pe*, at this point it is not clear what the meaning of **pa* is.

¹⁴ The markings on the isogloss (isolexical) map in Nakamoto (1981: 203) indicate that the forms *nisi* are also found in Miyara (Eastern Yaeyama) and Shiraho (Western Yaeyama) on Ishigaki. This, however, seems to be a printing mistake which confused marking assigned to *nisi* with that of *iri*. No source has recorded a cognate of **niçi* to mean ‘west’ in any South Ryukyuan topolect, and even Nakamoto himself (1981: 202) only discusses North Ryukyuan in this context.

Southern groups. Although **niçi* was still retained in a range of communities, it had been completely replaced by **irupe* in the community of the Proto-South Ryukyuan carriers, similarly to the virtually total replacement of **piga(çi)* by **agarupe* for ‘east’.

In a fraction of topolects from the Amami area (Nakamoto 1982: 199 lists Shitoke in Kikai, Yuwan-Amami, and Amagi-Tokunoshima), the item ‘west’ is traceable to a proto-form **oki*. To this list one can add lexemes and compounds in which reflexes of **oki* indicate ‘northern wind’, such as Amami (Naze, Koniya, Yamatoma) *uki-niçi* ‘north-western wind’ and *ukibe* (Yamatoma) ‘western wind’. These reflexes are valuable inasmuch as they have cognates in the forms of Kamikoshiki *okibainin*, Tanegashima *okibaje* and Yanagawa *okibae* ‘south-western wind’. **oki* ‘western wind’ could be therefore reconstructed for a shared Kyushu-Ryukyuan ancestor, with a strong indication that Proto-Ryukyuan speakers had a shared navigation culture with at least some of the Kyushu communities of the time. Semantically, the picture becomes still more complicated with the presence of the unit *oki-no kadze* ‘southern wind’ in Miyazaki, *oki* ‘eastern wind’ in Koyu (eastern Miyazaki), as well as Old Okinawan *okitoba*, allegedly ‘northern wind’¹⁵. The reconstruction of the meaning of Common Kyushu-Ryukyuan **oki* thus remains inconclusive, although considering the geographically central location and quantitative domination of the meanings of ‘west / western wind’, ‘western wind’ seems to be the most likely candidate. Note, however, that in Sekiguchi (1942) *okitoha* is reported as meaning ‘western wind’. Similarly, *oki-no kadze* is reported with the meaning ‘north-eastern wind’ in Ano in Shimane (western Honshu), and again with the meaning ‘southern wind’ in Shima (Mie, western Honshu). Upon a closer look at the location of these places on the map of Japan, it turns out that this semantic variation must be motivated geographically: from PJ **oki-* ‘wind from the open sea’ (metonymic extension of **oki* ‘open sea’) were developed area-specific names of wind directions, depending on which direction the open sea was located in the particular area. As a consequence, this also produced a Common Kyushu-Ryukyuan innovation **oki-* ‘western/southwestern wind’.

Cognates of WOJ *minami* ‘south’ are few in Ryukyuan, and include forms such as *minam*, *minan* and *mino:ho*. Not only are they — like the cognates of WOJ *niçi* ‘west’ and *kita* ‘north’ — unattested in South Ryukyuan, they are also spatially confined to the narrow Amami area: parts of the Kakeroma island (Oshikaku, Setsukawa, Sesō), Sani, Yuwan, Nesebu (Nakamoto 1981: 204–205, Nakamoto 1982: 201), and Yamatoma (Osada et al. 1980: 140). As Nakamoto (1981: 204, 1982: 199) points out, such distribution limited to the area geographically closest to Mainland may encourage a conclusion that these forms are loans from Japanese; however, it does not appear particularly likely that a contact-induced loan from the dominating state language should remain limited only to a small number of remote topolects all concentrated in a relatively narrow area, rather than spread throughout the islands. The view that these cognates of *minami* reflect in fact a conservative layer of Ryukyuan vocabulary is endorsed by the evidence from the names for the three other cardinal directions, all of which replicate the scenario of the WOJ/Mainland cognates being confined to limited North Ryukyuan areas with the alleged innovations taking over everywhere else. A further support may be offered by at-

¹⁵ Also Old Okinawan *okitoba* may in fact mean ‘north-western wind’, rather than just ‘northern wind’. Hokama (1995: 125) identifies it as meaning ‘northern wind’, and the component *oki* as the regular Japonic morpheme meaning ‘open sea’, the whole compound literally meaning ‘northern wind blowing from the open sea’. Although *oki* ‘open sea’ should be the ultimate etymological origin of **oki* ‘western wind’, it is not impossible that the isolated morpheme *oki* in Old Okinawan *okitoba* means ‘west / western wind’, just as is implied by the comparative North Ryukyuan evidence. If this etymology is correct, *okitoba* ‘north-western wind’ would be a lexical compound analogous to modern Amami *uki-niçi*.

testations of *minami* in Old Okinawan, although this evidence by itself is not considered to be firm enough¹⁶.

The widespread Ryukyuan name for ‘south’, Proto-Ryukyuan **pape*, can be hypothesized to be conservative and reveal a Proto-Japonic morpheme. Cognates of **pape* meaning ‘southern wind’, although absent in WOJ and EMJ, are scattered throughout the Mainland. Already in *Butsurui Shōko*, the 18th-century dialectal lexicon by Gozen Koshigaya, *fae* ‘southern wind’ and a range of related vocabulary of seafarers, such as *kurofae* ‘wind blowing at the beginning of the wet season’, *arafa* ‘wind blowing in the middle of the wet season’, and *woqifae* ‘south-western wind’, are reported for western Honshu and the Izu province (Tōjō 1941: 11–13). In modern Mainland Japanese topolects, *hae* ‘southern wind’ is broadly attested in Kyushu, and locally in other Mainland topolects such as Izumo. There are, however, no clear examples of a Mainland topolect which would use a reflex of **pape* referring to ‘south’ as the direction, and not just as ‘southern wind’; this situation is similar to **koti* ‘east’ discussed above. The most likely interpretation of the so far accumulated evidence concerning ‘south’ is that there were two Proto-Ryukyuan items with this meaning, conservative **minami* and innovative **pape*. Proto-Ryukyuan innovated the meaning ‘south’ from a specialized vocabulary item **pape* meaning ‘southern wind’, to the general exclusion of the original lexeme **minami* but for a number of Amami topolects.

Similar to ‘south’, cognates WOJ and Mainland Japanese *kita* ‘north’ are only scarcely attested in Ryukyuan, and the evidence is limited to North Ryukyuan, again concentrating in Amami. The form *kita* is found in Amami’s Kakeroma island, *kita* in Amami’s Yoro island and the central part of Amami Ōshima (Yuwan, Kushi, Nakama, Ongachi, and Yamatoma), but also Nakima in the Okinawa main island, and *k’ita* in Uka in the north of Okinawa (Nakamoto 1981: 206–207; Nakamoto 1982: 200–201; Osada et al. 1980: 140). The distribution of Ryukyuan cognates of *kita* is therefore significantly broader than *minami*. Furthermore, a cognate of WOJ/Mainland *kita* ‘north’ is attested in Old Okinawan with a general meaning of ‘wind’, not specified for direction (Hokama 1995: 226).

The development of Ryukyuan ‘north’ from the Proto-Japonic lexeme for ‘west’ is strictly tied to the emergence of the aforementioned innovative Ryukyuan pair **agarupe* ‘east’ and **irupe* ‘west’. Once **irupe* had started to diffuse and replace **niqi* as the ‘west’ lexeme, **niqi* survived by shifting its meaning to ‘north’, in turn eliminating Proto-Japanese **kita* from most of the Ryukyuan-speaking area. The shift to the meaning ‘north’ was facilitated by the use of **niqi* with the meaning of ‘northern wind’ — traces of which are still retained in topolects like Yamatoma, which uses *kita* as the cardinal direction ‘north’ — and the existence of a range of compounds with *niqi* to refer to various types of ‘northern wind’. A similar multitude of expressions with *niqi* meaning ‘northern wind’ are attested in Old Okinawan (Hokama 1995: 506–507); similarly, although the essential meaning of Old Okinawan *niqi* is ‘west’, Old Okinawan also provides early traces of interpreting *niqi* as ‘north’ (Nakamoto 1981: 202).

The overarching scenario which emerges from the above picture is that initially, Proto-Ryukyuan displayed the system of four cardinal directions entirely inherited from Proto-Japonic: **piga(çi)* ‘east’, **niqi* ‘west’, **kita* ‘north’ and **minami* ‘south’. Remnants of this system

¹⁶ Although the form *minami* is also attested in the Chinese sources on Old Okinawan (cf. Hokama 1995: 640): *Liuqiu Guan Yiyu/ Ryūkyūkan Yakugo* (around 1500) and *Yinyun Zihai/On’in Jikai* (around 1573), Hattori (1979) points out that *Liuqiu Guan Yiyu* frequently confuses Ryukyuan with Japanese data (an analogous Japanese language guide was compiled at the same time), and the sources that follow, including *Yinyun Zihai*, often cite the chronologically earliest *Liuqiu Guan Yiyu* uncritically. Therefore, this cannot be considered as evidence for the presence of *minami* in Old Okinawan, and neither can be the presence of *minami* in Classical Okinawan literature, which is heavily influenced by Japanese.

are still found in North Ryukyuan, although they are concentrated in the Amami island group, in particular its northern part down to Tokunoshima; the further south, the more incidental these reflexes become.

The innovative system: **agarupe* ‘east’, **irupe* ‘west’, **niçi* ‘north’ and **pape* ‘south’ had been fully formed before the split of Proto-Ryukyuan into the North and South groups, i.e. by the 12th century. It has become prevalent in the Ryukyuan-speaking area. Most importantly, this system was already stable in the language of the eventual Japonic settlers of the Southern Ryukyus, with no traces left of the conservative system inherited from Proto-Japonic. This explains why reflexes of the conservative system are practically nowhere to be found in South Ryukyuan, not even in the epic and ritual songs famous for their linguistic archaisms (cf. Nevskij 1992).

Such a complete distancing from the inherited Proto-Japonic system magnifies — or becomes more and more apparent — the further down south one looks. This agrees with the line of Proto-Ryukyuan expansion southward from the Kikai island, which is the most plausible candidate for the Proto-Ryukyuan homeland (cf. Jarosz et al. 2022: 15). One can imagine that those Proto-Ryukyuan communities which innovated their lexicon of cardinal directions were also those communities which were more mobile and whose members would become the founders of outpost Ryukyuan-speaking settlements. The more mobile communities, actively involved in navigation in order to reach the islands further south, would be more likely to establish innovative vocabulary for cardinal directions — which in their case would be some of the most essential vocabulary — and use it as a token of their identity distinct from their more sedentary Proto-Ryukyuan kins. Viewed in this light, it is understandable that it was only the innovative system that existed in Proto-South Ryukyuan, the language of the ultimate long distance explorers among ancient Ryukyuan, who had to overcome a roughly 300-kilometer-long stretch of the Pacific in order to reach the Miyako islands from Okinawa.

Navigation was therefore an important building block of a Ryukyuan ethnolinguistic identity. The said navigation-related part of Ryukyuan identity only constructed, however, long after the split of Proto-Ryukyuan from Proto-Japonic as well as Common Kyushu-Ryukyuan, and there is no evidence that any of the Proto-Ryukyuan innovations were shared by some topolects in Kyushu — with the exception of Common Kyushu-Ryukyuan **oki* ‘western wind’ > local North Ryukyuan ‘west’ which, however marginal and spatially limited in its attestations on both sides of the linguistic Kyushu/Ryukyuan divide, does testify to some amount to an exclusively shared navigation knowledge between the two groups.

Several other names of cardinal directions also come from the names of winds. Apart from the directions which incorporate the alleged Proto-Japonic component **çi* ‘wind’, such is the case with **pape* and **koti*; either can be respectively reconstructed as Proto-Japonic ‘southern wind’ and ‘eastern wind’, with **pape* later evolving into a general Proto-Ryukyuan lexeme of cardinal direction meaning ‘south’, and **koti* innovating into the meaning of ‘east’ in some North Ryukyuan topolects. Furthermore, **niçi* was used in early Proto-Ryukyuan stages with the meaning of ‘northern wind’, which led to a metonymic identification of the name of the wind with the name of the cardinal direction, as a consequence allowing **niçi* to replace **kita* as the indicator of ‘north’ as it had begun itself to be replaced by **irupe* with the meaning ‘west’.

In sum, the sources of the innovative names of cardinal directions in Proto-Ryukyuan were twofold: one was the names of winds metonymically extended to indicate the directions (**pape* ‘south wind’ > ‘south’; **niçi* ‘north wind’ > ‘north’), and the other referenced the respective directions of the rising and setting of the sun (**agarupe* ‘the direction where the sun rises’ > ‘east’; **irupe* ‘the direction where the sun sets’ > ‘west’), and was rooted in the Ryukyuan cult of the sun.

2.3. Names of marine flora and fauna

Considering the difference in climate zones between the (subtropical) Ryukyus and most of the (temperate) mainland Japan, it is little wonder that the amount of inherited shared lexicon pertaining to marine flora and fauna in both groups is low. It is also to be expected that Ryukyuan would have a large base of innovative fish names coined specifically to label the species unique to the Ryukyus, or that these names would reflect a pre-Ryukyuan substratum.

If a species does seem to share a label in Mainland and Ryukyuan, there are good chances that the label has been borrowed from Mainland to Ryukyuan. This is most likely the case with names for the genus *Thunnus*, standard Japanese *shibi*, attested in Old Japanese as *çibi*. Although well attested in Ryukyuan, the equivalents of *shibi* do not show the expected sound correspondences, cf. Hateruma *çibi* instead of the predicted *†sibi*, a clear indication of a loanword.

As a consequence, there are few fish names that can be fairly uncontroversially reconstructed for Proto-Japonic. They include ‘eel’, ‘flatfish’, and possibly ‘Spanish mackerel’; there are also attestations of items with possible Proto-Japonic roots which now indicate different species in standard/Mainland Japanese and Ryukyuan, such as **moro*. This list can be expanded by ‘whale’, which, although obviously not a fish, may be conceptualized as such due to its formal resemblance to a prototypical fish.

Species	Attestations Ryukyu	Standard Japanese	Proto-Japonic
bluespine unicornfish / blackhead seabrem	‘bluespine unicornfish’ (<i>Naso unicornis</i>) Madomari-Kume <i>tçinuman</i> , Itoman <i>hontçinuman</i> , Shika <i>tsinumara</i>	‘blackhead seabrem’ (<i>Acanthopagrus schlegelii</i>) <i>chinu</i>	*tinu/*tino
eel	Hirara <i>mnagzi</i> , Ikema <i>unadzi</i> , Hateruma <i>unan</i> , Wadomari <i>unadzï</i>	unagi	*unagi/*onagi
flatfish	Hirara, Shika <i>i</i> , Naze <i>e</i> , Kametsu <i>je</i> :	ei	*ewi
Spanish mackarel (<i>Scomberomorus niphonius</i>)	Wadomari, Kametsu <i>so:ra</i> , Hateruma <i>sa:ra</i> , Yonaguni <i>sara</i>	sawara	*sapara
threadfin emperor / shortfin scad	‘threadfin emperor’ (<i>Lethrinus genivittatus</i>) Shika <i>muruc</i> , Chinen, Itoman, Madomari-Kume, Hama <i>ino:muruc</i> :	‘shortfin scad’ (<i>Decapterus macrosoma</i>) <i>moro</i>	*moro/*mərə
whale	Naze <i>k’udzïra</i> , Sesokko <i>gudza</i> , Hirara, Nagahama <i>fuddza</i>	kujira	*kudira

Table 3. Proto-Japonic fish names inherited in Ryukyuan

In contrast, a sizeable bulk of shared Kyushu-Ryukyuan fish names is attested, especially in the Satsugū area. That the Ryukyus and southern Kyushu have more in common in terms of climate certainly favoured this kind of outcome. Some of the cognates indicate slightly different fish species in the Ryukyus and in Satsugū, although they still refer to species which are visually akin; the fact that a number of items, such as ‘flathead silverside’ and ‘two-spot red snapper’, appear to be shared by just Kyushu and South Ryukyuan alone, with the omission of North Ryukyuan, strengthens the likelihood of a label being reconstructible for Common Kyushu-Ryukyuan, retained at the peripheries of the pertinent Kyushu-Ryukyuan area, in a manner characteristic of archaic lexemes.

Although the number of fish lexemes shared exclusively by Ryukyuan and Satsugū is the biggest, the lexicon shared with other parts of Kyushu, including the Chikugo area, Gotō islands, Tsushima and Amakusa, cannot be ignored. This corroborates the observation based on the vocabulary of seafaring technology (2.1.) that before migrating to the Ryukyus, Pre-Proto-Ryukyuan speakers participated in a broader Common Kyushu-Ryukyuan seafaring/fishery culture.

Species (as attested in Ryukyuan)	Attestations in Ryukyu	Attestations in Kyushu	Common Kyushu- Ryukyuan reconstruction
bigeye scad (<i>Selar crumenophthalmus</i>)	Naze <i>gatsun</i> ; Itoman <i>gatçun</i> ; Hirara <i>gatsinu</i> ; Hateruma <i>gatsin</i>	Kaimon, Kasasa (Satsuma Peninsula) <i>gatsun</i> ; Iwamoto, Akune, Ichiki (Satsuma Peninsula), Kamikoshiki <i>gattsun</i>	*gatsunu ?
bluefin trevally / skipjack (<i>Caranx melampygus</i>), striped jack (<i>Pseudocaranx dentex</i>), yellow-spotted trevally (<i>Carangoides orthogrammus</i>)	Nagahama, Nakachi <i>mnuzzu</i>	Shimahira (Satsuma Peninsula) <i>minoio</i> , Tsushima <i>minouo</i> ‘luna lionfish’ (<i>Pterois lunulata</i>)	*minoiwo
crucian carp (<i>Carassius auratus</i>)	Sesoko <i>ta:ʔju</i> , Ikema, Nagahama <i>ta:zzu</i> , Shika <i>ta:idzu</i> , Shuri <i>ta:ʔiju</i>	‘Japanese ricefish’ (<i>Oryzias</i>) Segami-Koshiki <i>taio</i> ~ <i>taiwō</i>	*taijo
dogtooth tuna (<i>Gymnosarda unicolor</i>)	Itoman <i>tokakin</i> , Madomari-Kume, Hisamatsu <i>tukakin</i> , Hateruma <i>tukaju</i> ; cf. also Shika ‘yellow- fin surgeonfish’ (<i>Acanthurus xantho- pterus</i>) <i>tukadza</i>	Beppu Itajiki, Origuchi (both Makurazaki, Satsuma Peninsula) <i>tokatçei</i> ; ‘Korean mackerel’ (<i>Scomberomorus koreanus</i>) Kagoshima <i>tokatçin</i> ; ‘rainbow runner’ (<i>Elagatis</i> <i>bipinnulata</i>) Fukumoto (Satsuma Peninsula), Magome Ōdomari (Ōsumi Peninsula) <i>tokatçin</i>	*toka-
flathead silverside (<i>Hypoatherina valenciennei</i>)	Hirara, Karimata, Shika <i>padara</i>	Makurazaki, Akune, Izumi, Komenotsu (Satsuma Penin- sula), Shimokoshiki <i>hadara</i> ; Imuta (Satsuma Peninsula) <i>hadaradzako</i> ; Ibusuki, Akune (Satsuma Peninsula) <i>hadaradzako</i> ; ‘roughhead silverside’ (<i>Atherion elymus</i>) Matsunoo (Satsuma Peninsula) <i>hadara</i> ; Hashima (Satsuma Peninsula) <i>hadarasago</i> ; ‘Japanese sardinella’ (<i>Sardinella zunasi</i>) Ōkawa (Chikugo), Shiranuhi, Ōyano (both Amakusa) <i>hadara</i> ; ‘dotted gizzard shad’ (<i>Ko- nosirus punctatus</i>) Kurume, Yame (both Chikugo) <i>hadara</i>	*padara

Table 4. Shared Kyushu-Ryukyuan innovations in fish names (continued on p. 268)

Species (as attested in Ryukyuan)	Attestations in Ryukyu	Attestations in Kyushu	Common Kyushu- Ryukyuan reconstruction
Japanese ricefish (<i>Oryzias</i>)	Shuri-Naha <i>takamami</i> , <i>takama:mi</i> , <i>takama:</i>	Ōura-Kawabe (Satsuma Peninsula) <i>takamami</i> , Ōsaka-Hiyoshi (Satsuma Peninsula) <i>takamamint̄o</i> ; widespread in Satsuma and Ōsumi Peninsulas <i>takamame</i> and its suffixed variants such as <i>takamamesenko</i> , <i>takamamet̄in</i> , <i>takamamenoko</i> , <i>takamamenti</i> , and many other	*takamame
longtailed red snapper (<i>Etelis coruscans</i>)	Itoman <i>akamat̄i</i> , Karimata, Hisamatsu <i>akamatsi</i> , Hateruma <i>agamatsi</i> , Yonaguni <i>agamat̄i</i>	Kunigami (Tanegashima) <i>akama?</i> ‘Japanese soldierfish’ (<i>Ostichthys japonicus</i>)	*akamatu
mottled spinefoot (<i>Siganus fuscescens</i>)	Nakijin <i>enukwa:</i> ; Hateruma <i>enoha</i> (referring to the fry only)	Kataura (Satsuma Peninsula), Shibushi (Ōsumi Peninsula), Furue (Yakushima) <i>jenoha</i> ; Makurazaki <i>jeno</i> (Satsuma Peninsula); ‘land-locked trout’ Chikugo <i>enoha</i>	*eno-
olive flounder (<i>Paralichthys olivaceus</i>); righteyed flounders (<i>Pleuronectidae</i>)	Naze <i>katahira?ju</i> ; Nagahama <i>pssazzu</i> ; Hatoma <i>pisaidzu</i>	Kagoshima <i>katahiraiwo</i> ; Kamikoshiki <i>katahirajo</i>	*(kata-)pira-ijo
two-spot red snapper (<i>Lutjanus bohar</i>)	Shika <i>akana:</i> ~ <i>akana:idzu</i> , Hirara <i>akanazzu</i>	Issō, Kurio, Ambō (all Yakushima) <i>akana</i> ¹⁷	*akana
wrasse (<i>Labridae</i>)	Hirara, Sawada, Nakachi <i>fusabzi</i> ; Wadomari, China, Kametsu <i>kusabi</i>	Miyanoura, Kurio, Ambō (all Yakushima), Tanegashima, Higashi Ichiki (Satsuma Peninsula), Takushima, Iki, <i>kusabi</i>	*kusabi

Table 4. Shared Kyushu-Ryukyuan innovations in fish names

Names of the fish that appear to be Ryukyuan innovations not traceable to shared Japonic roots include ‘longspined porcupine fish’ (*Diodon holocanthus*, PR *abasu ~ *abasa), ‘blackspot tuskfish’ (*Choerodon schoenleinii*, PR *makobo), ‘brutal moray’ (*Gymnothorax kidako*, PR *udzu), ‘fugu’ (PR *une ~ *unja), ‘emperor’ (*Lethrinus*, PR *tamanu), ‘parrotfish’ (*Scaridae*, PR *irabutu), and ‘shark’ (PR *saba, cognate of standard Japanese *saba* ‘mackerel’). Apart from these, individual Ryukyuan languages and topolects also have a range of “endemic” fish names — innovative labels not found outside the specific area, such as Tarama *ka:ngu* for ‘crucian carp’, or South Ryukyuan **babja* ‘Japanese black porgy’ (*Acanthopagrus schlegelii*) and ‘Japanese black seabrem’ (*Girella punctata*).

¹⁷ *Akana* is reportedly a usual Satsugū name for red snappers and similar species, encountered in Satsuma and Ōsumi areas as well as Morokata (Hashiguchi 2004-1: 60). Furthermore, the name *akana* is attested outside the Kyushu-Ryukyu area in Tottori as a reference to the ‘marbled rockfish’ (Bouz-Konnyaku 2021), suggesting that the name itself has a broader western Japan distribution.

In contrast to fish names, names of seafood creatures are shared in substantial numbers between Ryukyuan and Mainland Japanese. This pertains especially to generic names which do not introduce a specialized distinction of species, such as ‘crab’, ‘medusa’ or ‘octopus’. These names can be therefore assumed not to have been replaced in Ryukyuan since Proto-Japonic.

Species	Attestations in Ryukyu	Mainland Japanese	Proto-Japonic
abalone	China <i>e:bi</i> , Hirara <i>a:bzi</i> , Tarama <i>e:bzi</i> ,	awabi	*awabi
clam	Naze, Kametsu, Wadomari <i>hamagui</i> , Shika <i>hamo:ri</i> , Hatoma <i>pamo:ru</i>	hamaguri	*pamagoruj
crab	Naze, Kametsu <i>gan</i> , Yoron <i>gan</i> , Shuri <i>gani</i> , Sesoko, Ie <i>gai</i> , Hirara, Ikema, Shika, Hateruma <i>kan</i>	kani	*kanuj
jellyfish	Naze <i>ja:ra</i> , Hatoma <i>ira</i> , Shuri <i>?i:ra</i> , Ikema <i>rrja:</i> , Hirara <i>zza</i> , Sawada <i>lla</i>	Sado <i>ira</i>	*ira
octopus	Naze, Wadomari, Kametsu <i>to:</i> , Sesoko <i>tafu:</i> , Hirara, Tarama, Shika, Hateruma <i>taku</i> , Yonaguni <i>tagu</i>	<i>tako</i>	*tako
sea urchin	Wadomari <i>?uni:</i> , Sesoko <i>ui</i> , Hirara, Hateruma <i>un</i>	<i>uni</i>	*oni
shellfish	Tarama, Sawada <i>kaz</i> ; China <i>ha:i</i> : ‘conch’, Shuri <i>ke:</i>	<i>kai</i>	*kapi
shrimp	Naze, Wadomari <i>i:bi</i> , Sesoko <i>?i:bi</i> , Hirara <i>ibzi</i> , Hateruma <i>ibi</i> , Yoron <i>ibi</i> , Yonaguni <i>in</i>	ebi	*jebi
squid	Wadomari <i>?itca</i> , Shuri <i>?ika</i> , Shika <i>ika</i> , Hirara <i>ikja</i> , Hatoma, Hateruma <i>iga</i> , Yonaguni <i>ita</i>	ika	*ika
turtle	Wadomari <i>hami:</i> , Naze, Kametsu <i>kami</i> , Hirara, Ikema, Shika, Hateruma <i>kami</i>	kame	*kamaj

Table 5. Proto-Japonic marine animal names inherited in Ryukyuan

Although there is also a body of seafood and other sea creature names innovatively shared by Kyushu and Ryukyuan, unlike fish, these are typically limited to the Satsugū area alone, and still only to specific, individual topolects of Satsugū rather than the whole area. It is also remarkable that whereas the vocabulary with Proto-Japonic lineage involved generic names, the putative Kyushu-Ryukyuan vocabulary mostly targets specific species¹⁸ — and the semantics of the particular names is consequently much narrower. This encourages a hypothesis that Pre-Proto-Ryukyuan speakers in southern Kyushu distinguished themselves from other Japonic-speaking groups at the time by the specialized vocabulary pertaining to specific types or species of sea creatures.

Also important is the fact that even if a certain form can be reconstructed for Common Kyushu-Ryukyuan, often the semantics of the modern Kyushu and Ryukyuan reflexes have become rather distant, to the point where it is not possible to postulate a confident Kyushu-Ryukyuan semantic reconstruction, as in **nosa* — which yielded modern Kagoshima ‘shark’ and Miyako ‘spiral shellfish’ — or **korowa*, which resulted in Shika ‘many-formed cerith’, but

¹⁸ One exception here may be ‘shellfish’, Kyushu-Ryukyuan **mina*, cognate of WOJ *mina* > *nina* ‘(mud) snail’ (cf. Jarosz 2021: 54). Since no Mainland cognates of Kyushu-Ryukyuan **mina* ‘shellfish’ have so far been found, it is impossible to determine whether the Kyushu-Ryukyuan semantics are an innovation or if they reflect the Proto-Japonic semantics of this item. Instances like *manina* ‘Lunella coreensis’ in Sukumo and Ōtsuki in Kōchi (Shikoku) are inconclusive, as they technically refer to a snail which lives in the sea like a shellfish.

Tokara and Koshiki ‘sea cucumber’. Some of the correspondences are also not well established, increasing the risk of a spurious cognacy.

As a consequence of all of the above reservations, the only relatively certain and straightforward Kyushu-Ryukyuan items in Table 6 below are ‘hermit crab’, ‘webfoot octopus’, ‘golden cuttlefish’, ‘trepang’ and ‘turban snail’.

Species (as attested in Ryukyuan)	Attestations in Ryukyu	Attestations in Kyushu	Common Kyushu-Ryukyuan reconstruction
coconut crab (<i>Birgus latro</i>)	Ikema, Tarama, Hatoma <i>makugan</i> , Hateruma <i>mugon</i> , Shika <i>mukkon</i> ~ <i>makkon</i> , Naze <i>ammaku</i>	‘fish eggs’ Kurume, Ukiha, Yame, Hita (all Chikugo), Kamikoshiki, Shimokoshiki, Tanegashima <i>mako</i> ; ‘red sea brem’ Sasue, Fukumoto (both Satsuma Peninsula) <i>mako</i>	*mako ‘fish eggs’; juxtaposed with *kani ‘crab’ produced Proto-South Ryukyuan *makogan ‘coconut crab’
golden cuttlefish (<i>Sepia esculenta</i>)	Kametsu, Shika, Yonaguni <i>kubuçimi</i> , Hateruma <i>kuççimi</i> , Wadomari, China <i>hibuçimi</i> ; broadclub cuttlefish (<i>Sepia latimanus</i>) Shuri <i>kubuçimi</i>	Shimokoshiki, Satomura, Taira (both Kamikoshiki) <i>kubuçi(-ika)</i> , Tanegashima, Kamikoshiki <i>koboçi(-ika)</i>	*kobose-
hermit crab	Naze, Hateruma <i>aman</i> , Wadomari <i>amamu</i> , Hirara <i>amam</i>	Takara (Tokara islands) <i>amamu</i> ; ‘sea slater’ (<i>Ligia exotica</i>) Tanegashima <i>amame</i>	*amamu
Japanese mud shrimp (<i>Upogebia major</i>)	Shika <i>da:na-kan</i>	<i>Macrobrachium nipponense</i> Sakurajima, Hioki (both Satsuma Peninsula), Fukuyama (Ōsumi Peninsula) <i>damma</i> , Tanegashima <i>dakuma</i> ; generic reference to ‘shrimp’, Beppu Tawaratsumida (Satsuma Peninsula) <i>damma</i> ; ‘freshwater shrimp’ Torisu, Sato (both Satsuma Peninsula), Kokubu, Kaseda (both Ōsumi Peninsula) <i>damma</i>	*dakuma
many-formed cerith (<i>Batillaria multiformis</i>)	Shika <i>kuruba:</i>	‘sea cucumber’ Kodakara (Tokara), Kuwanoura (Koshiki) <i>koroa</i>	*korowa
mysid/opossum shrimp / small river shrimp	Shuri-Naha <i>se:gwa</i> ; Nagahama <i>saz</i> ; Ikema, Shika <i>sai</i> ; Hateruma <i>sə:</i>	Takaoka (Morokata) <i>dzae</i> ; Chikugo <i>saintço:</i>	*sapi/*sai ¹⁹
spiral shellfish	Ikema, Nagahama <i>nusa</i>	a species of shark (<i>Galeus nipponensis</i>) Kagoshima <i>nosa</i>	*nosa
trepang, sea cucumber	Shika <i>sikiri</i> , Hateruma <i>sikiri</i> , Yonaguni <i>t’ija</i> , Sani <i>çikiri</i> , Nakijin <i>çitçiri~ hitçiri</i>	Tanegashima <i>çikiri</i> , Kagoshima <i>çikii</i>	*çikire
turban snail, a species of (<i>Lunella correensis</i>)	Shika <i>tsibusi-<i>nna</i></i>	Izumi, Kasasa (both Satsuma Peninsula), Kamikoshiki, Teuchi-Shimokoshiki <i>tsubuçi-mina</i>	*tuboçi-mina
webfoot octopus (<i>Octopus ocellatus</i>)	Wadomari <i>çi:gai</i> , China <i>çige:</i> , Nakachi <i>sigaz</i> , Sawada <i>sigal</i>	‘long-armed octopus’ (Octopus minor) Tanegashima <i>sugaru</i>	*sugaru

Table 6. Proto-Japonic marine animal names shared by Kyushu-Ryukyuan

¹⁹ This could be ultimately related to Old Japanese regional *se* ‘Japanese goose barnacle’, attested in *Izumo Fudoki* (Hashiguchi 2004-1: 885). In modern Satsugū, this item is reflected as *se* (Nagata in Yakushima) ~ *sei* (Beppu-Itajiki on the Satsuma Peninsula).

Whereas the proportion of shared Kyushu-Ryukyuan names in this sector of vocabulary is relatively low, there is conversely a wealth of innovative names which are exclusive to Ryukyuan. Some of the species represented by such names are found elsewhere in Japan and, as such, the labels could be potentially shared with other Japonic topolects; they include ‘cowry’ (PR **subi*²⁰), ‘Neptune’s cradle’ (*Tricadna gigas*, PR **adzikai*), ‘coral’ (PR **uro*), or ‘trumpet shell’ (PR **sabora*). Like with fish, there is also an abundance of names with etymologies attested only locally, such as Shika *umudina*: ~ *umudzina*: ‘webfoot octopus’, Wadamari *nu:çi*: ‘conch’ (e.g. *mukku nu:çi*: ‘lynx cowry’, *Lyncina lynx*), China *giçikummu* ‘bivalve shellfish’ (e.g. *hja:giçikummu* ‘Japanese pearl oyster’, *Pinctada fucata martensii*), and Miyako *jadumurja* ‘chigara spider conch’ (*Harpago chiragra*; a transparent etymology from **jado* ‘house’ + **mor-* ‘to protect’ + **-a* agentive suffix = ‘the house protector’).

The abundance of such locally distributed names must be related to the apparently uneven, at times likely endemic diffusion of seafood and other marine creatures among the Ryukyuan-speaking area. To give examples from one specific area, Shika-Ishigaki has a number of names for clams, crabs, and occasionally also freshwater fish for which no equivalent has been found in both other Ryukyuan and Japanese dialects. Some examples include two types of clams known as *kumusime*: and *na:tçibi-bura*, respectively, with transparent etymologies: *kumusi* is a semantic extension of the word for ‘cockroach’ or ‘bed bug’, whereas *na:tçibi* literally means ‘long butt’. Other cases with a more opaque etymology would include *kanuka-gai*, *ma:gira* and *kidun*, of which only the first one is clearly composed of *-gai* (clam). Examples of other animals include a type of crab, *jakudza:ma* (with a transparent diminutive suffix *-dza:ma*) and two fish species such as *taki-nu-pa-idzu* (literally ‘bamboo-genitive.marker-tooth-fish’) and *mi:psikare*: (literally ‘eye-shine.agentive.suffix’).

There is not much of note in terms of innovative marine flora names shared by Kyushu and Ryukyuan. The available Ryukyuan vocabulary either has Proto-Japonic roots, including ‘sea lettuce’ (PJ **awosa*), ‘lavor, sloke, sloak’ (PJ **nari*), ‘alga, duckweed, seaweed’ (tentative PJ **mo*), ‘*Codium fragile*’ (tentative PJ **mojru*, cf. Jarosz 2020: 77), and ‘*Chondrus ocellatus*’ (PJ **tunomata*), or represents innovations exclusive to Ryukyuan, such as ‘brown alga’ (*Nemacystus decipiens*, PR **sunuri*), ‘red seabroom’ (*Digenea simplex*, tentative PR **natsi-ara*), and ‘sea grapes’ (*Caulerpa lentillifera*, Miyako *nkjafu* ~ *nkifu*). All in all, there seems to have been no substantial shared Kyushu-Ryukyuan culture of the seaweed / marine plant subsistence such that would single out the Kyushu-Ryukyuan communities from other Japonic speakers.

2.4. Shared Kyushu-Ryukyuan morphology

Although not the central topic of our paper, shared innovative morphology provides strong arguments in favour of a genetic subgrouping of Kyushu and Ryukyuan. As such, a number of such features will be listed here in order to provide supporting evidence for this paper’s case.

Igarashi (2023) successfully demonstrated a shared Kyushu-Ryukyuan innovation in verbal morphology resulting from a shared sound change from the PJ diphthong **əj* to Kyushu-Ryukyuan **e*, causing the cognates of WOJ upper bigrade verbs, such as **əkaj* > *oki* ‘to get up’, **ətaj* > *oti* ‘to fall’, to merge their conjugation patterns with the cognates of lower bigrade verbs (WOJ **akaj* > *ake* ‘to open’, **sagaj* > *sage* ‘to lower’), cf. Common Kyushu-Ryukyuan **oke*, **ote*. According to Igarashi’s evidence, the areas which retain verbs inflecting according to the pat-

²⁰ Formally, PR **subi* corresponds to the aforementioned Old Japanese *çubi* and modern standard *shibi*, so there is some chance that these items are cognates, despite the marked semantic difference.

terns imposed by the *əj > *e change include large parts of the Miyazaki prefecture, the former Ōno district in the Ōita prefecture, the Aso area in Kumamoto, the Iki island, and, to a smaller extent, the Koshiki islands.

The following list of other shared Kyushu-Ryukyuan morphological innovations is a revised and expanded version of the discussion in Supplementary Material 2 of (Jarosz et al. 2022), based chiefly on the transcript of natural speech records in Kindaichi and Shibata (1966) and Shibata (1967). The respective features will undergo an in-depth discussion in a future publication.

- Negative converb **(a)da(na)*, e.g. Miyako *-(a)dana*, comparable with *-(a)da* (Kuma, cf. Higashi 1975), *-(a)dza* (Minamiamabe-Ueno), *-adena* (Kumamoto, Tsutsu, Gotō, Arie-Nagasaki);
- negative gerund **(a)di*, e.g. Yoron *-(a)dzi*, Old Okinawan negative conjecture/negative volitional *-(a)dzi*, and Kyushu *-(a)dzi*, broadly attested especially in the areas of Kagoshima and Miyazaki prefectures, but also in the Iki and Gotō islands;
- conditional suffix **-kara*, attested throughout the Ryukyus, especially South Ryukyuan, as well as in Nishishōnai in Ōita;
- simultaneous suffix tentatively reconstructed as **-gatu(-na)*, attested throughout the Ryukyus, with Kyushu reflexes in Okatchugamizu and Shiiba;
- purposive marker appearing in constructions such as ‘to go to do X’; there are two groups of reflexes, simplex and complex, the former consisting of Proto-Japonic genitive **-na* followed by locative **-ka* grammaticalized from **ka* ‘place’ > modern Uku (Gotō islands), Shuri, Kametsu, Hirara, Tarama *-ga*; the latter comprised of locative **-ka* followed by allative **-pe* > **-kape* > modern Kagoshima, Miyazaki, Kuboizumi (Saga), Fukue *-ke*, Kuma, Kamikoshiki *-kja*; another variant of **-kape* is also preceded by the genitive marker, **-nakape* > modern Fukuoka *-ge*, Nagasaki, Uku, Kumamoto, Kuma, and China *-gja(:)*, Ie *-dza*;
- the complex purposive marker **(na)kape* also attested in a range of Ryukyuan topolects as a marker not of the purposive, but of the allative, cf. Shuri, Tarama *-nke*, Hirara *-nkai*; in Kyushu topolects such as Kuma and Shirinashi-Akune, descendants of **(na)kape* are attested in both purposive and allative functions;
- the manner-instrumental marker **-ti* and the allative marker(s) **ti/*-ti-pe*, the former grammaticalized from Proto-Japonic **ti* ‘way, road’, in Kyushu attested with the form *-tci* in Tsutsu (Tsushima) and Miyakonojō;
- motion instrumental (‘to go with/by X’) marker **-kara*, from Proto-Japonic ablative **-kara*, attested throughout Ryukyuan and southern Kyushu, but also in the Chikugo area;
- the Ryukyuan instrumental marker derived from the resultative form of the verb ‘to do’, PR **cija(ri)* > **ci*, cognate with gerund/causal markers *-se*: ~ *-ce*: ~ *-sei* on nominalized verb forms, attested in topolects of the Kagoshima prefecture;
- ability verb **naru*, an apparent innovation from Proto-Japonic **naru* ‘to become’, attested throughout Ryukyuan as well as in south-western parts of Kyushu, with Kumamoto being the northernmost area in which the verb has been confirmed;
- ability verb **woposu*, a cognate of Early Middle Japanese *oposu* ‘to complete, to achieve’, attested as an ability potential auxiliary/suffix throughout Ryukyuan as well as, scarcely, in Fukuoka and Ōita prefectures;
- interrogative clause marking with an encoding sensitive to the question type, with polar question marking attested in Kamikoshiki (*-na*, apparent cognate with Miyako *-na*), Okatchugamizu in Satsuma Peninsula, Suwatsuru in Ōita, Tsuchihae in Miyazaki (*-i* in Okatchugamizu, *-e* in the other two, apparent cognate with North Ryukyuan, e.g. Shuri *-i*);

- interrogative marker *-jo:* attested in Kamikoshiki on the Kyushu side and in North Ryukyuan Okinoerabu and Iheya on the Ryukyuan side.

Several of these assumed Kyushu-Ryukyuan innovations are found in most or all of the Kyushu area. This speaks in favour of the validity of Kyushu-Ryukyuan, or Igarashi's Southern Japonic, as a genetic subgrouping within the Japonic cladogram. At the same time, the distribution of the potential verb **naru* also implies the existence of a lower-division unit. Since this unit is predominantly comprised from the Satsugū area, but also incorporates parts of other southern Kyushu prefectures — Kumamoto (traditional dialectology's Higo) and Miyazaki (traditional dialectology's Hyūga/Himuka) — we will tentatively call it Macro-Satsugū-Ryukyuan.

These findings are corroborated by the lexical study presented in this paper. They allow us to postulate Proto-Kyushu-Ryukyuan as the shared ancestor of Ryukyuan and the original Kyushu Japonic topolects, and at the same time to identify Pre-Ryukyuan — the direct predecessor of Proto-Ryukyuan still spoken in Kyushu in the first millennium AD — with narrow Proto-Satsugū-Ryukyuan, descendant from Proto-Macro-Satsugū-Ryukyuan (cf. 2.6.).

A note should also be made of shared Kyushu-Ryukyuan morphological features which also have cognate forms in western Japanese dialects. One example is negative past tense markers, viz. Proto-Ryukyuan **(a)datamu* < **(a)dana-atamu* (cf. Thorpe 1983: 197), comparable with Kyushu *-(a)datta* (Shiiba-Miyazaki, Kumamoto, Ōita), *-(a)ratta* (Suwatsuru-Ōita), *-(a)dzatta* (Gotō islands), *-(a)dzatta* / *-(a)dzotta* (Satofure-Iki), *-(a)dzatta* (Tsutsu-Tsushima, Minamiabe-Ueno in Ōita, Minamikata-Nishiusuki in Miyazaki, Tanegashima). While cognates of these markers are also attested in Wakayama and Izumo, attestations besides Kyushu-Ryukyuan are confined to western Japanese (cf. Ōnishi 2016: 144–145), and as such, for the moment at least, they cannot be reconstructed for PJ.

2.5. Support of the shared ancestry hypothesis

Speculations about common proto-language origins of neighbouring linguistic communities — or those that used to be neighbours in the past — are inherently disputable due to the nature of contact-induced changes. Studies in contact linguistics conclude that in fact any linguistic feature can be borrowed or diffuse even across language borders (cf. e.g. Thomason and Kaufman 1988, Thomason 2001, Chambers and Trudgill 2004). Needless to say, among all sectors of a linguistic system, vocabulary is by far the most prone to borrowing and diffusion. With these theoretical odds working against using shared lexicon as evidence of an erstwhile linguistic subgrouping, below we provide evidence strengthening the case for the vocabulary discussed in (2.1–2.3.) being considered as inherited from a shared Kyushu-Ryukyuan ancestor.

First, there is evidence rooted in the sound change patterns of Proto-Ryukyuan and its daughter languages which implies that much of the vocabulary examined in this paper dates back to Pre-Proto-Ryukyuan, Proto-Ryukyuan or, in the case of South Ryukyuan items, to Proto-Sakishima²¹. The absolute timing of the split of all these proto-languages may be tentatively proposed as no later than 9th/10th century in the case of Pre-Proto-Ryukyuan, 13th century in the case of PR and early 14th century in the case of PS. Sounds and sound sequences which can confidently be considered a reflection of any of these (pre-)proto-languages include:

²¹ Cf. Hattori (1978) and Thorpe (1983) for seminal studies of Proto-Ryukyuan phonology, as well as Jarosz (2018a et seq.) for detailed analyses of the diachrony of specific phonological phenomena in the history of Ryukyuan, such as changes in the vowel system and the related chain shifts.

- PJ *p in e.g. PR **padara* ‘flathead silverside’ (4)²², PR **pira-ijo* ‘olive flounder’ (4), PR **panagi* ‘bow, head of the boat’ (2.1.); if these items had been loans from Mainland Japonic, they would have been borrowed in a period when Mainland still retained the initial voiceless bilabial stop, therefore probably no later than 13th century if one follows Frellesvig’s (2010: 311) estimates concerning the inception of the fricativization of initial /p/ in Late Middle Japanese;
- PR centralization of PJ *u after coronal obstruents, e.g. PR **sigaru* ‘webfoot octopus’ (6), **akamatsi* ‘longtailed red snapper’ (4). These reflexes show that the origins of these items must be predating PR;
- PR *u in ‘hermit crab’ (6), PR and PS **amamu*; due to chain shifts which occurred in South Ryukyuan languages (Jarosz 2018a, Jarosz 2019), if a Kyushu form *amamu* had been borrowed to Ryukyuan postdating the split of PR, it would have been reflected e.g. in Miyako as †*amamu*;
- PR word-initial sequence *ij, as in **ijako* ‘oar’ (2.1.), **ijo* ‘fish’ (e.g. ‘olive flounder’, 4). These sequences underwent distinct developments in North and South Ryukyuan; affrication *j > *dz occurred in PS, ensuring that South Ryukyuan origins of these items predate PS or else they would reflect in modern Sakishima languages as /ij/, e.g. Hirara-Miyako †*ijaku* ‘oar’, †*iju* ‘fish’;
- PS assimilation of the strings *Cir as an example of the Proto-Sakishima Flap Assimilation (FA), whereby C stands for a voiceless obstruent. The aspiration of voiceless obstruents in Sakishima caused the fricativization of the flap in these strings, e.g. **pir* > **pis*. If items such as ‘olive flounder’ (4) postdated PS, their expected modern form would be e.g. Nagahama (Miyako) †*psira*;
- PS change *ku > *fu, which ensures a pre-PS origin of the item ‘Wrasse’ (4), reflected as e.g. *fusabzi* and not †*kusabzi* or †*kusabi* in Miyako;
- PS centralization of PR *i after bilabial and velar stops, e.g. again in ‘Wrasse’ (4) — cf. Miyako *fusabzi*, not †*kusabi*; ‘tre pang, sea cucumber’ (6) — cf. Shika *sikiri*, not †*çikiri* or †*çikiri*; ‘bow, head of the boat’ (2.1.) — cf. Tarama *panagzi*, not †*panagi* or †*thanagi*.

Although even such amount of substantial evidence in favour of the ancience of the relevant sound changes and the related lexical forms still does not eliminate the possibility of these items being loanwords from Mainland/Kyushu-Japanese (even as old as Pre-Proto-Ryukyuan, i.e. predating the Japonic migration into the Ryukyus c.a. 9th century CE), the time window permitting these loans becomes significantly narrower²³.

Morphemes used in toponyms can be expected to reflect older, conservative layers of vocabulary which are more likely to be inherited than diffuse through contact. Such are the instances of place and family names with PR **sone* ‘a spot where many fish gather, a good fishing spot’ (2.1.).

Turning to geolinguistic and sociolinguistic considerations: as was briefly mentioned in (2.3.), morphemes attested in South Ryukyuan and Kyushu without mediation of North Ryukyuan are more likely to reflect inherited vocabulary. The geographic discontinuity of attestations of such morphemes requires to assume that the diffusion omitted North Ryukyuan entirely,

²² Single-digit numbers in parentheses reference the number of Table in which the specific item was originally listed.

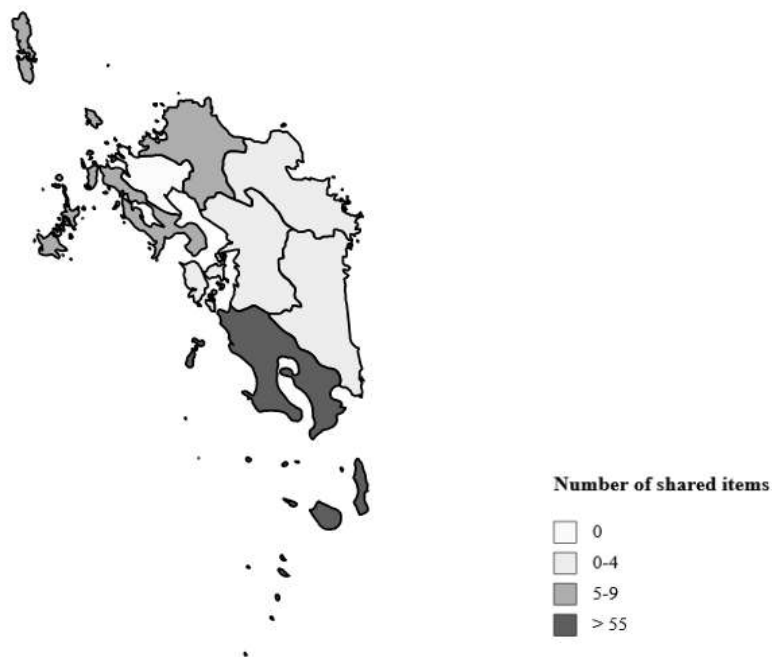
²³ On a side note, one can reiterate the tendencies of mid-vowel raising observed in a range of Kyushu items (e.g. ‘scooping net’, ‘fish bait’, 2.1.). Although this cannot be strictly considered a shared Kyushu-Ryukyuan change, since it is clear (cf. e.g. Hattori 1979, Thorpe 1983, Jarosz 2018a/b, Jarosz 2019, Jarosz 2021) that the mid-vowel raising was far from complete in PR, there is a likelihood that some mid-vowel raising tendencies were shared in the Kyushu-Ryukyuan ancestor language as allophony/variant forms.

which is difficult to imagine both in general geolinguistic terms — the loanwords / diffusing vocabulary would have to somehow skip a roughly 600-kilometer-long chain of islands to be transferred directly to Sakishima — as well as from the sociopolitical perspective. It was the North Ryukyuan languages, in particular the Shuri-Naha topolect spoken in the capital of the Ryukyu Kingdom, that were the contact hub between the Ryukyus and pre-modern / early modern Kyushu. Examples of Kyushu or other Mainland Japanese loans that would be borrowed into South Ryukyuan directly rather than through Shuri-Naha / the Okinawan language are yet to be heard of. There is no reason to assume otherwise about multiple items such as ‘bow, the head of the boat’ (2.1.), ‘fish bait’ (2.1.), ‘hermit crab’ (6), ‘flathead silverside’ (4), ‘two-spot red snapper’ (4), ‘bluefin trevally / skipjack’ (4); the lack of attestations of these items in North Ryukyuan means high chances for them to have been inherited in Sakishima and Kyushu from a Common Kyushu-Ryukyuan ancestor.

Due to the aforementioned structural (sound change) and geographic/sociolinguistic concerns, the likelihood of the Kyushu-Ryukyuan vocabulary compared in this paper representing a layer inherited from a shared ancestor can be assessed as relatively high.

2.6. Summary

Map 1 shows the distribution of the attested alleged shared lexical innovations between Kyushu and Ryukyuan as discussed in the present paper.

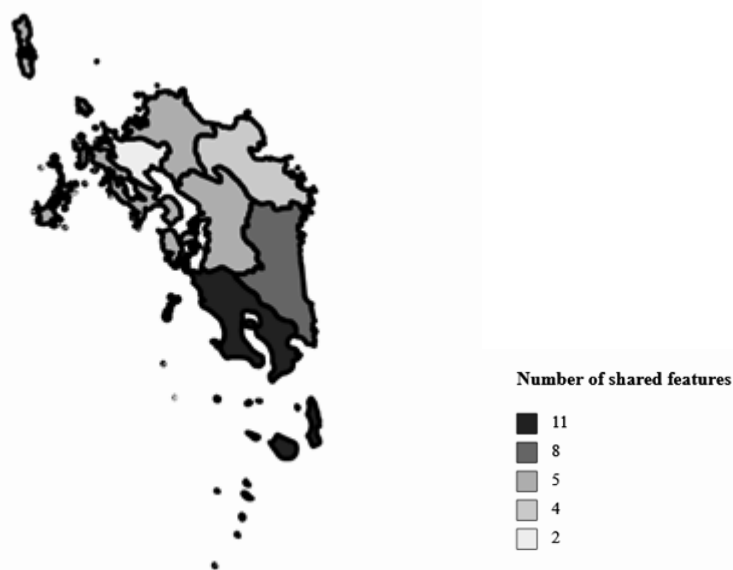

Map 1. Lexical innovations in Kyushu shared with Ryukyuan

The results show an extreme domination of the vocabulary shared between Ryukyuan, on the one hand, and the area of the Kagoshima prefecture on the other: whereas the attested numbers in other prefectures did not exceed six, the count for the Kagoshima area is 59. The disparity between this number and the runner-ups (Fukuoka with six, Nagasaki with five) is too great to dismiss it as statistical error. Even taking into consideration that the disproportion may be heightened by a skew in the available lexicographic sources, with the relevant Kagoshima vocabulary being better documented than that of other prefectures on the one hand, and subtracting the non-exact comparisons on the other, the results for Kagoshima would still

be a multiplication of those of other Kyushu prefectures. These results corroborate the postulation of the Kyushu homeland of the Ryukyuan speakers specifically in the area of the modern Kagoshima prefecture (matching the conclusion of Jarosz et al. 2022: 18), and to envision the communities speaking the shared Kyushu-Ryukyuan protolanguage, narrow Proto-Satsugū-Ryukyuan, as communities with a distinctive marine and seafaring culture. Narrow Satsugū-Ryukyuan is opposed here to extended Macro-Satsugū-Ryukyuan (cf. 2.4), as on the Kyushu side it only comprises the Satsuma and Ōsumi areas.

At the same time, it is also noteworthy that for other areas, the amount of vocabulary shared with Ryukyuan is actually larger in the north prefectures — Fukuoka and Nagasaki — than in Kumamoto and Miyazaki, the two prefectures geographically adjacent to Kagoshima. This might be indicative of a non-linear spread of the proto-language of one order higher than Proto-Satsugū-Ryukyuan, with the substratum lexicon of Miyazaki and Kumamoto bearing no closer relationship to Ryukyuan than that of Nagasaki (especially the remote islands like Gotō, Iki and Tsushima) and Fukuoka (especially the Chikugo area). More likely, however, the two northern prefectures might simply be relic areas, retaining more of conservative vocabulary than varieties in other regions (cf. discussion below). Either way, however, the differences between the numbers in topolects outside Kagoshima are minimal, so the risk of a statistical error resulting from a dataset skew / data availability is greater, which invites a bigger dose of caution in drawing the conclusions.

Map 2. Grammatical innovations in Kyushu shared with Ryukyuan

The optics become quite different in an examination of the shared grammatical features. Here, the features discussed in 2.4.²⁴, calculated as a total of 15, were assigned binary values per prefecture: 1 for the presence and 0 for the absence of the feature in question in any topolect of the given prefecture. The results are visualized in Map 2.

In contrast to lexical innovations, the distribution of shared grammatical features is considerably even. Kagoshima still remains the uncontested leader, scoring 11 out of 15, or more than two-thirds of the maximum number of features. The clear runner-up is Miyazaki with

²⁴ The set includes Igarashi's (2023) findings about the shared **oi > *e* development in the stems of vowel verbs. On the other hand, allative use of the **(nə)kape* marker was excluded from the calculation, since its range is fully contained within the range of the purposive use of the same marker, and chances are that these allative uses represent individual developments of the specific topolects (a result of a usual grammaticalization mechanism).

a score of 8/15. The remaining prefectures have an average rank of 4 to 5 features, with the exception of Saga with its count of a total of 2 features.

Shared innovative features found in all or most of the Kyushu area can confidently be traced to a shared Kyushu-Ryukyuan ancestor, supporting Proto-Kyushu-Ryukyuan as a legitimate Japonic tree node. Similarly, features shared between Ryukyuan and those Kyushu areas which are not geographically closest to the Ryukyus (i.e. areas outside Kagoshima and Miyazaki) can be considered Proto-Kyushu-Ryukyuan relics in a representation of what Chambers and Trudgill (2004: 94) call “the relic pattern”, observed when a “linguistic feature exists in two or more parts of the region but those parts are separated from one another by an area in which a different, or opposing, feature occurs”. This kind of distribution “indicates a late stage in the displacement of a formerly widespread linguistic feature by an innovation. In earlier times, the feature which now occurs in isolated areas was also found in the in-between areas. Its status is now that of a relic feature, and the in-between areas show the progress of the innovation”. The latter observation is also true of the area in question, considering that the number of shared features decreases approaching central parts of Kyushu (Saga and Ōita prefectures), and then increases back again further south (Kumamoto and Miyazaki). Therefore, rather than positing a discontinuous subgrouping of Ryukyuan and Southern Kyushu — Kagoshima, Kumamoto and Miyazaki — with the outlier northwestern islands alone, the relic pattern should be a more likely explanation behind the distribution of the features in question in Kyushu. Parallel observations apply to the distribution of shared lexical features discussed with Map 1.

On the other hand, the features shared exclusively by Ryukyuan and Kagoshima and/or Miyazaki represent shared innovations of a division unit lower than Kyushu-Ryukyuan, here referred to as Macro-Satsugū (2.4.), or the extended Southern Kyushu area. Considering the overwhelmingly large amount of specialized maritime/seafaring vocabulary shared between Ryukyuan and the narrow Satsugū area, narrow Proto-Satsugū-Ryukyuan can be understood as a regional variety of Proto-Macro-Satsugū, consisting of geographically adjacent communities of the Satsuma, Ōsumi and Morokata areas which dwelt under comparable climactic and subsistence conditions, and possibly formed a close contact network which favoured diffusion of seafaring culture and the related vocabulary.

The presence of the aforementioned relic patterns in the realm of morphology suggests that shared Kyushu-Ryukyuan substratal features had been broadly present throughout Kyushu, but came to be superseded by the Central Mainland superstratum, starting from the central areas of Kyushu (Fukuoka, Ōita and Saga prefectures, mainland Nagasaki) and then diffusing toward the peripheries. Parallel to the lexical evidence, this endorses the outlook that formerly the language spoken in Kyushu had been a closer kin of Ryukyuan within the Southern Japonic subgrouping, which then gradually shifted into — or blended with — Mainland Japanese.

On the other hand, the pattern of lexical innovations retaining a thick layer in Kagoshima prefecture, whereas the innovation ratio in all other areas is many times smaller, suggests that the erstwhile Kagoshima innovations dating to the Satsugū-Ryukyuan period were not entirely uprooted by the language replacement of the indigenous Kyushu-Japonic by Central Mainland Japanese.

Based on the above combination of lexical and morphological evidence summarized by Maps 1 and 2, one can tentatively propose the following Kyushu lineage of the Ryukyuan parent languages: Proto-Kyushu-Ryukyuan > Proto-Macro-Satsugū-Ryukyuan > Proto-Satsugū-Ryukyuan > Proto-Ryukyuan. Although the Kyushu members of these South Japonic nodes became extinct / shifted to Mainland Japanese, this lineage is reflected in the modern Mainland Kyushu topolects as a substratum which we were able to examine in this paper.

3. Conclusions

In the present paper we tested linguistically the hypothesis according to which maritime knowledge reflected in the shared Kyushu-Ryukyuan lexicon supports the Kyushu-Ryukyuan subgrouping in the Japonic family tree. We highlighted a conspicuous number of shared lexical items between Ryukyuan and Kyushu dialects, suggesting a shared navigation culture, as well as ostensible common maritime subsistence and lifestyle patterns, which may have played an important role in the eventual spread of Ryukyuan languages in the Ryukyus. Furthermore, although further research is needed in order to strengthen this position, we mentioned a number of Kyushu-Ryukyuan morphological innovations that speak in favour of a genealogical subgrouping of Kyushu and Ryukyuan.

As a result, we postulate three levels of shared Kyushu-Ryukyuan ancestry within the Japonic cladogram: Proto-Kyushu-Ryukyuan/Proto-South-Japonic, which is the ancestor of all Kyushu and Ryukyuan topolects; Proto-Macro-Satsugū-Ryukyuan, which incorporates modern Kagoshima and Miyazaki prefectures; and Proto-Satsugū-Ryukyuan, the direct ancestor of Proto-Ryukyuan, comprising the narrow Satsugū area (modern Kagoshima and southern Miyazaki prefectures).

Although following the split of Proto-Ryukyuan, the remaining South Japonic topolects eventually shifted to Central Mainland Japanese, the shared Kyushu-Ryukyuan substratum is still retained in modern Kyushu topolects with a varying density, the degree of which can be hypothesized to indirectly reflect the genetic proximity between the specific topolect and Ryukyuan languages.

At the same time, one can emphasize that the ratio of shared Kyushu-Ryukyuan vocabulary in the examined sectors varies depending on the sector. There is a substantial number of uncontroversial Kyushu-Ryukyuan cognates in terms of seafaring technology (2.1.) and, in particular, fish names (Table 4). Although there are also relatively many likely cognates naming marine fauna other than fish (Table 6), the putative cognacy is made weaker by the non-exact correspondences of meaning or form. On the other hand, there are virtually no shared Kyushu-Ryukyuan developments observed in the names of marine flora (2.3.), and only few such developments in the vocabulary concerning cardinal directions and navigation (2.2.).

To contextualize these findings against a broader Japonic backdrop, Ryukyuan also has a significant number of vocabulary traceable to Proto-Japonic concerning seafaring technology (Table 1), cardinal directions / navigation (Table 2), marine fauna (Table 6), as well as marine flora (2.3.). This suggests that the seafaring and maritime culture of Proto-Ryukyuan was also firmly grounded in a broader Japonic-speaking culture, although it developed its own specific characteristics shared with Kyushu topolects, in particular those of the Satsugū area. These specific developments were likely fed by the habitation conditions of Satsugū-Ryukyuan speakers, which included warm, borderline subtropical climate and accordant marine fauna, coastal or near-coastal dwellings, and marine subsistence patterns. Furthermore, a lot of Ryukyuan vocabulary developments appear exclusive to Ryukyuan alone, a feature explicit not only in the original Ryukyuan seafaring technology vocabulary (2.1.) and names for the local flora and fauna (2.3.), but also, perhaps most tellingly, in the innovative Ryukyuan system of cardinal directions, which co-exists in variously proportioned mixes with the inherited Proto-Japonic system (2.2.). These are all developments postdating the Japonic migration into the Ryukyus around the 9th century AD (cf. Jarosz et al. 2022: 7–8).

All in all, our results imply Kyushu-Ryukyuan, in particular Satsugū-Ryukyuan, to have been a community culturally integrated into general Japonic patterns, although with a strong original maritime/seafaring component induced by environmental factors.

To conclude, the analysis of lexical items related to marine fauna, wind patterns and directions suggests a stronger affinity between Kyushu and Ryukyuan topolects than between Ryukyuan and other Mainland topolects, which might be tentatively interpreted as the result of a shared ancestry in the past. At the same time, we propose Proto-Satsugū-Ryukyuan as the predecessor pre-Proto-Ryukyuan language that was still spoken in Kyushu in the first millennium AD. While the conclusions reached in this paper are still preliminary, it is also felt that a deeper exploration of lexicon related to maritime knowledge, as well as a closer look at shared Kyushu-Ryukyuan linguistic features, especially morphophonemic innovations, will eventually prove rewarding.

Acknowledgements

Aleksandra Jarosz's etymological research presented in this paper was part of the project *An Etymological Dictionary of the Japonic Languages*, which received funding from the European Research Council (ERC) under the European Union's Horizon 2020 research and innovation programme (grant agreement No 788812). The project was terminated in May 2022 due to the passing of the Principal Investigator, Prof. Alexander Vovin. Georg Orlandi received funding by the Japan Society for the Promotion of Science and by the Grants-in-Aid for Scientific Research (KAKENHI), No. 21F21303.

Jarosz expresses her gratitude to Mark Hudson, Martine Robbeets and all other colleagues from the writers' team of Jarosz et al. (2022) for expanding her knowledge about the dispersal of Japonic from Kyushu, as well as providing incentives for a further exploration of this subject.

This paper is dedicated to the memory of Alexander "Sasha" Vovin (1961–2022), a teacher, mentor and friend to both these authors.

Abbreviations

EOJ	Eastern Old Japanese	PJ	Proto-Japonic	PS	Proto-Sakishima
EMJ	Early Middle Japanese	PR	Proto-Ryukyuan	WOJ	Western Old Japanese

List of topolects with their corresponding languages and areas

Topolect	Synchronic affiliation	Area and language
Aha	North Ryukyuan	Okinawa island, Kunigami
Akune	Kyushu	Satsuma Peninsula, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Akuseki	Kyushu	Tokara islands, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Amagi	North Ryukyuan	Tokunoshima island, Amami
Ambō	Kyushu	Yakushima island, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Amakusa	Kyushu	Amakusa island, Kumamoto, Mainland Japanese
Ano	western Honshu (Chūgoku)	Shimane, Mainland Japanese
Arie	Kyushu	Nagasaki, Mainland Japanese
Azuma	Kyushu	Satsuma Peninsula, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Beppu Itajiki	Kyushu	Satsuma Peninsula, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese

Topolect	Synchronic affiliation	Area and language
Beppu Tawaratsumida	Kyushu	Satsuma Peninsula, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Bonōtsu	Kyushu	Satsuma Peninsula, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Chikugo	Kyushu	parts of Fukuoka, Ōita, Saga and Kumamoto prefectures, Mainland Japanese
China	North Ryukyuan	Okinoerabu island, Kunigami
Gotō islands	Kyushu	Nagasaki, Mainland Japanese
Fukumoto	Kyushu	Satsuma Peninsula, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Fukuoka	Kyushu	Fukuoka, Mainland Japanese
Fukuyama	Kyushu	Ōsumi Peninsula, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Furue	Kyushu	Yakushima island, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Gotō	Kyushu	Gotō islands, Nagasaki, Mainland Japanese
Hachijō	Hachijō	Hachijō island, Hachijō language
Hami	Kyushu	Ōsumi Peninsula, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Hashima	Kyushu	Satsuma Peninsula, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Hateruma	South Ryukyuan	Hateruma island, West Yaeyama
Hatoma	South Ryukyuan	Hatoma island, West Yaeyama
Henoko	North Ryukyuan	Okinawa island, Kunigami
Higashi Ichiki	Kyushu	Satsuma Peninsula, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Hioki	Kyushu	Satsuma Peninsula, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Hirara	South Ryukyuan	Miyako island, Miyako
Hiroshima	Western Honshu (Chūgoku)	Hiroshima, Mainland Japanese
Hisamatsu	South Ryukyuan	Miyako island, Miyako
Hita	Kyushu	Chikugo, Ōita, Mainland Japanese
Ibusuki	Kyushu	Satsuma Peninsula, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Ichiki	Kyushu	Satsuma Peninsula, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Ie	North Ryukyuan	Ie island, Kunigami
Ikema	South Ryukyuan	Ikema island, Miyako
Iki	Kyushu	Iki island, Nagasaki, Mainland Japanese
Imuta	Kyushu	Kamikoshiki island, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Iojima	Kyushu	Iojima island, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Issō	Kyushu	Yakushima island, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Itoman	North Ryukyuan	Okinawa island, Kunigami
Iwamoto	Kyushu	Satsuma Peninsula, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Iwate	Tōhoku	Iwate, Mainland Japanese
Izashiki	Kyushu	Ōsumi Peninsula, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Izumi	Kyushu	Satsuma Peninsula, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Kagoshima	Kyushu	Satsuma Peninsula, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Kakeroma	North Ryukyuan	Kakeroma island, Amami
Kaimon	Kyushu	Satsuma Peninsula, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Kametsu	North Ryukyuan	Tokunoshima island, Amami

Topolect	Synchronic affiliation	Area and language
Kamikoshiki	Kyushu	Kamikoshiki island, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Karimata	Miyako	Miyako island, Miyako
Kasasa	Kyushu	Satsuma Peninsula, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Kaseda	Kyushu	Ōsumi Peninsula, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Kataura	Kyushu	Satsuma Peninsula, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Kayō	North Ryukyuan	Okinawa island, Kunigami
Kikai	North Ryukyuan	Kikai island, Amami
Kokubu	Kyushu	Ōsumi Peninsula, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Komenotsu	Kyushu	Satsuma Peninsula, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Kuboizumi	Kyushu	Saga, Mainland Japanese
Kuma	Kyushu	Kumamoto, Mainland Japanese
Kumamoto	Kyushu	Kumamoto, Mainland Japanese
Kunigami	Kyushu	Tanegashima island, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Kuninaka	South Ryukyuan	Irabu island, Miyako
Kurima	South Ryukyuan	Kurima island, Miyako
Kurio	Kyushu	Yakushima island, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Kurume	Kyushu	Chikugo, Fukuoka, Mainland Japanese
Kushi	North Ryukyuan	Amami Ōshima island, Amami
Kuwaura	Kyushu	Kamikoshiki island, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Madomari	North Ryukyuan	Kume island, Okinawan
Magome- Ōdomari	Kyushu	Ōsumi Peninsula, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Makurazaki	Kyushu	Satsuma Peninsula, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Matsunoo	Kyushu	Satsuma Peninsula, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Minamiamabe- Ueno	Kyushu	Ōita, Mainland Japanese
Minamikata	Kyushu	Nishiusuki, Miyazaki, Mainland Japanese
Miyanoura	Kyushu	Yakushima island, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Miyara	South Ryukyuan	Ishigaki island, East Yaeyama
Miyazaki	Kyushu	Miyazaki, Mainland Japanese
Nagahama	South Ryukyuan	Irabu island, Miyako
Nagashima	Kyushu	Satsuma Peninsula, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Nakachi	South Ryukyuan	Irabu island, Miyako
Nakama	North Ryukyuan	Amami Ōshima island, Amami
Nakijin	North Ryukyuan	Okinawa island, Kunigami
Nakima	North Ryukyuan	Okinawa island, Kunigami
Naze	North Ryukyuan	Amami Ōshima island, Amami
Nesebu	North Ryukyuan	Amami Ōshima island, Amami
Ōita	Kyushu	Ōita, Mainland Japanese
Okatchugamizu	Kyushu	Satsuma Peninsula, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Ōkawa	Kyushu	Chikugo, Fukuoka, Mainland Japanese
Ōmishima	Shikoku	Ehime, Mainland Japanese

Topolect	Synchronic affiliation	Area and language
Ongachi	North Ryukyuan	Amami Ōshima island, Amami
Origuchi	Kyushu	Satsuma Peninsula, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Osai	North Ryukyuan	Amami Ōshima island, Amami
Ōsaka-Hiyoshi	Kyushu	Satsuma Peninsula, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Oshikaku	North Ryukyuan	Kakeroma island, Amami
Ōsumi Peninsula	Kyushu	Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Ōtsuki	Shikoku	Kōchi, Mainland Japanese
Ōura-Kawabe	Kyushu	Satsuma Peninsula, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Ōyano	Kyushu	Amakusa island, Kumamoto, Mainland Japanese
San	North Ryukyuan	Tokunoshima island, Amami
Sani	North Ryukyuan	Amami Ōshima island, Amami
Sakurajima	Kyushu	Satsuma Peninsula, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Sasue	Kyushu	Satsuma Peninsula, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Sate	North Ryukyuan	Okinawa island, Kunigami
Sato	Kyushu	Satsuma Peninsula, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Satofure	Kyushu	Iki island, Nagasaki, Mainland Japanese
Satomura	Kyushu	Kamikoshiki island, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Satsuma Peninsula	Kyushu	Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Sawada	South Ryukyuan	Irabu island, Miyako
Segami	Kyushu	Kamikoshiki island, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Sesō	North Ryukyuan	Kakeroma island, Amami
Sesoko	North Ryukyuan	Okinawa island, Kunigami
Setsukawa	North Ryukyuan	Kakeroma island, Amami
Shibushi	Kyushu	Ōsumi Peninsula, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Shiiba	Kyushu	Miyazaki, Mainland Japanese
Shika	South Ryukyuan	Ishigaki island, East Yaeyama
Shima	Kansai	Mie, Mainland Japanese
Shimahira	Kyushu	Satsuma Peninsula, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Shimokoshiki	Kyushu	Shimokoshiki island, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Shiraho	South Ryukyuan	Ishigaki island, West Yaeyama
Shiranuhi	Kyushu	Amakusa island, Kumamoto, Mainland Japanese
Shirinashi	Kyushu	Satsuma Peninsula, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Shitoke	North Ryukyuan	Kikai island, Amami
Shuri	South Ryukyuan	Okinawa island, Okinawan
Shiiba	Kyushu	Miyazaki, Mainland Japanese
Sokei	North Ryukyuan	Okinawa island, Kunigami
Sukumo	Shikoku	Kōchi, Mainland Japanese
Suwatsuru	Kyushu	Ōita, Mainland Japanese
Taira	Kyushu	Kamikoshiki island, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Takaoka	Kyushu	Morokata, Satsugū, Miyazaki, Mainland Japanese
Takara	Kyushu	Tokara islands, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese

Topolect	Synchronic affiliation	Area and language
Takushima	Kyushu	Takushima island, Nagasaki, Mainland Japanese
Tanegashima	Kyushu	Tanegashima island, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Tarama	South Ryukyuan	Tarama island, Miyako
Teuchi	Kyushu	Shimokoshiki island, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Tōgō-Izumi	Kyushu	Satsuma Peninsula, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Tokunoshima	North Ryukyuan	Tokunoshima island, Amami
Torisu	Kyushu	Satsuma Peninsula, Satsugū, Kagoshima, Mainland Japanese
Totsukawa	Kansai	Nara, Mainland Japanese
Tsuchihae	Kyushu	Miyazaki, Mainland Japanese
Tsushima	Kyushu	Tsushima island, Nagasaki, Mainland Japanese
Tsutsu	Kyushu	Tsushima island, Nagasaki, Mainland Japanese
Uka	North Ryukyuan	Okinawa island, Kunigami
Ukiha	Kyushu	Chikugo, Fukuoka, Mainland Japanese
Uku	Kyushu	Fukue island, Gotō islands, Nagasaki, Mainland Japanese
Urakuwa	Kyushu	Nakatōri, Gotō islands, Nagasaki, Mainland Japanese
Wadomari	North Ryukyuan	Okinoerabu island, Kunigami
Wakayama	Kansai	Wakayama, Mainland Japanese
Wan	North Ryukyuan	Kikai island, Amami
Yadon	North Ryukyuan	Amami Ōshima island, Amami
Yamatoma	North Ryukyuan	Amami Ōshima island, Amami
Yame	Kyushu	Chikugo, Fukuoka, Mainland Japanese
Yanagawa	Kyushu	Chikugo, Fukuoka, Mainland Japanese
Yonaguni	South Ryukyuan	Yonaguni island, Yonaguni
Yoro	North Ryukyuan	Yoro island, Amami
Yoron	North Ryukyuan	Yoron island, Kunigami
Yuwan	North Ryukyuan	Amami Ōshima island, Amami

References

- Asato, Susumu, Doi Naomi. 1999. *Okinawa-jin-wa Doko-kara Kitaka — “Ryūkyū = Okinawa-jin”-no Kigen-to Seiritsu (沖縄人はどこから来たか—「琉球=沖縄人」の起源と成立)* [Where did Okinawans Come from?— Origin and formation of “Ryūkyū=Okinawan people”]. Okinawa-ken Naha-shi: Boda Inku.
- Beechey, Frederick William. 1831. *Narrative of a Voyage to the Pacific and Beering’s Strait, To Co-Operate with the Polar Expeditions: Performed in His Majesty’s Ship Blossom, Under the Command of Captain F. W. Beechey ... in the Years 1825, 26, 27, 28. ... Published by Authority of the Admiralty*. London: H. Colburn & R. Bentley.
- Chambers, J. K., Peter Trudgill 2004. *Dialectology. Second Edition*. Cambridge University Press.
- Chiiki Kenkyūjo, Okinawa Daigaku. 2013. *Ryūkyū Shogo no Fukkō [Restoration of the Ryukyuan Languages]*. Okinawa University Regional Research Institute Series. Naha: Fuyōshobō shuppan.
- Ding, Feng. 2008. *Ri Han Duiyin Yu Ming Qing Guanhua Yanjiu (日漢琉漢對音與明清官話音研究)* [A study of Sino-Japanese sound correspondences and the the sound system of Mandarin during the Ming-Qing period]. Beijing: Zhonghua Shuju.
- Dougherty, Thomas. 2017. *Estimating the Current Number of Okinawan Speakers*. Available online at: www.thomasdougherty.net.
- Douglas, Carstairs. 1873. *Chinese-English Dictionary of the Vernacular: Spoken Language of Amoy*. London: Trübner.

- Fija, Bairon, Patrick Heinrich, Matthias Brezinger. 2009. The Ryukyus and the New, but Endangered, Languages of Japan. *The Asia-Pacific Journal* 7 (19): 1–20.
- Frellesvig, Bjarke. 2010. *A History of the Japanese Language*. New York: Cambridge University Press.
- Gallagher, Stephen J., Akihisa Kitamura, Yasufumi Iryu, Takuya Itaki, Itaru Koizumi, Peter W. Hoiles. 2015. The Pliocene to Recent History of the Kuroshio and Tsushima Currents: A Multi-Proxy Approach. *Progress in Earth and Planetary Science* 2(1): 1–23.
- Grimes, Barbara F. (ed.). 2000. *Ethnologue: Languages of the World*. SIL International.
- Hattori, Shirō. 1978. Nihon Sogo-ni Tsuite (日本祖語について) [On Proto-Japanese]. In: Hattori Shirō (ed.). *Nihon Sogo-no Saiken (日本祖語の再建) [Reconstructing Proto-Japanese]*. Annotated by Uwano Zendō (上野善道補注): 87–402. Tokyo: Iwanami Shoten.
- Hattori, Shirō. 1979. 音韻法則の例外：琉球文化史への一寄与 [Exceptions in sound rules: a contribution on the cultural history of the Ryukyus]. In: Hattori Shirō (ed.). *Nihon Sogo-no Saiken (日本祖語の再建) [Reconstructing Proto-Japanese]*. Annotated by Uwano Zendō (上野善道補注): 439–472. Tokyo: Iwanami Shoten.
- Hattori, Shirō. 2018. *Nihon sogo-no saiken (日本祖語の再建) [Reconstructing Proto-Japanese]*. Tokyo: Iwanami Shoten.
- Heinrich, Patrick. 2012. *Making of Monolingual Japan: Language Ideology and Japanese Modernity*. Bristol / Buffalo: Multilingual Matters Ltd.
- Heinrich, Patrick, Shinsho Miyara, Michinori Shimoji. 2015. *Handbook of the Ryukyuan Languages*. Berlin / Boston: Mouton De Gruyter.
- Hokama, Shuzen (ed.). 1970. *Konkōkeshū: Kōhon-to Kenkyū (混効験集: 校本と研究) [Konkōkeshū: Textbooks and Research]*. Tokyo: Kadokawa shoten.
- Hokama, Shuzen. 2000. *Okinawa-no Kotoba-to Rekishi (沖縄の言葉と歴史) [The Language and History of Okinawa]*. Tokyo: Chūōkōron Shinsha.
- Igarashi, Yōsuke. 2016. Ryūkyūgo-o Haijo Shita ‘Nihongo-Ha’ Naru Keitōgun-wa Hatashite Seiritsu Suru-noka?—‘Kyūshū-Ryūkyūgo-Ha’-to ‘Chūō Nihongo-Ha’-no Teishō (琉球語を排除した「日本語派」なる系統群は果たして成立するのか?—「九州・琉球語派」と「中央日本語派」の提唱) [Is There Really a Phylogenetic Group Called the ‘Japanese Group’ that Excludes Ryukyuan Languages?—Proposal of the ‘Kyushu/Ryukyu Group’ and the ‘Central Japanese Branch’].” In: Osada Toshiki (ed.). *Nihongo-no Kigen-wa Dono Yō-ni Ronjirarete Kitaka — Nihon Gengogakushi-no Hikari-to Kage (日本語の起源はどのように論じられてきたか—日本語学史の光と影) [How Has the Origin of the Japanese Language Been Discussed? Lights and Shadows in the History of Japanese Linguistics]*: 1–14. Kyoto: International Research Center for Japanese Studies.
- Igarashi, Yōsuke. 2017. *Kyōtsū-no Kaishin-ni Motozuku Bunkigakuteki Shuhō-o Mochiita Nihongo Shohōgen-no Keitō Bunrui: Minami Nihongo-Ha (Ryūkyū-o Fukumu)-to Azuma Nihongo-Ha (Hachijō-o Fukumu)-no Teishō (共通の改新に基づく分岐学的手法を用いた日本語諸方言の系統分類: 南日本語派 (琉球を含む) と東日本語派 (八丈を含む) の提唱) [Systematic Taxonomy of Dialects of Japanese Using a Cladistic Method Based on Shared Innovations: Proposal of a Southern Japanese Group (Including Ryukyu) and an Eastern Japanese Group (Including Hachijō)]*. Tokyo: National Institute for Japanese Language and Linguistics.
- Igarashi, Yōsuke. 2021. Bunkigakuteki Shuhō-Ni Motozuita Nichiryū Shogo-No Keitō Bunrui-No Kokoromi 分岐学的手法に基づいた日琉諸語の系統分類の試み [An Attempt at a Genetic Classification of Japonic Languages Based on the Cladistic Method]. In: Hayashi Yuka, Kinuhata Tomohide, Kibe Nobuko (eds.). *Fiirudo-to Bunken-Kara Miru Nichiryū Shogo-No Keitō-to Rekishi (フィールドと文献から見る日琉諸語の系統と歴史) [Genetic Relationship and History of Japonic Languages Seen through Fieldwork and Philology]*: 17–51. Tokyo: Kaitakusha.###
- Igarashi, Yōsuke. 2023. Gendai Kyūshū Hōgen-Ni Okeru Kyū-Kaminidan Dōshi-No ‘Shimonidanka’-Wa Kyūshū-Ryūkyū Sogo Kasetu-o Shiji Suru-Ka? 現代九州諸方言における旧上二段動詞の「下二段化」は九州・琉球祖語仮説を支持するか? [Does the ‘Lower-Bigradization’ of Upper Bigrade Verbs in Modern Kyushu Dialects Support the Proto-Kyushu-Ryukyuan Hypothesis?]. *Gengo Kenkyū*: Forthcoming.
- Ikeno, Shigeru. 1994. *Ryūkyū Yambarushin: Suiun-no Tenkai (琉球山原船 水運の展開) [Ryukyu Yambaru-type ships: Development of water transportation]*. Ginowan: Roman Shobō Honten.
- Ishizaki, Hiroshi. 2015. *Ryūkyū-go-shi Kenkyū (琉球語史研究) [Research on the History of Ryukyuan]*. Tokyo: Kōbun Shuppan.
- Jarosz, Aleksandra. 2018a. Reflexes of Proto-Ryukyuan *i and *u in Miyakoan as a Chain Shift. *Lingua Posnaniensis* LX (2): 99–121.
- Jarosz, Aleksandra. 2018b. Innovations, Distribution Gaps and Mirror Images: the Reflexes of Proto-Ryukyuan Close vowels in a Post-Nasal Position. *Yearbook of the Poznań Linguistic Meeting* 4 (2018): 75–104.

- Jarosz, Aleksanda. 2019. Fine Details of a Larger Picture: Proto-Sakishima **au* and **ao* Diphthongs. *Folia Linguistica Historica* 40(2): 401–437.
- Jarosz, Aleksandra. 2021. Old Japanese Post-Nasal Non-Back Close Vowels in a Comparative Perspective. *International Journal of Eurasian Linguistics* 3(1): 50–82.
- Jarosz, Aleksandra, Martine Robbeets, Ricardo Fernandes, Hiroto Takamiya, Akito Shinzato, Naoko Nakamura, Maria Shinoto, Mark Hudson. 2022. Demography, Trade and State Power: A Tripartite Model of Medieval Farming / Language Dispersals in the Ryukyu Islands. *Evolutionary Human Sciences* 4: e4.
- Kaempfer, Engelbert. 1906. *The History of Japan: Together with a Description of the Kingdom of Siam, 1690-92*. Glasgow: J. MacLehose and sons.
- Karimata, Shigehisa. 2015. Ryukyuan Languages: A Grammar Overview. In: Patrick Heinrich, Shinsho Miyara, Michinori Shimoji (eds.). *Handbook of the Ryukyuan Languages: History, Structure, and Use*: 113–140. Berlin / Boston: Mouton De Gruyter.
- Kerr, George H. 2018. *Okinawa: The History of an Island People. 2nd edition*. Rutland, Vermont: Tuttle Publishing.
- Kindaichi, Haruhiko, Shibata Takeshi, Nihon Hōsō Kyōkai (eds.). 1966. *Zenkoku Hōgen Shiryō. Dai-Roku-Kan: Kyūshūhen* (全国方言資料 第6巻 九州編) [*All-Japan Dialect Materials, Volume 6: Kyushu*]. Tokyo: Nihon Hōsō Kyōkai.
- Klaproth, Julius H. 1810. Sprachproben von Lieu-Kieu [Speech Samples from Ryukyu]. *Archiv Für Asiatische Literatur, Geschichte Und Sprachkunde* 1: 151–158.
- Lee, Sean, Toshikazu Hasegawa. 2011. Bayesian Phylogenetic Analysis Supports an Agricultural Origin of Japonic Languages. *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences* 278 (1725): 3662–3669.
- Lin, Chihkai. 2015. *A Reconstruction of Old Okinawan: A Corpus-Based Approach*. Honolulu: University of Hawaii at Manoa. Available online at: hdl.handle.net/10125/51110.
- Liu, Jianguo, Tiegang Li, Rong Xiang, Muhong Chen, Wen Yan, Zhong Chen, Fang Liu. 2013. Influence of the Kuroshio Current Intrusion on Holocene Environmental Transformation in the South China Sea. *The Holocene* 23 (6): 850–859.
- Martin, Samuel E. 1987. *The Japanese Language Through Time*. New Haven / London: Yale University Press.
- Migita, Seiji, Yotsui Toshio. 1972. Fundamental Studies on the Propagation of *Nemacystus decipiens*— I. On the Life Cycle of *Nemacystus decipiens*. *Nagasaki Daigaku Suisan Gakubu Kenkyū Hōkoku* (長崎大学水産学部研究報告) (*Nagasaki University Faculty of Fisheries Research Report*) 34: 51–62.
- Miyake, Marc Hideo. 2013. *Old Japanese: A Phonetic Reconstruction. 2nd edition*. London: Routledge.
- Miyanaga, Masanori. 1924. Waga kodaigo-to Ryūkyūgo-to-no hikaku (我が古代語と琉球語との比較) [My comparison of Ancient Japanese and the Ryukyuan languages]. *Shigaku* 3(3): 51–89.
- Murayama, Shichirō. 1981. *Ryūkyūgo-no Himitsu* (琉球語の秘密) [*The secrets of Ryukyuan*]. Tokyo: Chikuma Shobō.
- Nakamoto, Masachie. 1981. *Zusetsu Ryūkyūgo Jiten* (図説琉球語辞典) [*Cartographic dictionary of Ryukyuan*]. Tokyo: Rikitomi Shobō.
- Nakamoto, Masachie. 1982. Hōi-Ni Kansuru Goi. Tōzai Namboku-No Bumpu-to Hensen (方位に関する語彙 東西南北の分布と変遷) [Vocabulary of direction. Distribution and Changes of the Expressions of Cardinal Directions]. In: Nakamoto Masachie (ed.). *Ryūkyū Goishi-No Kenkyū* (琉球語彙史の研究) [*A Historical Study of Ryukyuan Vocabulary*], 196–206. Tokyo: Kōtokusha.
- Nakasone, Seizen. 1969. Tōzai namboku (東西南北) [Cardinal Directions]. In: Hokama Shuzen (ed.). 1972. *Okinawa Bunka Ronsō 5 Gengohen* (沖縄文化論叢5言語編) [*Papers on Okinawan Culture, vol. 5: Language*]: 464–468. Tokyo: Heibonsha.
- Newman, Marshall T., Ransom L. Eng. 1947. The Ryukyu People. A Biological Appraisal. *American Journal of Physical Anthropology* 5(2): 113–158.
- Niinaga, Yūto, Masahide Ishihara, Satoshi Nishioka. 2014. Kita Ryūkyū Shogo (Amami-go/Kunigami-go/Okinawa-go)-no Sonzokuryoku-to kikido (北琉球諸語 (奄美語・国頭語・沖縄語) の存続力と危機度) [Vitality and Degree of Endangerment of Northern Ryukyuan Languages (Amami, Kunigami, Okinawa)]. In: Shimoji Michinori, Patrick Heinrich (eds.). *Ryūkyū Shogo-no Hoji o Mezashite Shirizu ta Bunka Tagengoshugi no Genzai* (琉球諸語の保持を目指して) [*Preserving the Ryukyuan Languages*]: 96–142. Tokyo: Koko Shuppan.
- Nisizawa, Kazutosi, Hiroyuki Noda, Ryo Kikuchi, Tadaharu Watanabe. 1987. The Main Seaweed Foods in Japan. *Hydrobiologia* 151(1): 5–29.
- Ōnishi, Takuichirō (ed.). 2016. *Shin Nihon Gengo Chizu. Bumpuzu-de Miwatasu Hōgen-No Sekai* (新日本言語地図. 分布図で見渡す方言の世界) [*A New Linguistic Atlas of Japan. The World of Dialects Through Feature Distribution Maps*]. Tokyo: Asakura Shoten.

- Pellard, Thomas. 2015. The Linguistic Archeology of the Ryukyu Islands. In: Patrick Heinrich, Shinsho Miyara, Michinori Shimoji (eds.). *Handbook of the Ryukyuan Languages: History, Structure, and Use*: 13–38. Berlin / Boston: De Gruyter Mouton.
- Pellard, Thomas. 2021. Nichiryū Shogo-no Keitō Bunrui-to Bunki-ni Tsuite (日琉諸語の系統分類と分岐について) [On Genetic Classification and Split of the Japonic Languages]. In: Kibe Nobuko, Hayashi Yuka, Kinuhata Tomohide (eds.). *Fiirudo-to Bunken-kara Miru Nichiryū Shogo-no Keitō-to Rekishi* (フィールドと文献から見る日琉諸語の系統と歴史) [*The Genealogy and History of the Japonic Languages Seen From the Field and From Philological Records*]: 2–16. Tokyo: Kaitakusha.
- Qiu, Bo. 2001. Kuroshio and Oyashio Currents: A Derivative of the Encyclopedia of Ocean Sciences. In: John H. Steele, Steve A. Thorpe, Karl K. Turekian (eds.). *Ocean Currents*. London: Academic Press.
- Read, Zachary. 2011. *Number of Speakers of Central Okinawan. A Guide to Okinawan Jlect*. Available online at: www.jlect.com/downloads/Number-of-Central-Okinawan-Speakers.pdf.
- Robbeets, Martine, Remco Bouckaert, Matthew Conte, Alexander Savelyev, Tao Li, Deog-Im An, Ken-ichi Shinoda et al. 2021. Triangulation Supports Agricultural Spread of the Transeurasian Languages. *Nature* 599 (7886): 616–21.
- Ryūkyū Shimpōsha. 1999. *Shin Nantō Tanken. Sasamori Gisuke-to Okinawa Hyaku-nen* (新南嶋探験 笹森儀助と沖縄百年) [*New Exploration of the Southern Islands. Gisuke Sasamori and 100 Years of Okinawa*]. Naha: Ryūkyū Shimpōsha.
- Sapir, Edward. 2008. *Language. An Introduction to the Study of Speech*. Book Jungle.
- Schwartz, Henry B. 1908. *In Togo's Country: Some Studies in Satsuma and Other Little Known Parts of Japan*. Cincinnati: Jennings and Graham.
- Sekiguchi, Takeshi. 1942. Kaze-no Chihōmei-no Kenkyū (風の地方名の研究) [A Study of Local Names of Wind]. *Chirigaku Hyōron* 18(3): 200–218.
- Shibata, Takeshi (ed.). 1967. *Zenkoku Hōgen Shiryō. Dai-Kyū-Kan: Hekichi/Ritōhen San* (全国方言資料 第9巻へき地・離島編三) [*All-Japan Dialect Materials, Volume 9: Peripheries and Remote Islands, part III*]. Tokyo: Nihon Hōsō Kyōkai.
- Shimoji, Michinori, Heinrich, Patrick (eds.). 2014. *Ryūkyū Shogo no Hoji o Mezashite — Shōmetsu Kiki Gengo o Meguru Giron to Torikumi* (琉球諸語の保持を目指して — 消滅危機言語めぐりの議論と取り組み) [*Pursuing of Ryukyuan Language Maintenance: Debate on and Initiatives for Endangered Languages*]. Tokyo: CoCo Shuppan.
- Silberfeld, Thomas, Florence Rousseau, Bruno de Reviers. 2014. An Updated Classification of Brown Algae (Ochrophyta, Phaeophyceae). *Cryptogamie, Algologie* 35(2): 117–156.
- Smith, George. 2010. *Lewchew And The Lewchewans: Being A Narrative Of A Visit To Lewchew Or Loo Choo, In October, 1850*. Whitefish: Kessinger Publishing.
- Smits, Gregory. 2018. *Maritime Ryukyu, 1050–1650*. Illustrated edition. Honolulu: University of Hawaii Press.
- SRIRC = Southwest Regional Industrial Revitalization Center (Nansei Chiiki Sangyō Kassei-ka Sentā) (南西地域産業活性化センター). 2018. *Okinawa-Ken-no Jinkō Dōtai-to Shōrai Suikei Jinkō-ni Kansuru Chōsa Kenkyū* (沖縄県の人口動態と将来推計人口に関する調査研究) [*Investigative Research on Population Dynamics and Projected Future Population in Okinawa Prefecture*]. Available online at: www.pref.okinawa.jp/site/kikaku/kagaku/shuseki/energy/h31energykobo.html.
- Spalding, J. Willett. 1855. *The Japan Expedition: Japan and Around the World; an Account of Three Visits to the Japanese Empire, with Sketches of Madeira, St. Helena, Cape of Good Hope, Mauritius, Ceylon, Singapore, China, and Loo-Choo*. New York: Redfield.
- Takahashi, Toshizō, Kiku Chiyo. 2001. Yoron-Chō Higashiku Hōgen-no Gyogyō Goi (与論町東区方言の漁業語彙) [Fishing vocabulary in the Higashi district of the Yoron Island]. In: Shinji Sanda (ed.). *Endangered Dialects of Japan (Endangered Languages of the Pacific Rim Publications Series A4-001)*: 193–222. Osaka: ELPR.
- Tanigawa, Ken'ichi. 2010. *Rettō Jūdan. Chimei Shōyō* (列島縦断 地名逍遥) [*Place Names Across the Archipelago*]. Tokyo: Fuzanbō International.
- Tawata, Shinichirō. 1997. *Gaikoku Shiryō-o Chūshin-to Suru Okinawa-go-no Onsei On'in-ni Kansuru Rekishiteki Kenkyū* (外国資料を中心とする沖縄語の音声・音韻に関する歴史的研究) [*Historical Research on Okinawan Phonetics and Phonology Focusing on Foreign Materials*]. Tokyo: Musashino Shoin.
- Tawata, Shinichirō. 2010. *Okinawa-go On'in-no Rekishiteki Kenkyū* (沖縄語音韻の歴史的研究) [*Research on the History of Okinawan Phonology*]. Hiroshima-shi: Keisuisha.
- Thomason, Sarah G. 2001. *Language Contact*. Edinburgh University Press.

- Thomason, Sarah G., Terrence Kaufman. 1988. *Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics*. Berkeley / Los Angeles / Oxford: University of California Press.
- Thorpe, Maner Lawton. 1983. *Ryūkyūan Language History*. Ph.D. thesis. University of Southern California.
- Uemura, Yukio. 1997. Ryūkyū Rettō-no Gengo: Sōsetsu (琉球列島の言語 総説) [The Languages of the Ryukyu: Overview]. In: Kamei Takashi, Rokurō Kōno, Ei'ichi Chino (eds.). *Nihon Rettō-no Gengo* (日本列島の言語) [*The Languages of the Japanese Islands*]. Tokyo: Sanseidō.
- Williams, Samuel Wells. 1837. Narrative of a Voyage of the Ship Morrison, Captain David Ingersoll, to Lewchew and Japan, in July and August, 1837. *The Chinese Repository* 6(5): 209–229.
- Yoshida, Tadao, Masahiro Suzuki, Kazuo Yoshinaga. 2015. Check List of Marine Algae of Japan (Revised in 2015). *Japanese Journal of Phycology* 63 (January): 129–189.
- Yoshiyuki, Higa. 2021. Kinsei Ryūkyū-ni Okeru Jinkō Suii-no Chiikisei-ni Tsuite (近世琉球における人口推移の地域性について) [Regional Characteristics of Migration in Modern Ryukyu]. *Journal of Regional Science for Small Islands* 2: 19–39.

Lexicographic sources

- Bouz-Konnyaku. 2021. *Bōzu-Konnyaku-No Shijō Gyokairui Zukan* (ぼうずコンニャクの市場魚貝類図鑑) [*Bouz-Konnyaku's Illustrated Guide to On-the-market Fish and Seafood*]. Available online at: www.zukan-bouz.com.
- Hashiguchi, Mitsuru. 2004. *Kagoshima Hōgen Daijiten Jō/Ge* (鹿児島方言大辞典上・下) [*Great Dictionary of Kagoshima Dialects, Vols. 1-2*]. Kagoshima: Taki Shobō.
- Hirayama, Teruo. 1986. *Amami Hōgen Kisogoi-No Kenkyū* (奄美方言基礎語彙の研究) [*A Study of the Basic Vocabulary of Amami Dialects*]. Tokyo: Kadokawa Shoten.
- Hirayama, Teruo (ed.). 1988. *Minami Ryūkyū-No Hōgen Kisogoi* (南琉球の方言基礎語彙) [*Basic Vocabulary of the Dialects of the Southern Ryukyus*]. Tokyo: Ōfūsha.
- Hirayama, Teruo (ed.). 1992. *Nihon Hōgen Daijiten* (日本方言大辞典) [*A Great Dictionary of Japanese Dialects*]. Tokyo: Meiji Shoin.
- Hokama, Shuzen. 1995. *Okinawa Kogo Daijiten* (沖縄古語大辞典) [*A Great Dictionary of Old Okinawan*]. Okinawa Kogo Daijiten Henshū linkai (ed.). (沖縄古語大辞典編集委員会). Tokyo: Kadokawa Shoten.
- Karimata, Shigehisa. 2003. *The Phonetics and Vocabulary of the Sani Dialect (Amami Oshima Island, Ryukyuan Language Group)*. *Endangered Languages of the Pacific Rim Publications Series*. Osaka: ELPR.
- Kokuritsu Kokugo Kenkyūjo (国立国語研究所) (ed.). 1963. *Okinawago Jiten* (沖縄語辞典) [*A Dictionary of Okinawan*]. Tokyo: Ōkurashō Insatsukyoku.
- Koshigaya, Gozan. 1941. *Butsurui Shōko* (物類称呼) [*Names for All Things: a Dictionary of 18th-century Japanese Dialects*]. Tokyo: Iwanami Shoten.
- Matsuda, Yasuo. 1991. *Chikugo Hōgen Jiten* (筑後方言大辞典) [*Dictionary of Chikugo Dialects*]. Kurume: Kurume Kyōdo Kenkyūkai.
- Miyagi, Shin'yū. 2003. *Ishigaki Hōgen Jiten* (石垣方言辞典) [*Dictionary of the Ishigaki Dialect*]. Naha: Okinawa Taimusu-sha.
- Miyagi, Shin'yū, Shin'ichi Kajiku, Eikichi Hateruma, Satoshi Nishioka (eds.). 2002. *The Lexical List of Ishigaki Dialect*. *Endangered Languages of the Pacific Rim Publications Series (A4-017)*. Osaka: ELPR.
- Nakasone, Seizen. 1983. *Okinawa Nakijin Hōgen Jiten* (沖縄今帰仁方言辞典) [*Dictionary of the Nakijin-Okinawan Dialect*]. Tokyo: Kadokawa Shoten.
- Nevskij, Nikolaj A. 1992. *Materialy Dl'a Izuchenija Govora Ostrovov Miyako: Slovar'* [*Materials for the Study of the Language of the Miyako Islands: a Dictionary*]. Tokyo: Waseda University Library.
- Osada, Suma, Tahoko Suyama, Misako Fujii (eds.). 1977. *Amami Hōgen Bunrui Jiten Jō/Ka* (奄美方言分類辞典上・下) [*Classifying Dictionary of an Amami Dialect, Vols. 1/2*]. Tokyo: Kazama Shoten.
- Oshio, Mutsuko. 2009. *Okinawa Ie-Jima Hōgen Jiten* (沖縄伊江島方言辞典) [*Dictionary of the Ie-Okinawan Dialect*]. Ie: Ie-son Kyōiku linkai.
- Satō, Ryōichi, Munemasa Tokugawa, Shōgakukan Jiten Henshūbu (小学館辞典編集部) [Editorial Board of Shōgakukan Dictionary] (eds.). 1989. *Nihon Hōgen Daijiten* (日本方言大辞典) [*Great Dictionary of Japanese Dialects*]. Tokyo: Shōgakukan.
- Sawakata, Hisao. 1967. *Jidaijitsu Kokugo Daijiten. Jōdaihen* (時代別国語大辞典。上代編) [*The Great Historical Dictionary of Japanese. Old Japanese*]. Tokyo: Sanseidō.

- Shimoji, Kayoko. 2017. *Taramafutsi Jiten. Tarama Hōgen Kiso Goi* (たらまふつ辞典。多良間方言基礎語彙) [*Dictionary of Tarama-Miyako. Basic Vocabulary of the Tarama Dialect*]. Tarama: Tarama-son Kyōiku Iinkai.
- Tajiri, Eizō. 1975. Tokara Rettō (Nakanoshima/Hirajima)-No Akusento-to Goi (トカラ列島 (中之島・平島) のアクセントと語彙) [Accent and Vocabulary of the Tokara Archipelago (Nakanoshima and Hirajima)]. *Gobun Kenkyū* 39/40: 46–56.
- Tomihama, Sadayoshi. 2013. *Miyako Irabu Hōgen Jiten* (宮古伊良部方言辞典) [*Dictionary of Irabu-Miyako*]. Naha: Okinawa Taimusu-sha.
- Uemura, Yūtarō. 2004. *Tanegashima Hōgen Jiten* (種子島方言辞典) [*Dictionary of the Tanegashima Dialect*]. Tokyo: Musashino Shoin.

A. Ярош, Дж. Орланди. Предварительный анализ общекрыю-рюкюских субстратных терминов, имеющих отношение к морю и мореплаванию

В данной статье авторы выдвигают предварительную гипотезу относительно того, что многочисленные общие термины в области мореплавания и «морской» лексики, обнаруженные между языками Рюкю и диалектами Кюсю, могут свидетельствовать в пользу наличия «кюсю-рюкюского» единства в составе японской языковой семьи. Приводятся кюсю-рюкюские когнаты и возможные общие лексические инновации в областях мореплавания, навигации и морской фауны. В дальнейшую поддержку гипотезы приводится также ряд общих морфологических черт, объединяющих диалекты Кюсю и языки Рюкю. В заключительном разделе выдвигается идея о трех хронологических уровнях кюсю-рюкюских языковых отношений; в частности, предполагается, что еще в первом тыс. н.э. на территории Кюсю был распространен «пра-сацугу-рюкюский» язык, положивший начало рюкюскому языковому разнообразию.

Ключевые слова: рюкюские языки; мореплавательная терминология; японские языки; кюсю-рюкюская общность; языковое распространение; генетическая классификация языков.